

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

Л.И. Исаева

ПОМЕЩИК ЛЮ ВЭНЬЦАЙ

*Исторический пример
манипулирования общественным сознанием
в Китае*

МОСКВА
ИДВ РАН
2022

УДК 94(510):929 Лю Вэньцай:32.019.5
ББК 63.3(5Кит) ,8 Лю Вэньцай+60.0(5Кит)
И85

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИДВ РАН

Ответственный редактор
лауреат Государственной премии РФ
доктор философских наук

Анатолий Евгеньевич Лукьянов

Рецензенты

кандидат филологических наук, зав. отделом
литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН

Наталья Владимировна Захарова,

кандидат исторических наук, зам. директора ИДВ РАН,
руководитель Центра «Россия, Китай и мир»

Сергей Владимирович Уянаев

Исаева Л.И.

Помещик Лю Вэньцай : исторический пример манипулирования общественным сознанием в Китае / Л.И. Исаева; отв. ред. А.Е. Лукьянов; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: ИДВ РАН, 2022. — 174 с. — ISBN 978-5-8381-0388-8

DOI: 10.48647/IFES.2022.53.89.001

Книга написана опытным исследователем культурно-исторических традиций древнего и современного Китая: Людмила Исаева — автор девяти научных работ, посвященных традиционной символике, религиозным течениям и верованиям, народным праздникам и фестивалям, прикладному искусству и ремеслам, а также другим аспектам китайской культуры.

Впервые в истории отечественной синологии вниманию читателей предлагается жизнеописание знаменитого на весь Китай помещика, ставшего в годы «культурной революции» инструментом в классовой борьбе внутри китайского общества. Руководство страны того периода стремилось представить Лю Вэньцай самым свирепым эксплуататором за всю историю Китая. Вокруг этого персонажа сконцентрировалось множество обмана, подтасовок фактов и сфабрикованных лжесвидетельств. Ему приписывались чудовищные поступки и преступления, которых он на самом деле не совершал. Все это делалось ради того, чтобы манипулировать общественным мнением с целью устранения политических противников в период и в течение долгого периода после «культурной революции». Автор предлагает свой беспристрастный и более объективный взгляд на личность и жизнедеятельность помещика Лю Вэньцай.

Ключевые слова: Китай, история, «культурная революция».

УДК 94(510):929 Лю Вэньцай:32.019.5
ББК 63.3(5Кит) ,8 Лю Вэньцай+60.0(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0388-8

© Исаева Л.И., 2022
© ИДВ РАН, 2022

Посвящается моему брату, Сергею Иценко,
востоковеду, журналисту, писателю
и моему наставнику

Рисунок художника Фэн Цыкай

Оглавление

Предисловие	6
Введение	9
Глава I.	
ОБРАЗ «МИРОЕДА»	19
1.1. Лю Вэньчай и «культурная революция»	19
Глава II.	
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ	33
2.1. Истоки семейства Лю	33
2.2. Брат за брата	38
2.3. Хаос после 1916 года. Эпоха милитаристов	41
2.4. Кто был ничем, тот стал всем	44
2.5. Способы обогащения милитаристов	55
2.6. Чередка неудач	62
2.7. Война внутри клана Лю	66
2.8. Чан Кайши и семейство Лю	77
2.9. С коммунистами или Гоминьданом?	
Восстание 1949 года	87
2.10. Возвращение на родину	93
2.11. Примерный семьянин	97
<i>Супруга Люй</i>	97
<i>Супруга Ян</i>	99
<i>Куртизанка Лин</i>	100
<i>Наложница Лян</i>	104
<i>И снова — куртизанка Лин</i>	105
<i>Наложница Ван</i>	107
1. <i>Женитьба</i>	108
2. <i>Потеря супруга</i>	111

<i>Наложница Ван и супруга Ян</i>	113
<i>В жизни все переменчиво</i>	117

Глава III.

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ ИСТОРИЯ	121
3.1. Родственники и потомки	121
3.2. Правда и вымыслы	134
3.3. Новый взгляд на помещика	138
3.4. «Исправление имен»	142
3.5. Можно ли вернуть доброе имя?	151
3.6. Итоги. Три Лю, три разных жизненных пути	154
 <i>Заключение</i>	 161
 Summary	 163
Примечания	165
Источники	172

Предисловие

В Китае популярно выражение: «30 лет находиться на восточном берегу реки, 30 лет — на западном» (三十年河东, 三十年河西). Оно означает, что в жизни все переменчиво: то спад, то подъем, то успехи, то потери. Река Хуанхэ, как заметили китайцы, неоднократно меняла свое русло, и не раз оказывалось, что селение, находившееся на ее восточном берегу, вдруг оказывалось на западном (мы о берегах сказали бы «левый» и «правый», но у китайцев — свои ориентиры). Отсюда и пошла поговорка.

И в самом деле, как часто мы наблюдаем взлеты и падения одного и того же человека! Сегодня он богат, известен и вызывает у окружающих целую гамму эмоций — от зависти и осуждения, ненависти и презрения до стремления оказаться поближе к нему на жизненном пути и подобострастно нахваливать, чтобы получить частичку внимания и, возможно, толику материальных благ. Завтра он становится банкротом, хотя, казалось, так прочно стоял на ногах, что никакая сила не сможет его отодвинуть от завоеванного места под солнцем.

А иной — наоборот: прозябал в стесненных материальных обстоятельствах, и вдруг — взлет, слава, популярность. Где большие деньги — там и слава, где известность — там, как правило, и новые деньги. Но, возможно, ненадолго — ведь ничто не вечно под Луной!

Несколько десятков лет назад мое внимание на рынке древностей в Пекине привлекла парочка пожилых супругов, изготовленная из фарфора. Порадовала тонкая работа мастера, точно изобразившего и позы, и выражения лиц. У женщины — с хитринкой, у мужчины — туповатое. Они сидят на высоких фарфоровых табуретах (китайцы любят пользоваться такими в знойные дни) и что-то подсчитывают: у супруги в руках счеты *суань-пань*, а мужчина просто загибает пальцы с длинными ногтями, а на лице — такое напряжение, что, кажется, он никогда не сможет сложить «2+2».

Одеты оба в традиционную одежду конца династии Цин, довольно богатую. У мужчины — длинная коса из-под круглой шапочки «арбузная корка». Конечно, я тут же приобрела чудесную парочку и стала расспрашивать у продавца, кто изображен.

«Помещик Лю Вэньцай, который по утрам пил женское молоко для омоложения, а провинившихся крестьян помещал в собственную тюрьму, где бедолаги стояли по пояс в воде» — услышала я. Видимо, на моем лице отразилось недоверие, потому что продавец добавил: «В провинции Сычуань есть даже музей, посвященный этому помещику!» Столь скудную информацию я запомнила. И позже, сколько бы ни расспрашивала оказавшихся в нашем доме китайцев, подводя их к полочке с колоритными супругами, все выдавали одно и то же: «Помещик-эксплуататор, по утрам пил женское молоко...»

О Лю Вэньцае школьникам рассказывали на уроках, писали в учебниках, вот и отложились в цепкой детской памяти на всю жизнь наиболее впечатляющие факты о молоке и темнице с водой.

Из Пекина фарфоровая парочка переехала вместе с нами в Москву и стояла здесь в течение многих лет, радуя глаз совершенством работы и тонким юмором мастера. Почему-то для меня тех нескольких фраз об эксплуататоре оказалось достаточно, я не испытывала любопытства к его персоне и потребности узнать о помещике как можно больше.

Но в 2019 г. мы оказались в провинции Сычуань, где гостеприимные китайцы организовали для российских журналистов потрясающую экскурсию по семи городам с многочисленными достопримечательностями. «А музей Лю Вэньцая далеко от Чэнду?» — спросила я. Доброжелательность китайцев всем нам известна: «Не очень близко, но, раз вам знакомо это имя и есть интерес, — непременно съездим!»

Музей меня ошеломил, и я решила написать статью о самом знаменитом китайском помещике, о котором далеко не все китаисты слышали. Впрочем, если и слышал кто, то не больше моего — лишь трафаретные фразы. Добытых материалов оказалось так много, а фак-

ты из жизни Лю Вэньцая оказались настолько интересными, что захотелось написать книгу.

В жизни все переменчиво! Жил помещик в юности достаточно скромно, по причине нехватки средств даже образования не получил. Но постепенно, благодаря младшему брату, который преуспел в жизни, став известным милитаристом, довольно быстро поднялся и Лю Вэньцай, да так высоко, что и счета деньгам не знал, и оказался своим среди «сливок общества».

Казалось, так будет всегда. Но судьба непредсказуема: сначала брат потерпел поражение в войне со своим племянником, а затем милитаристов и вовсе смели, — на просторах Поднебесной возникло новое государство под названием КНР.

Уже после кончины Лю Вэньцая пропагандистская машина в угоду политической ситуации превратила почившего в яркий символ деспота и тирана, о котором говорили: «Нет в мире зла, которое бы он не совершил!» В течение десятилетий несколько поколений китайцев верили в то, что им внушали относительно помещика Лю. «По утрам пил женское молоко...»

Но вот наступили новые времена. С конца 70-х годов прошлого века «политика реформ и открытости», предложенная Дэн Сяопином, при жизни одного поколения подняла страну со дна бедности и смуты на небывалую вершину благосостояния и стабильности. В обществе появились новые герои, и призыв коммунистической партии к населению «Обогащайтесь — кто и как может!» китайцы восприняли с энтузиазмом.

Кто-то открывал собственные солидные предприятия, другие — скромные заведения, а то и просто торговали с лотка или выставляли нехитрый товар на газете, расстеленной на тротуаре. И, если я завела разговор с китайскими друзьями о печально знаменитом помещике, некоторые со смущенной улыбкой говорили: «Он, конечно, — эксплуататор, но, с другой стороны, — и крепкий хозяйственник: сумел сколотить отличное состояние, потому что умел распоряжаться средствами».

Всего за несколько десятилетий отношение к Лю Вэньцаю поменялось трижды. В жизни все переменчиво: то успехи, то потери...

Введение

Юго-западный Китай, провинция Сычуань, — родина бамбуковых лесов и уникальных «бамбуковых медведей» — панд, сакральное место силы¹ и китайского духа.

Знакомясь с этим невероятно богатым краем, где до сих пор «культура царства Шу¹» оказывает влияние на жизнь общества, задумываешься о том, что именно эта земля породила огромное количество ярких исторических личностей, персонажей и героев сказаний и легенд, талантливых ученых и политиков, оказавших глубокое влияние на развитие Китая.

Достаточно вспомнить единственную в истории Китая женщину-императрицу У Цзэтянь², изобретателя лунного календаря Ло Ся-

---

¹ Места силы — особые районы планеты Земля, на которых фиксируется сильная энергетика. Это могут быть природные памятники, уникальный ландшафт и т.п. (горы, озера, пещеры...), места, связанные с важными историческими событиями или религиозной деятельностью людей (места паломничества) и многое другое.

Человек, попадая на «место силы», ощущает сильное воздействие, которое может проявляться как на физическом, так и на эмоциональном уровне. Характер такого воздействия может быть как положительным, так и отрицательным.

² У Цзэтянь (624–705), бывшая наложница императора Тай-цзуна, попавшая во дворец в 14 лет, путем интриг и убийств смогла возвыситься до статуса правителя страны, став первой и единственной в истории Китая женщиной-императрицей, и фактически правила государством на протяжении сорока лет, начиная с 665 г. и до своей смерти.

Многим россиянам более известно имя правительницы Цы Си, которую тоже иногда для удобства и краткости называют «императрицей». На самом деле после смерти супруга, императора Сяньфэна, его официальная жена Цы Ань и наложница Цы Си стали регентшами при малолетнем сыне императора. После смерти вдовствующей императрицы Цы Ань и императорского сына Цы Си правила Китаем при малолетнем племяннике Гуан Сюе. В 19 лет племянник взойшел на трон, но у власти пробыл совсем недолго, — Цы Си отправила его под домашний арест и продолжила наслаждаться властью, сосредоточив ее в своих руках на долгие десятилетия.

хунаⁱⁱ, одну из четырех красавиц древнего Китая Дяо Чань³, вождей крестьянских повстанцев Ван Сяобо и Ли Шуня⁴. Сычуань — это место действия героев «Троецарствия»⁵, написанного Ло Гуаньчжунем, — Чжан Фэя, Гуань Юя, правителя Лю Бэя, его советника Чжугэ Ляна и других. Здесь родился поэт Ли Бай⁶, известный в России как Ли Бо.

---

³ Дяо Чань (貂蟬) — одна из четырех великих красавиц Древнего Китая по прозвищу «затмившая луну». Все они были спутницами императоров и стали символами женской красоты. Жила в период Восточная Хань. В отличие от остальных трех красавиц, нет никаких доказательств, подтверждающих ее существование. Тем не менее, о ней часто упоминается в китайских исторических записях, в том числе и в романе «Троецарствие».

⁴ Ван Сяобо (王小波) и Ли Шунь (李順) в ранний период династии Северная Сун возглавили крестьянское восстание в провинции Сычуань, когда гнет со стороны помещиков, чиновников, буддийских и даосских монастырей, захватывавших земли, стал невыносимым. После того, как император Сун Тай-цзун (宋太宗) вступил на престол (976–998), жизнь народа стала невыносимой из-за постоянных стихийных бедствий и голода, результатом которых стали дороги, усеянные трупами.

Народные ополченцы в 991 г. штурмом взяли города Чанчжоу (昌州) и Хэчжоу (合州), а в 992 г. — Жунчжоу (榮州), Жунчжоу (戎州), Цзычжоу (資州) и Фушунь (富順).

В 993 г. в уезде Цинчэн (青城縣) вспыхнуло восстание под предводительством Ван Сяобо и Ли Шуня. Лозунг Ван Сяобо «Бедные и богатые должны быть равны!» поддержало более 10 тысяч повстанцев. Когда Ван Сяобо погиб, его товарищ Ли Шунь взял руководство оставшими на себя. На следующий год они покорили главный город Чэнду и установили свою политическую власть в Сычуани, взяв под контроль всю провинцию.

Даже после гибели Ли Шуня повстанцы продолжали упорно сражаться, и лишь в 995 г. восстание удалось подавить. Несмотря на поражение, помещичий класс получил такой урон, что после восстания надолго исчезло само понятие «аренда земли у помещика».

⁵ «Троецарствие» — один из четырех самых популярных классических исторических романов, написанный, предположительно, в XIV в. и повествующий о событиях перед и во время эпохи Троецарствия в Китае (220–280), когда империя Хань распалась на три государства: Вэй, Шу и У, после чего началась борьба за воссоздание единого и централизованного Китая.

В древности на территории Сычуани находились царства Шу и Ба, и эту территорию получил в управление первый ханьский император Лю Бан после свержения империи Цинь. Он использовал ее, как плацдарм для завоевания всего Китая. Позднее, в эпоху Троецарствия, Лю Бэй, претендовавший на продолжение линии ханьской династии, смог укрепиться в царстве Шу, которое назвал Хань.

⁶ Ли Бо, или Ли Тайбо (李白, 李太白), — китайский поэт времен династии Тан. Годы жизни: 701–762 (763). На китайском языке имя поэта звучит Ли Бай, и такое произношение в современном русском языке считается правильным.

Провинция Сычуань — родина выдающегося китайского военачальника маршала Чжу Дэ⁷, друга Мао Цзэдуна, и, наконец, это родина «архитектора китайских реформ», революционера и патриота, талантливого политика, человека, сотворившего китайское экономическое «чудо», — Дэн Сяопина.

В XX в., в период становления КНР и укрепления власти КПК, провинция являлась сферой активной информационно-пропагандистской работы китайских коммунистов. В 1920–30-х годах этот регион оказался искусственно разделенным на зоны влияния многочисленных милитаристских группировок, и КПК активно внедряла в общественное сознание антигоминьдановские настроения, привлекая крестьян Сычуани на свою сторону.

Китайские политики традиционно используют широко известных литературных героев либо исторические личности в качестве символов-клише для эмоционального воздействия на общественное мнение в нужном для себя направлении. В период «культурной революции» в Сычуани также был создан подобный образ — помещика Лю Вэньцая, который долгое время являлся олицетворением деспотизма и эксплуатации.

В данной работе впервые делается попытка объективно описать личность помещика и показать, как образ реально жившего человека использовался в качестве инструмента для манипулирования общественным сознанием. Несомненным достоинством книги является то, что она, включая жизнеописание героя, создана с привлечением большого количества первоисточников на китайском языке, которые также вводятся в научный оборот впервые.

Изучение данной темы представляется важным еще и потому, что она открывает малоизвестную страницу в истории провинции Сычуань, а также в истории страны периода «культурной революции».

В работе показано, как на протяжении времени менялись оценки и отношение представителей власти и широких кругов населения Китая к жизни и деятельности этого т.н. «помещика-тирана», в том числе и со стороны современной китайской молодежи.

Фабрикация злодейств Лю Вэньцая и широкое использование его искусственно созданного негативного образа в идеологической работе властей и традиционных СМИ по формированию нужного об-

---

⁷ Чжу Дэ (朱德) — военный, государственный и политический деятель, соратник Мао Цзэдуна, лидер китайской революции 30–40-х годов XX столетия. Годы жизни: 1886–1976.

ественного мнения созвучны современным методам создания и распространения ложной информации в эпоху развития новых медиа- и информационных ресурсов в Интернете.

Данную тему необходимо изучать, поскольку подобные недобросовестные методы работы сохраняются до настоящего времени, и они не обязательно соотносятся только с китайскими СМИ. По своему воздействию на умонастроения людей такие кампании и акции имеют долговременный характер и способствуют мифологизации событий или явлений. Восстановление истины протекает долго и мучительно, о чем свидетельствуют, например, молодежные дискуссии относительно личности помещика Лю, которые ведутся в China net на протяжении последних 7–9 лет.

Некоторые участники таких споров даже напоминают о тех реформаторских начинаниях, которые Лю Вэньцай пытался внедрить в сельском хозяйстве провинции примерно 80 лет назад, и которые реализованы сегодня на родине Дэн Сяопина в виде образцовых сельских хозяйств, в которых автору данного исследования довелось побывать в мае 2019 г.

Кратко коснемся темы манипулирования общественным сознанием. Крылатая фраза «кто владеет информацией, тот владеет миром» (Натан Ротшильд) верна в наше время, как никогда. Как только стала известна восприимчивость психики человека к внешнему воздействию (внушению), пропаганда и агитация стали основным рычагом воздействия на людей, заменив собой грубую физическую силу. Попытки управлять населением предпринимались везде и всегда, но с широким распространением печатных изданий, радио, телевидения, а теперь и Интернета такое воздействие стало эффективнее, а его методы и способы постоянно совершенствуются.

С некоторых пор стало возможным одновременное восприятие одной и той же информации огромными массами людей. Каждый человек, вне зависимости от возраста, национальности и вероисповедания, ежедневно подвергается информационному воздействию. По эффективности влияния на психическое состояние населения средства массовой коммуникации и информации выходят на первое место.

СМИ — средства массовой информации (телевидение, пресса, радио, и т.п.), СМК — средства массовой коммуникации, более широкое понятие; помимо СМИ, к ним относятся также кинематограф, театр, цирк, все зрелищные мероприятия и литература, видеофильмы,

компьютер, различные виды рекламы, видео- и звукозапись, мессенджеры и т.п., с помощью чего можно воздействовать на массовую аудиторию.

Воздействие средств массовой коммуникации невероятно мощное по своей силе, ибо происходит психологическая обработка не отдельного индивида, а множества людей, объединенных в массы. И если какая-либо информация поступает к человеку посредством СМК, то она непременно оседает в памяти индивида. Оседает независимо от того, успело сознание обработать хотя бы часть подобной информации, или нет; запомнил ли индивид вложенную в его мозг информацию, или забыл. Сам факт поступления информации через СМК уже предполагает, что она навсегда отложились в памяти человека и в его подсознании. И это означает, что такая информация может оказать свое воздействие на сознание и поведение индивидуума как в данный момент, так и через многие годы.

При этом не важно, осознал ли человек подобную информацию или нет. Она может усиливаться, если была обогащена эмоциями. Любые переживания, чувственная наполняемость смысловой нагрузки какой-либо новости значительно усиливают запоминаемость, формируют доминанту эмоционального образа в коре головного мозга, а через нее и психологические установки на подсознательное поведение. Если информация «бьет по чувствам», то «цензура психики» уже не может оказывать свое стабилизирующее и объективное воздействие в полной мере, потому как чувства, эмоции легко преодолевают защиту психики, и такая информация прочно усваивается подсознанием, надолго оставаясь в памяти.

Способы воздействия на умы людей в корыстных целях используются давно. Например, чтобы повысить продажи табака и привлечь к курению еще и женщин, в 1929 г. главы табачных компаний США провозгласили, что сигарета в пальцах мужчины является символом свободы (напоминает факел в руке у статуи Свободы) и власти над женщиной. В знак протеста феминистки Америки устроили грандиозное шествие с сигаретами в руках, и впоследствии многие женщины начали курить, подражая мужчинам и называя себя свободными.

Управление людьми и манипулирование их мнением посредством СМК — распространенное явление в наши дни. Манипуляция — особая форма управления человеком с целью принятия им определенных решений и совершения каких-либо действий, необходимых тому, кто этим человеком управляет. По сути, речь идет об особом

виде власти, который принуждает людей менять свои жизненные привычки и приоритеты, принципы и предпочтения, нормы морали и т.д. на изначально чуждые им. Манипулирование основано на целенаправленном искажении исходных данных. При этом особую роль играет символизация информации, которая напрямую связана с созданием «воображаемых миров».

Благодаря умелым манипуляциям поведение большой массы людей становится предсказуемым в направлении, выгодном для манипуляторов. Волевое, направляющее воздействие происходит в скрытой форме, без объяснения аудитории как механизмов воздействия на нее, так и ожидаемого от нее характера поведения и преследуемых при этом целей.

Феномен воздействия СМК на сознание граждан заключается в том, что сегодня они играют основополагающую роль в построении картины окружающего нас мира. Идеально на роль манипулятивного кнута и пряника, управляющего не только настроением, но и поведением народных масс, подходит мифотворчество посредством СМК.

Если говорить о мифотворчестве в средствах массовой информации, то на телевизионном экране современные мифы чаще всего формируются посредством аналитических авторских программ. Музыкальное сопровождение усиливает высказывания ведущих. Документальные сюжеты строятся по законам «застывшего» времени. Общие и дальние планы резко сочетаются с деталями, ошеломляя своим неожиданным монтажным переходом. Такая детализация, усиленная либо комментарием, либо музыкальным сопровождением, служит «ударом» по психике зрителя.

Одновременно в структуру передачи включается сиюминутное документальное «событие» — звонок чиновнику, который повинен в том или ином действии или бездействии, его беспомощные или лживые ответы. А иногда телефон звонит и звонит, но никто не отвечает. Все это — почти театральное действо. Но такая форма воздействует на зрителей одновременно подавляюще и завораживающе.

Одни считают, что такие передачи нужны, так как они будоражат общество, концентрируют внимание на текущих проблемах. Другие относятся к ним отрицательно. Форма и содержание программы, срастаясь в единое целое, создают современные «мифы» на злободневные темы.

В «информационном» обществе социальное мифотворчество, осуществляемое путем внушения и подражания мифам, играет огромную социокультурную роль. Мифы внедряются в сознание и подсо-

знание, воздействуют на мировоззрение и чувства людей. Благодаря своей чрезвычайной насыщенности, эмоциональности, эффективности они обладают повышенной социокультурной живучестью. Жизненность мифа объясняется тем, что, опираясь на реальные факты бытия, он часто воспринимается как абсолют, неоспоримый аргумент.

Вообще существует два рода мифов. Первый (и наиболее древний) — «бессознательно-художественный» (К. Маркс) способ приспособления сознания человека к действительности. Древние мифы китайцев, к примеру, являются для них вовсе не сказкой, а реальной жизнью, и входят в их «внутреннюю картину мира».

Другой род — это пропагандистские мифы, создаваемые с целью маскировки реальной действительности для обеспечения стабильности той или иной социально-культурной структуры. Пропагандистские мифы мистифицируют действительность, создают ложное сознание.

Структура мифа и характер его восприятия общественным сознанием хорошо изучены, что позволило создать в «демократических» государствах целую индустрию, фабрикующую и внедряющую мифы с целью манипуляции сознанием и поведением аудитории. Для современного зрителя уже стали привычными повторы в информационных блоках, а затем интерпретация тех же фактов в аналитических программах, усиленная под определенным углом. Таким образом происходит манипуляция вниманием зрителя.

Все чаще видные деятели, политики, журналисты, блогеры, каналы СМК используют приемы психологического воздействия на аудиторию, поэтому язык становится не только средством передачи информации, но и инструментом воздействия, самым настоящим бескровным оружием. Манипуляционный язык отличен от языка здравого смысла, чужд ему, но умелая маскировка позволяет безличной риторике почти беспрепятственно проникать в сознание и подсознание людей, менять их поведение.

Манипулирование общественным сознанием достигает особого значения во время экономических и идейно-политических кризисов, дезинтеграции общества, дезориентации субъектов. Речь идет о ситуации, когда искажается (намеренно или случайно) реальная картина происходящего в условиях отсутствия объективного объяснения происходящего и утраты уверенности в будущем.

Если вспомнить о нашем герое по имени Лю Вэньцай, ставшем жертвой пропаганды и в период «культурной революции», и на протяжении долгих последующих лет, то с целью манипулирования общественным сознанием правящими кругами были виртуозно ис-

пользованы все способы и методы, которые мы упомянули, характеризуя СМИ и СМК: о его злодеяниях писали в учебниках для детей, создавались кинофильмы, ставились спектакли, издавались книги и альбомы, изготавливались скульптурные группы, которые демонстрировались по всему Китаю.

Агитаторы, якобы пострадавшие от свирепого помещика, разъезжали по стране, доводя население до эмоциональных срывов своими рассказами вперемешку со слезами. Огромное количество населения «прошло через» экспозиции музея, созданного в бывшей резиденции клана Лю в провинции Сычуань, где опытные экскурсоводы также доводили посетителей до рыданий, ярко описывая страдания беззащитных крестьян от гнета помещика-мироеда.

Для усиления впечатления работники музея демонстрировали и орудия пыток, и подземную тюрьму, где наказанные стояли по пояс в воде, и окровавленную одежду, хотя перечисленные предметы и факты оказались фальшивыми, придуманными и сфальсифицированными. Все подобные басни придумали в период господства крайне левых политических взглядов в стране. Ложь оказалась необходимой в угоду пропаганде: раз Лю Вэньцзя объявили классовым врагом, то приходилось надуманные факты подгонять под этот образ.

Какое отношение к нам имеет тот далекий пример мифологизации жизни и деятельности помещика Лю Вэньцзя? Ознакомившись с его историей, можно было бы лишь улыбнуться наивности и доверчивости китайцев, поверивших, что «для омоложения помещик по утрам пил женское молоко, а для наказания провинившихся крестьян содержал собственную тюрьму». Однако в настоящее время в ряде стран, прежде всего, в США и Великобритании, существуют центры информационной войны, целью которых является «промыывание мозгов» собственного и зарубежного населения в выгодном для манипуляторов направлении.

Командование психологических операций вооруженных сил США и киберподразделения армии Великобритании набирают людей, имеющих опыт журналистской работы, с хорошим знанием русского, украинского и др. языков для круглосуточного мониторинга и анализа социальных сетей. При этом один оператор может представлять в интернет-профилях десять и более человек. Люди в Интернете — не всегда те, за кого себя выдают. Их задача — использовать все возможности для предопределения перемен в обществе в пользу своих работодателей.

Именно таким образом им удалось дестабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке. Такие же способы воздействия на население нашей страны используют «фабрики мысли» в Америке (Пентагон и ЦРУ). С одной стороны, они стремятся убедить жителей США в том, что существует военная угроза со стороны России, с другой — пытаются манипулировать информацией и влиять на моральный дух, сплоченность и лояльность населения России к институтам власти, исказить моральные устои и сознание россиян. К сожалению, современная история изобилует примерами того, как средствами информационной войны разрушаются цветущие прежде государства и поработаются или изгоняются с собственных земель целые народы.

Цель США, Великобритании и их единомышленников — рассредоточенная и несбалансированная Россия с ослабленной или разрушенной экономикой, что позволило бы Вашингтону вновь занять положение господина по отношению к нашей стране, как это уже было в ельцинский период. Перечисленные задачи перемещаются сейчас в сферу информационной войны; при этом киберподразделения разрабатывают и проводят психологические операции непосредственно в соцсетях. Этим, в частности, занимаются региональные батальоны 4-й группы психологических операций ВС США (4th Military Information Support Operations Group), командование которой дислоцируется в Форт-Брэгг, подразделения 77-й бригады британской армии (77th Brigade) с командованием в пригороде Ньюбери и другие киберподразделения НАТО.

Аналитики военной разведки используют фейковые аккаунты, взламывают личную почту, недозволенными методами собирают персональные сведения. Они практикуют манипулирование мнением населения, используют подставные агентства лже-новостей, с помощью которых разрушают карьеру неугодных им политиков и продвигают своих «агентов влияния».

В настоящее время шесть крупнейших промышленно-финансовых корпораций США скупили 90% всех СМИ страны; им же принадлежит 70% кабельного телевидения с наиболее массовой в Америке аудиторией. Такая высокая концентрация позволяет правящему классу вести информационные войны мощно, целенаправленно и нередко результативно. Беда в том, что такую войну не все люди видят и чувствуют, сам факт ее ведения многие отрицают, а попытки противостоять информационной агрессии со стороны общества и собственного государства часто воспринимают как подавление свободы

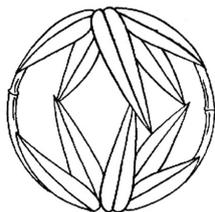
слова. Информационная война — закулисные западной политики, а главный объект атаки — наша Родина. Создание хаоса и нестабильности в других странах — задача политиков США.

Вор, чтобы отвлечь от себя внимание, кричит «Держи вора», указывая на другого. Так же поступают, к примеру, пропагандисты из Вашингтона и Лондона, обвиняя Россию, которая якобы совершает кибератаки на государственном уровне и влияет на выборы в США и других странах.

Нужно признать, что манипулятивные приемы заокеанских идеологов и пропагандистов постоянно совершенствуются и усложняются. Эффективной массовой защиты от них не было и, пожалуй, не будет. Замечание о том, что нужно относиться ко всему критически, можно отнести к риторическим восклицаниям, ведь многие приемы манипуляторов рассчитаны именно на то, что границы критического восприятия постоянно отодвигаются.

Не случайно Ричард Никсон, 37-й президент США, выступая в Совете национальной безопасности по вопросу бюджетных расходов, сказал: «Я считаю каждый доллар, вложенный в информацию и пропаганду, более ценным, чем десять долларов, вложенных в создание систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время как информация работает ежедневно и повсеместно»⁸.

В связи с этим стоит помнить и понимать, что единственным оружием против подобных информационных атак является правда и только правда. Любые фальшивки разбиваются в прах, если им противостоят объективные сведения и правдивая информация, которая разбудит голос разума и критического анализа. Голос, который задаст вопросы: «Кому, в первую очередь, это выгодно, станет ли от этого моя жизнь лучше уже сегодня или завтра, а не «в недалеком будущем», которое все никак не наступит» и многие другие. В том числе — а кем на самом деле являлся помещик Лю?

---

⁸ Цитируется по Олег Матвейчев «О манипуляциях общественным мнением». <https://arkan-m.livejournal.com/1254494.html>

Глава I

ОБРАЗ «МИРОЕДА»

1.1. Лю Вэньцай и «культурная революция»

1.

Китайцы любят все классифицировать и стандартно объединять какие-то явления или известных людей в условные группы, чаще всего — по четыре или восемь человек, хотя иногда встречаются и другие цифры. Например, «четыре красавицы древнего Китая», «восемь бессмертных», «семь мудрецов из Бамбуковой рощи». Существует и такое понятие, как «четыре крупных помещика Китая». Речь идет об известных всей стране деспотах, эксплуататорах и «кровососах» Лю Вэньцае (刘文彩), Хуан Шижэне (黄世仁), Нань Батяне (南霸天) и Чжоу Бапи (周扒皮).

Причем, реальным человеком является лишь первый, живший в провинции Сычуань; остальные три — обобщенные образы, выведенные в революционном спектакле «Седая девушка» (1945 г.), художественном фильме «Красный женский батальон» (1961 г.) и романе «Гао Юйбао» (1955 г.). Три иероглифа «Лю Вэньцай» стали «кодовым» названием для всех помещиков старого Китая.

С фотографии на нас пристально смотрит пожилой человек с проседью в волосах. В течение многих лет, стоило в Китае упомянуть его имя, в памяти людей всплывали трафаретные фразы: «помещик-деспот», «эксплуататор и угнетатель», «старое китайское общество», «темница с несчастными по пояс в воде», «двор, где собирают арендную плату»...

В период Китайской Республики (1912–1949) Лю прославился как крупный землевладелец и удачливый помещик. А во время «культурной революции» в КНР (1966–1976) и в течение многих лет после нее Лю Вэньцай представляли многим поколениям китайцев как классический образец кровопийцы, символ капиталиста-деспота, потому что не существовало якобы зла, которого он не совершил бы.

В течение многих лет китайцам внушали, что Лю Вэньцай — ничтожество, ужасный злодей, а гораздо позже уже наши современники при посещении его бывшей резиденции-музея вспоминали фильм «Парк Юрского периода» с его кровожадными монстрами. Ведь и самого тирана представляли чудовищем, которое пожирало людей, даже не выплевывая костей. Такое представление о знаменитом помещике, кажется, прочно отложилось в подсознании китайцев. Его объявили «самым свирепым помещиком за последние три тысячи лет», и дурная слава о нем прогремела на всю страну.

Все началось с того, что когда Мао Цзэдун в 1958 г. стал говорить об особой важности классовой борьбы, местные чиновники провинции Сычуань, стремясь продемонстрировать председателю Мао рвение в классовой борьбе, объявили покойного Лю Вэньцай классическим примером помещика-эксплуататора в их краях. Могилу этого «классика» разрыли, над телом надругались, изрубив останки на куски, и впоследствии они вообще исчезли. Получилось, что через 10 лет после кончины Лю Вэньцай вдруг стал таким знаменитым, что затмил некогда гремевшее имя младшего брата, возглавившего «восстание», речь о котором пойдет ниже.

В угоду пропаганде в 1959 г. в бывшей усадьбе Лю Вэньцай соорудили камеру пыток, а в подвале дома поместили клетку и частично заполнили ее водой. Утверждалось, что там жестокий помещик содержал узников. Да еще убеждали, что, стоя по пояс в воде в течение нескольких дней, наказанные либо умирали, либо у них «отслаивалась кожа». Нашлась даже «пострадавшая», которая уве-

ряла, что видела в этой темнице горы человеческих костей. И население Китая поверило данному пропагандистскому трюку.

В том же 1959 г., во время празднования Нового года по Лунному календарю, усадьбу помещика превратили в музей, который за годы «культурной революции» посетили 50 млн человек, — это число можно сравнить с населением целого государства.

В июне 1965 г. по заказу правительства провинции Сычуань художник Ли Чжаньян (李占洋) вместе с четырьмя скульпторами из Сычуаньского института изобразительных искусств и с помощью местных народных умельцев создали многофигурную скульптурную композицию. Во время работы скульпторам сначала позировали артисты местной оперы, а затем в качестве моделей стали приглашать обычных крестьян, чтобы те повторяли отточенные движения крестьянского труда.

Первоначально изготовили гипсовые фигуры, и композиция называлась «Иллюстрации к 100 злодеяниям». Позже мастера выполнили фигуры с деревянными каркасами, головы, руки и ноги которых были сделаны из воска; на них надели настоящую одежду. Надпись гласила: «Люди, выжившие после заточения в водной темнице».

Еще позже возникла композиция «Двор сбора аренды», в которой представлены 114 персонажей из глины в натуральную величину. Она состояла из семи групп людей, объединенных такими темами, как «Плата аренды», «Проверка оплаты аренды», «Провеивание зерна», «Отмеривание зерна», «Ведение учета», «Сбор ренты с помощью силы» и «Пламя ярости». Для яркой наглядности композицию разместили на территории усадьбы-музея.

Из 114 персонажей 82 — изображения мужчин, 32 — женщин; из них 17 — старики и 18 — дети. Есть даже изображение собачонки. Положительных героев представляют 96 скульптур, отрицательных — 18. И те, и другие выполнены гротескно. Лица крестьян печальны либо преисполнены гнева. Отрицательные персонажи отличаются свирепым выражением лиц. Композиция демонстрировала неравную борьбу замученных крестьян с жадным помещиком и его прихвостнями. Рассматривая композицию в музее-усадьбе и слушая пояснения экскурсовода, многие рыдали в голос, «заражая» и стоящих рядом.

В 1970-х годах «Двор сбора аренды» с глиняными скульптурными группами отреставрировали в очередной раз и оградил стеклом, чтобы посетители не трогали фигуры руками. Каждые два года специалисты покрывают их защитным лаком, сохраняя так для потомков.

По идейной и художественной значимости, а также узнаваемости в Китае данная скульптурная группа занимает второе место после Памятника народным героям на площади Тяньаньмэнь.

Композиция вызвала в Китае сенсацию и настоящий фурор; о ней писали, говорили, сняли полнометражный документальный фильм «Злодеяния в помещичьей усадьбе», а также поставили спектакли «Ненависть к водной темнице» и «Записки о водной темнице». Произведение неоднократно выставлялось за рубежом — в Японии, Албании, Вьетнаме, Канаде.

Так в 1960-х годах возникли политические символы, связанные с именем знаменитого помещика, весомо представленные в усадьбе клана Лю: «водяная тюрьма» и «двор, где собирали арендную плату».

Вот только один из примеров того, как использовалось имя помещика в пропагандистских целях. В 1960-х годах в главном управлении компетентных органов сфабриковали дело о том, что Лю Вэньцай якобы имел в усадьбе специальную комнату, где развлекался с женщинами и несовершеннолетними мальчиками. При этом в качестве пострадавших указывались имена второй сестрицы Ли, кормилицы Линь и еще нескольких несуществующих женщин, о которых никто никогда в округе не слышал.

Для подтверждения других преступлений помещика в одном из дальних уголков усадьбы соорудили композицию глиняных героев, а для достоверности в углу, у ограды, бросили окровавленную одежду. Экскурсоводы поясняли, что здесь Лю Вэньцай убивал свои жертвы, чтобы завладеть их имуществом.

При этом одна скульптурная группа изображала, как помещик заглаживает колодец, чтобы у крестьян не оставалось воды для полива, а другая — как он «блокирует» поле крестьянина, не желавшего продавать свой участок: скупил все земли вокруг, чтобы лишить упряма возможности попасть на него.

Посетителям рассказывали историю о том, как Лю Вэньцай приказал своему приспешнику, «собачьей ноге», Цао Кэмину (曹克明) убить трех самых бедных крестьян за то, что они занимались посадкой риса на том поле, которое помещик намеревался у них приобрести. И «собачий прихвостень» якобы совершил убийство в том месте, где осталась окровавленная одежда.

Сын Цао Кэмина — Цао Дэнгуэй (曹登贵), проживающий ныне в Аньжэни по улице Вэйсин, 56, рассказывает об отце следующее. В те годы в провинции действовали банды, совершавшие кровавые

преступления. Например, они отнимали у торговцев магазины, а бывших владельцев вместе с семьями убивали. Поэтому в уезде объявили приказ о розыске и задержании трех убийц.

В поисках прибежища один из бандитов вспомнил о дальнем родственнике по имени Лю Ишань (刘益山), и все трое вбежали в его дом. Через некоторое время хозяин пригласил к себе нескольких закройщиков, чтобы те срочно пошили одежду из ворованного черного шелка. Узнавшие об этом крестьяне доложили в волостной комитет, и его председатель Лю Шаоу (刘绍武) срочно собрал своих сотрудников, среди которых находился и Цао Кэмин, чтобы схватить преступников.

Прибыв на место, Лю Шаоу велел Цао Кэмину для начала одному войти в дом, чтобы понять, есть ли там бандиты. Когда Цао вошел, один из бандитов направил на него пистолет. Спасая свою жизнь, Цао тоже выхватил оружие и открыл огонь. Тут же два трупа повалились на пол. Третий бандит выбежал на улицу, где его застрелили сотрудники комитета.

Лю Ишань, у которого прятались бандиты, приходился племянником помещику Лю Вэньцаю, и дядя до этого случая относился к нему неплохо. Однако, узнав, что тот укрыл у себя бандитов, рассердился и велел племяннику перебраться в другой дом, расположенный достаточно далеко. Помещик не хотел иметь такого соседа, пусть и родственника, который совершил отвратительный поступок.

Цао Кэмина же сделали «козлом отпущения»: его арестовали за убийство и приговорили к двум годам заключения. Поскольку Лю Вэньхуэй, младший брат помещика Лю Вэньцая, в то время еще имел силу и власть, он был связан с уездной управой; по его указанию Цао Кэмина и наказали. Позже провели новое расследование и пришли к выводу, что он правомочно застрелил бандитов. Из тюрьмы выпустили, однако наклеили ярлык «контрреволюционного элемента».

Руководству провинции требовался новый антигерой, и, угрожая расправой, Цао Кэмина заставили признаться, что он являлся приспешником давно усопшего Лю Вэньцая, и что застрелил он не бандитов, а трех обычных крестьян.

В те времена, добываясь признания, не стеснялись избивать жертву, в том числе подвесив ее вверх ногами. Чтобы унижить невинного еще и морально, его заставляли позировать скульпторам в качестве персонажа, который убил крестьян и отобрал их собственность. У бесправного мученика не оставалось выбора, не имелось ни малейшего шанса защитить себя.

В мае 1966 г., когда скульптурная группа для музея-усадьбы была завершена, Цао Кэмину связали руки сзади, закрепили веревку на шее, и вывели на всеобщее обозрение. На этот раз его обвинили в том, что он якобы распускал вздорные слухи об отсутствии у помещика Лю Вэньцаю подземной водяной темницы. В тот же вечер Цао Кэмина из Аньжэни отправили в полицейский участок уезда Даи. Вскоре уездный суд сфабриковал дело о его преступлениях и приговорил к 15 годам тюремного заключения.

После прихода к власти Дэн Сяопина старые дела начали пересматривать, аннулируя подложные. Цао Кэмин тоже попросил написать за него апелляцию, его дело пересмотрели и срок снизили до пяти лет, признав прежнее наказание слишком суровым. Но узник к тому времени уже отсидел 14 лет!

Выйдя на свободу, Цао Кэмин не смирился и решил бороться за свое доброе имя. Ничто и никогда не связывало его с помещиком Лю Вэньцаем, а потому бедный крестьянин не мог принимать участие в убийствах и отъеме имущества в интересах богача. И он оказался прав, утверждая, что в знаменитом поместье никогда не существовало подземной водяной тюрьмы. Стало быть, для осуждения Цао Кэмина не имелось никаких оснований. Он изложил свои пояснения и отправил их в уездный суд.

Суд не осмелился принять заявление к рассмотрению. Тогда Цао Кэмин написал в районный суд, но и там ему отказали. Сложилась такая ситуация, про которую китайцы говорят: «взываешь к Небу, — оно не откликается; взываешь к Земле — нет ответа!» В гневе и отчаянии Цао Кэмин покончил с собой на пороге уездного суда, приняв яд. Можно сказать, что самоубийство стало последней попыткой доказать свою правоту. Перед этим он попросил сына добиться правды.

Позже статую Цао Кэмина убрали из сада помещика: мол, пусть душа несчастного успокоится; ни к чему притягивать невинного человека, не имевшего никакого отношения к Лю Вэньцаю, к преступлениям помещика.

2.

22 апреля 1966 г. музей посетил китайский историк и писатель Го Можо¹, и увиденное настолько впечатлило его, что он тут же написал стихотворные строки:

«Едва войдя во двор, где собирали ренту,
Ты чувствуешь, как классовая ненависть тебя переполняет.
Средь местных мироедов и тиранов уезда Даи
Вдруг выдвинулись эксплуататоры семейства Лю.
Подземная тюрьма и водная темница, бесчисленные копыя, пики...
В любой момент и без причины тут голову отрубят...
Кровь бедняков и море скорби...
А рядом — зернохранилище и пышная усадьба богача».

Эти строки красиво оформили и вывесили у входа в виде свитков.
В настоящее время от стихов в усадьбе остались лишь две строки:

«Едва войдя во двор, где собирали ренту,
Ты чувствуешь, как классовая ненависть тебя переполняет».

Зато сохранились строчки, написанные супругой Го Можо:

«Высоко поднимем великое красное знамя идей Мао Цзэдуна!
Накрепко запомним классовую ненависть,
Доведем до конца классовую борьбу!»

В 1966 г., перед «культурной революцией», история семьи помещика Лю попала в школьные учебники для начальных классов, а в годы самой «революции» всем его родственникам пришлось несладко. Страна возненавидела семью помещика Лю Вэньцая; его оставшихся родственников подвергали арестам, жестоко избивали и даже убивали.

В 1970 г. скульптурную группу в очередной раз переделали. Секция политической работы при революционном комитете провинции Сычуань выпустила документ с указанием: «Поскольку выставка этих скульптур вызывает большой интерес в Пекине и за рубежом,

---

¹ Го Можо (郭沫若) — китайский писатель, поэт, историк, первый президент Академии наук КНР.

следует дополнительно изготовить фигуры по темам, иллюстрирующим сопротивление и бунт».

В 1972 г. такие группы были созданы, и они получили следующие названия: «Яркий фонарь указывает дорогу», «Цзаофани² уничтожили мерные сосуды доу³», «Освобождение от оков», «Поимка злодея», «Установление политической власти» и «Революция продолжается».

Одновременно пропаганда скульптурной группы «Двор сбора аренды» поднялась на «новый уровень». Такие авторитетные средства массовой информации, как агентство «Синьхуа» и газета «Жэньминь жибао», стремясь опередить друг друга, нескончаемым потоком публиковали статьи, рассказывающие о знаменитой скульптурной группе из музея-усадьбы в Сычуани.

Центральная киностудия сняла полнометражный документальный фильм, который демонстрировался по всему Китаю. Издательство «Жэньминь мэйшу» (人民美术出版社) распространило по всей стране фотографии, художественные альбомы и комиксы, а издательство «Литература на иностранных языках» (外文出版社) выпустило в свет соответствующие книги на эсперанто, английском, японском, французском и др. языках.

Но и это — не все. Галерею глиняных образов неоднократно копировали и размещали в Шанхае, Пекине, Ухани, Гуанчжоу, Ханчжоу, Шэньяне, Сиани, Ханьчжуне, Чунцине и других городах Китая.

Старенький директор музея рассказывает, что за билетами люди выстаивались в четыре огромные очереди, а желающие осмотреть экспонаты все прибывали и прибывали. Перед знаменитой композицией собирались такие толпы людей, что не было возможности двинуться вперед или отступить назад: отовсюду напирала «паломники». Вечерами, когда музей закрывался, работники выметали немалое количество обуви, которую теряли посетители в давке. Наибольший наплыв наблюдался, конечно, во времена «культурной революции».

В течение многих лет в Китае утверждали, что Лю Вэньцай нещадно эксплуатировал крестьян. Любой бедолага, намереваясь взять

---

² Цзаофани (造反) — «бунтари», участники рабочих организаций, созданных в ходе «великой пролетарской культурной революции» в 1966–1968 гг. Обычно являлись молодыми, низкоквалифицированными работниками, временными рабочими, служащими.

³ Доу (斗) — мерный сосуд емкостью около 10 литров.

у помещика в аренду 1 му⁴ земли, должен был прежде заплатить 2 доу зерна в качестве залога. Однако из-за инфляции залог вскоре обесценивался, и помещик либо отбирал землю и отдавал ее в аренду другому крестьянину, либо навязывал первому арендатору новый договор, согласно которому крестьянин повторно вносил залог.

Экскурсоводы усадьбы Лю особенно любили рассказывать о *мерах* для сыпучих веществ *доу* и веялке для зерна, которыми пользовался помещик. Якобы он велел изготовить разные по размеру меры *доу*: если брал залог зерном, то использовал большой сосуд, а если приходилось возвращать залог, то его отмеряли уменьшенным вариантом мерного сосуда, обирая несчастных крестьян. Давая зерно в долг, он якобы тоже хитрил, отмеривая его нестандартными, уменьшенными *доу*, а когда должники возвращали зерно, помещик использовал увеличенные меры, чтобы получить больше зерна, чем давал в долг.

Веялка якобы представляла собой механизм, работающий с помощью воздушного потока, и работникам приходилось с натугой вращать невероятно тяжелое колесо, чтобы металлические лопасти создавали ветер, подобно вентилятору; при этом выдувались не только ненужные шелуха, пустозерница, солома и мусор, но и большое количество хорошего зерна, с таким трудом выращенного и собранного крестьянами. Вывод экскурсоводов: помещик не ценил крестьянский труд.

На самом деле ни разномерных *доу*, ни веялок в усадьбе не было. В 1980-х г. в Чэнду выступала труппа национального эстрадного искусства, и один из артистов по фамилии Го, высмеивая помещика Лю Вэньцаю, придумал историю с мерными сосудами *доу*, чтобы произвести впечатление на зрителей. После этого у экскурсоводов тоже появилась такая версия, и они стали в подробностях рассказывать посетителям о том, как жадный помещик грабил крестьян.

Что касается веялки для зерна, то у помещика в хозяйстве никогда не имелось подобной машины. Зато жил в тех краях талантливый крестьянин по имени Ляо Цзэншань (廖增山), создавший в виде эксперимента подобие такой веялки. И, опять же, молва приписала такой агрегат Лю Вэньцаю, а экскурсоводы в красках описывали посетителям мучения крестьян, работавших на нем.

Утверждали, что помещик Лю обижал и женщин: не удовлетворяясь своим гаремом с женой и наложницами, он еще и крестьянок

---

⁴ Му (亩) — мера земельной площади, 1 му примерно равен 7 соткам.

насиловал. Впрочем, понятно, что и про мерные емкости *доу* и обиженных женщин — все это из разряда сплетен и преувеличений в угоду потребностям пропаганды.

В зависимости от политических веяний, когда необходимость в проведении классовой борьбы то «нарасталась», то «затихала», музей неоднократно переименовывали, меняли мебель, лозунги, экспонаты и оформление, добавляя все новые и новые фигуры в скульптурные композиции.

Первоначально, в 1950-х годах прошлого столетия, он именовался «Музей помещицъей усадьбы уезда Даи». В период «культурной революции» *хунвэйбины*⁵, недовольные названием, заменили его на другое: «Педагогическая выставка классового воспитания уезда Даи».

Но этим дело не закончилось: недовольные *красные охранники* повсюду расклеивали пропагандистские *дацзыбао*⁶, и потому работники музея приняли решение закрыть все помещения и павильоны, кроме «двора сбора аренды» и «тюрьмы с водой».

По завершении этого страшного периода старое название вернули: «Музей помещицъей усадьбы», а в 1996 г. он получил современную вывеску «Музей усадьбы клана Лю».

В конце 1985 г. в музей пригласили более 20 ученых — литераторов, историков, философов — для тщательного анализа экспонатов. Те обратили внимание на резные стропила и роскошно украшенные балки, а также на редчайшие культурные ценности в количестве 2742 предметов. В результате двухдневных бурных обсуждений пришли к выводу: усадьба и экспонаты сохраняются с таким безупречным старанием, какое редко встречается в стране. Сам музей — эксклюзивная историческая ценность, а потому работникам следует поддерживать достоверность экспонатов и содержания экспозиции, избегая фальсификации и домыслов.

Следуя новым рекомендациям, работники музея вскоре установили, что на самом деле небольшой подвал в усадьбе состоял из двух «этажей»: на верхнем хранили опиум, а в нижнем помещении действительно стояла вода — чтобы поддерживать определенную влаж-

---

⁵ *Хунвэйбины* (红卫兵) — члены отрядов студенческой и школьной молодежи в Китае, созданных в 1966–1967 гг., одни из наиболее активных участников «культурной революции» наряду с цзаофанями.

⁶ *Дацзыбао* (大字报) рукописная стенгазета в Китае, используемая для пропаганды, выражения протеста и т. д. Широкое распространение эти газеты получили во время «культурной революции».

ность для зелья. «Помещения для пыток и казней» служили складом, где сохраняли фарфоровые изделия и держали про запас товары к Новому году.

Фактически все страшные воспоминания и фобии у китайцев, связанные с именем Лю Вэньцзя, ставшего во время «культурной революции» символом капиталиста-деспота, основывались на умышленных преувеличениях и домыслах в угоду политическим требованиям того времени.

В 1987 г. работники музея написали в высшие инстанции предложение о необходимости упразднения «комнаты для пыток» и «подземной тюрьмы с водой», ибо утверждение о наличии их в усадьбе при жизни помещика не соответствует действительности.

В результате в 1988 г. «темницу» осушили, а клетки для «арестантов» и инструменты пыток вывезли. Старые таблички сменили на новые: «Склад для опиума» и «Товары для Нового года».

3.

Упомянутые выше трафаретные символы жестокого помещика-мироеда («водяная тюрьма» и «двор, где собирали арендную плату») не только разлетелись по всему Китаю, но «вышли на международный уровень» благодаря женщине по имени Лэн Юэин (冷月英), ставшей «политической звездой».

«Я не смогла заплатить аренду, потому, что лишь три дня назад родила ребенка, и меня заточили в водяную темницу на семь дней», — рассказывала она в пропагандистском фильме, утирая сопли и слезы. Эта женщина когда-то считалась отличником труда и работала заместителем председателя уездного Народного политического консультативного совета. В период острой классовой борьбы в стране родилась и широко распространилась легенда о водяной темнице, и Лэн Юэин стала изображать из себя единственную жертву заточения, оставшуюся в живых.

Внук помещика
Лю Сяофэй (справа)
в Аньжэни

Причем, во время выступлений Лэн Юэин утверждала, что провела в темнице то девять дней в 1937 г., то семь дней в 1943 г. Впервые в качестве «жертвы» она появилась в 1951 г., а в период «культурной революции» и до 1977 г. «звезда» выступала уже профессионально с разных трибун, рассказывая «о пережитых горестях и мечтах о светлом будущем». Подсчитано, что выступила она на 1000 площадках, и «свидетельства» ее прослушало более миллиона человек.

Позже внук помещика Лю Вэньцай — Лю Сяофэй (刘小飞), увидев в музее фильм с откровениями Лэн Юэин, возмутился: «У этой женщины — ни стыда, ни совести!»

В период «культурной революции» обострилась борьба между двумя группировками пострадавших якобы от помещика. Лэн Юэин принадлежала к одной, а некий Вань Хунюнь (万红云, или 万洪云) — к другой.

История этого мужчины довольно любопытна. Когда-то Вань Хунюнь работал поваром в семье Лю Вэньюаня (刘文渊), старшего брата помещика Лю Вэньцай. После освобождения случилось как-то, что повар заболел, и ему сделали укол. При этом внесли инфекцию, и Вань едва не умер. В конце концов, все обошлось, но на руке, на месте укола, остался большой рубец.

Когда из политических соображений стали плести всевозможные небылицы о помещике-деспоте Лю Вэньцае, «руководители сверху» разыскали Вань Хунюня и попросили сказать, что шрам на руке остался после того, как его избili по приказу Лю Вэньцай металлической плетью. Его фигуру изваяли из глины и разместили в знаменитом «дворе для сбора аренды»; он стал героем и полноправным членом знаменитой скульптурной группы.

После этого Вань Хунюнь вошел в узкую группу людей, «пострадавших» от жестокого помещика, которые регулярно ездили по стране с выступлениями, рассказывая, как над ними издевался знаменитый деспот.

В качестве гастролировавшей жертвы Вань Хунюнь стал чрезвычайно популярным, и в своей известности уступал лишь Лэн Юэин. Между ними возникла своеобразная конкуренция, и Вань писал в *дацзыбао*, что Лэн на самом деле никогда не была арендатором у Лю Вэньцая и, тем более, никогда не сидела в водяной темнице, и что она — самозванка.

В свою очередь, Лэн, как и некоторые другие *хунвэйбины*, в своих *дацзыбао* разоблачала Ваня, у которого на самом деле шрам появился уже после образования КНР, в результате неудачного лечения, и к Лю Вэньцаю не имеет никакого отношения. Две «яркие звезды», колесившие по стране и жаловавшиеся на свою горькую судьбину в дореволюционное время, постоянно порочили друг друга, не давая покоя жителям Аньжэнь⁷, так что об их «борьбе» знали все в округе.

Это соперничество ставило в неловкое положение местное руководство. Чтобы избежать конфуза, стали совещаться, как поступить с перессорившимися «звездами». В конце концов, решили, что роль Лэн Юэин гораздо важнее, и ее история больше впечатляет слушателей. Ваня выслали далеко от родного селения, исключили из группы официальных пропагандистов, выступавших по стране, а его глиняную копию разбили на мелкие куски и вывезли из усадьбы: мы тебя породили, мы тебя и «убрали». Правда, металлическую плетку, которой якобы избивали Ваня, оставили в музее и придумали для нее другую историю.

Впрочем, Вань Хунюнь еще легко отделался: его лишь исключили из группы выступавших и сослали подальше от дома. Гораздо больше пострадал, как мы помним, обычный крестьянин, Цао Кэмин, который посмел сказать во всеуслышание, что в поместье Лю Вэньцая никогда не существовало водяной темницы. За это его приговорили к 15 годам тюремного заключения.

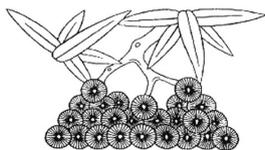
Младшему брату Лю Вэньцая по имени Лю Вэньхуэй (刘文辉) повезло: со временем он переметнулся на сторону коммунистов, и в 1959 г. его назначили министром лесного хозяйства КНР. Благодаря

---

⁷ Небольшой поселок Аньжэнь (安仁镇) уезда Даи (大邑县), относящегося к городу Чэнду (成都), — родина Лю Вэньцая. Аньжэнь — в 13,5 км от Даи и в 42 км от Чэнду. Здесь и находится усадьба семейства Лю, признанная одним из наиболее важных охраняемых культурных памятников Китая.

покровительству Чжоу Эньлая, ему удалось избежать преследования. Но и он, занимая высокий пост, оказался не в силах остановить чудовищную агитационную кампанию, направленную против старшего брата-помещика, — ведь он не мог быть спокойным даже сам за себя.

Лю Шичжао (刘世钊), внук Лю Вэньхуэя, потом рассказывал, как страдал дед, читая газеты со злобными статьями, полными откровенной лжи о его семействе. «Да что они пишут, в конце концов!» — восклицал он с болью.

Глава II ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

2.1. Истоки семейства Лю

Кто бы мог подумать, что привычный ход жизни столь радикально изменится: вместо империи появится Китайская Республика, в их небольшом селении Аньжэнь произойдет столько событий, а в их клане Лю появятся отважные мужи!

В период Китайской Республики клан Лю из Даи¹⁶ смог невероятно быстро возвыситься и столь же стремительно прийти к упадку. В прошлом веке он оказался самым мощным в Сычуани, обладающим властью и влиянием. В городе Даи, помимо трех знаменитых Лю (два брата Лю Вэньцай и Лю Вэньхуэй, а также их племянник Лю Сян), из этого рода выдвинулось немало других известных людей, например, старший брат помещика Лю Вэньцай по имени Лю Вэньюань (刘文渊). В период демократической республики он занимал должности члена Совещательного комитета провинции Сычуань, начальника Верховного суда провинции и др.

Из семейства Лю вышли три командира корпусов, восемь командиров дивизий, 15 старост, а также один губернатор провинции и командующий войсками на театре военных действий в период войны сопротивления Японии. Поэтому о клане Лю шутили говорили: «В трех полках, девяти корпусах и восемнадцати дивизиях не счесть командиров батальонов и рот с фамилией Лю». Согласно историческим источникам, офицеров военной администрации, занимавших должности не ниже командиров полков, из семьи Лю вышло около 50 человек.

---

¹⁶ Даи (大邑县) — один из уездов Чэнду, к западу от этого города.

Лю Вэньхуэй
с семьей

Однако в связи с изменением политической ситуации в стране некогда блестящий клан Лю постепенно исчез: рассеялся по стране и миру. Осталась лишь их усадьба в городе Даи, превращенная в фольклорный музей, как свидетельство истории.

Кто же был основателем такого видного клана?

Согласно историческим записям, один из предков рода Лю оказался переселенцем из района Хуэйчжоу провинции Аньхой. В Сычуань он попал вместе с другими мигрантами в период правления династии Мин. В одних источниках предка называют Лю Цзяочжун (刘觉忠), в других — Лю Инлянь (刘应良). Перебравшись в Сычуань, в город Янь¹⁷ (雅安), он служил в качестве помощника начальника администрации области.

В начале XVII в. один из предводителей крестьянского восстания Чжан Сяньчжун (张献忠) прорвался в Сычуань и стал истреблять людей, словно заросли конопли. Почти вся семья Лю была уничтожена; в ту ночь, когда кровь лилась рекой, лишь одному сыну случайно удалось убежать и остаться в живых. Он долго прятался и, наконец, обосновался в уезде Миншань (名山), но в течение нескольких десятков лет скрывал свое имя.

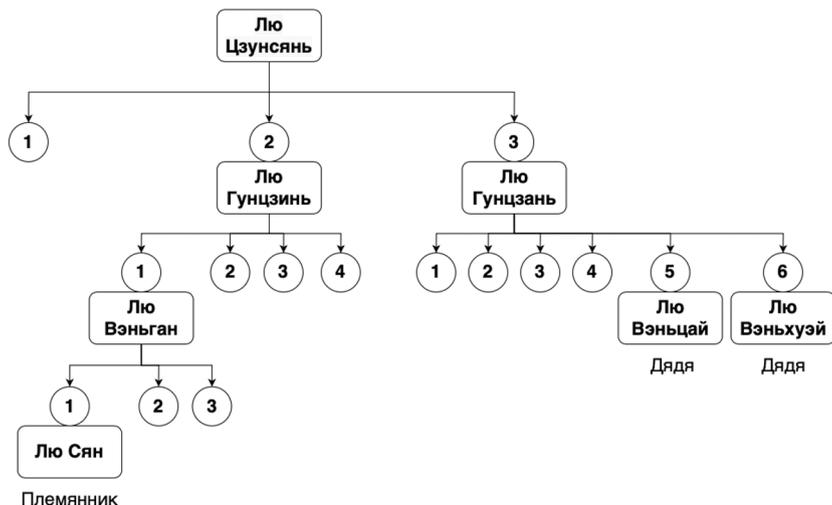
Лишь пятое поколение потомков того первого Лю, что, на свою беду, прибыл в Сычуань (к тому времени правил уже император

---

¹⁷ Янь (雅安) — город на западе Сычуани, по центральной горизонтальной линии — на юго-западе Сычуаньской котловины. На востоке граничит с городами Лэшань и Чэнду.

Цяньлун), открыто объявили свое имя и постепенно стали уважаемыми представителями именитого рода. Их глава, Лю Цзунсянь (刘宗贤), в конце правления династии Цин выдержал провинциальный экзамен на чиновничью должность, став гордостью своего селения.

Схема четырех поколений Лю

1, 2, п... - количество сыновей в поколении

Род талантливого мужчины продолжили три его сына: Лю Гунцзин (刘公晶), Лю Гунцзин (刘公敬) и Лю Гунцзань (刘公赞). Вторым сыном, Лю Гунцзин, успешно выдержав экзамены, стал *сюцаем*¹⁸. От него родилось четверо сыновей, и старший из них, Лю Вэньган (刘文纲), занимавшийся торговлей рисом, оказался наиболее процветающим: приобрел более 40 му заливного рисового поля. Этот удачливый Лю Вэньган вырастил трех сыновей и назвал их Юаньсюнь (元勋), Юаньшу (元树) и Юаньцун (元聪) [в других источниках — Лю Юаньчжи (刘元职)]. Старший, Лю Юаньсюнь, позже сменил имя на

¹⁸ *Сюцай* (秀才) — разговорное название степени *шэньюань*, первой из трех ученых степеней в системе государственных экзаменов *кэцзюй*. Процедура являлась сложной, многоступенчатой. Сначала предстояло сдать предварительные экзамены, чтобы получить право стать соискателем, после них мужчина становился кандидатом на получение ученой степени. Потом кандидаты один раз в три года сдавали экзамены на ученую степень *сюцай* в столицах провинций.

Лю Сян

Лю Сян (刘湘), именно он в период Китайской Республики стал «князем Сычуани».

Младший сын главы рода Лю Цзунсяня по имени Лю Гунцзань после успешной сдачи государственных экзаменов в поздний период династии Цин числился *гуншэном* (贡生), или *шэн-юанем* (生员), т.е. учился в высшем учебном

заведении для подготовки государственных чиновников «Школа сынов отечества». Материальное положение в семье соответствовало достатку зажиточного крестьянина.

Лю Гунцзань дал жизнь шестерым сыновьям (родилась и одна дочь, но девочки в старом Китае не принимались во внимание), и назвал их: Лю Вэньюань (刘文渊), Лю Вэньюань (刘文远), Лю Вэньчжао (刘文昭), Лю Вэньчэн (刘文成), Лю Вэньцай и Лю Вэньхуэй.

Двое последних — Лю Вэньцай и Лю Вэньхуэй, — главные герои нашего повествования, которых в обиходе для удобства называли просто «пятый брат» и «шестой брат». Соответственно, Лю Сян доводился им двоюродным племянником, однако в китайских текстах о семействе Лю слово «двоюродный» часто опускается. Оба брата стали известными на всю страну: Лю Вэньцай — как крупный помещик, Лю Вэньхуэй — как военный начальник, милитарист.

Из краткого экскурса видно, что каждый человек в Поднебесной подлежал учету (кроме женщин), и это очень помогает сейчас при изучении истории.

Отца прославленных братьев — Лю Гунцзаня нельзя назвать бедным: он, как уже упоминалось, владел более 40 му пахотной земли и открыл винную лавку, которая пользовалась успехом в округе на несколько десятков *ли*¹⁹. Однако детей в семье было много, а потому всех выучить не удалось.

¹⁹ *Ли* (里) — единица измерения расстояния, равная примерно 500 м.

Сыновья, как и отец, выросли приличными людьми. Старший, Лю Вэньюань, сдал экзамены и, как и его отец, получил ученую степень *сюцяя*, став кабинетным ученым, переписчиком в канцелярии. Позже Лю Вэньюань, изучив юриспруденцию, занимал, как уже упоминалось, должности члена провинциального Совещательного комитета и начальника суда высшей инстанции провинции Сычуань.

Он пользовался высоким авторитетом в клане Лю благодаря тому, что еще в молодости выделил зал в фамильном храме Лю для обучения молодежи, младших членов семьи. После кончины отца старший сын стал старейшиной рода.

Второй сын, Лю Вэньюань, узкий кругозором и разумом, остался простым крестьянином, найдя радость в работе на земле. Будущий помещик Лю Вэньцай охладил к нему и значительно отдалился, обратив свои симпатии и посвятив жизнь самому младшему брату.

Третий сын, Лю Вэньчжао, смолоду увлекался учением Лао-цзы и Чжуан-цзы, превратившись в «неканонизированного даоса». Его правая нога оказалась изувеченной, и он решил зарабатывать на жизнь портновским делом: целыми днями шил и штопал, склонившись над столом. По характеру и по отношению к миру Вэньчжао был довольно равнодушным и пассивным, напоминая воду, огибающую все препятствия на своем пути.

Наш герой Лю Вэньцай любил Вэньчжао и дружил с ним. Позже, когда он создал «Ассоциацию всеобщего благоденствия» (益协进社)²⁰, предложил брату Вэньчжао почетное место своего заместителя. Как ни странно, тот с радостью согласился, несмотря на многие годы «отшельнической» жизни и презрение ко всяческой «мишуре».

Четвертый сын главы клана, Лю Вэньчэн, смолоду открыл винную лавку, успешно продавая крепкую гаоляновую водку. Позже, опираясь на поддержку младшего брата Лю Вэньхуэя, занял должность директора «ремонтно-механического завода», который на самом деле являлся монетным двором. Естественно, человек, занимавшийся изготовлением денег, имел их в достаточном количестве, и вскоре Вэньчэн открыл собственный банк, купил большой дом. Поскольку в Чэнду имелось множество усадеб, принадлежавших членам семейства Лю, то о городе говорили «половина принадлежит Лю».

---

²⁰ «Ассоциация всеобщего благоденствия» (Ассоциация «Всеобщее благо», «Общество содействия всеобщему благу») образована зимой 1941 г. путем объединения пяти ячеек «клятвоженных братьев» в поселке Аньжэнь.

Несмотря на то, что чеканщик монет Вэньчэн, как говорят в народе, «с четырех сторон был закрыт панцирем из богатства», слыл он жадным и скаредным. Когда его многочисленные сыновья и внуки приходили с новогодними поздравлениями, Вэньчэн, как и принято, одаривал их деньгами. Но если с поздравлениями являлись маленькие дети из дальних родственников, надеяться на наградные им не приходилось.

2.2. Брат за брата

Что касается нашего героя Лю Вэньцяя, то он, по воспоминаниям родственников, остался без образования по причине бедности, и в его обязанности входило ухаживать за младшим братиком Лю Вэньхуэем, который родился на восемь лет позже своего «няньки».

Шестой, и последний сын в семье главы рода — Лю Вэньхуэй, получил второе имя Цзыцянь (自乾), а гораздо позже, после принятия обетов буддизма, взял имя Юйю (玉猷); в быту же его, взрослого, обычно называли «младший батюшка Лю» (刘么爸).

Лю Вэньхуэй появился на свет в 1895 г., когда родителей уже нельзя было назвать молодыми, а потому последний сын стал любимцем и баловнем отца. Как говорят китайцы, «его уши не слышали, что происходит за окном, его интересовали лишь книги», и мальчик действительно оказался невероятно одаренным.

Когда он подрос, стал учиться грамоте в фамильном храме клана Лю, обгоняя сверстников в учебе, а Вэньцяю поручили постоянно

сопровождать Вэньхуэя, так что и старший кое-чему научился, находясь рядом.

Через какое-то время Вэньхуэй самостоятельно поступил в школу. Старший брат и тут всегда находился рядом, это и стало вершиной его «карьеры» в плане образования.

В 13-летнем возрасте, сказавшись 16-летним, Лю Вэньхуэй записался кандидатом в школу сухопутных войск в Чэнду. Его сочинение поразило экзаменаторов: «Если твоя цель — мощное государство, то начинать следует с обучения и тренировки солдат. Если солдаты не владеют в совершенстве оружием, они не смогут оборонять страну от вторжения, и это приведет к бедствию, — распаду страны. Чтобы обеспечить государству благосостояние и изобилие, следует, прежде всего, обогатить народ. Путь к обогащению народа начинается с укрепления сельского хозяйства. Путь спасения народа в том, чтобы следовать естественному ходу событий и действовать в соответствии с обстоятельствами...»

Это выглядело, как пустое разглагольствование, не имеющее ничего общего с темой сочинения. Прочитав его, директор училища даже стукнул рукой по столу от досады и велел пригласить юношу, чтобы увидеть его и поговорить лично. У паренька оказалась вполне симпатичная внешность, он выглядел скромным, вел себя вежливо, и директор принял решение, нарушив установленный порядок, все же зачислить его в школу. Так началась военная карьера младшего из братьев. Далее его направили в среднюю школу сухопутных войск в город Сиань, потом Лю Вэньхуэй отучился в Первой школе сухопутных войск в Пекине. В 1917 г. Лю-младший закончил учебу в Военной академии сухопутных войск в городском округе Баодин. В это время весь Китай оказался охваченным бушующим пламенем милитаристских междоусобиц.

Два неразлучных брата на время все же расстались. Когда младший уехал из дома на учебу, будущий помещик Лю Вэньцай уже превратился в юношу, и отец Лю Гунцзань не мог не задуматься о его жизненном пути.

Сыновей в семье шестеро, и старшие уже определились. Куда же следовало пристроить Вэньцай? Можно попытаться выучиться, можно посвятить себя сельскому хозяйству или обрести рабочую специальность. А может, направить сына по торговой части? Выбор в старом обществе не так уж велик, существовало лишь четыре сословия: ученые, крестьяне, ремесленники и торговцы, и каждый путь сам по себе — вполне достойный.

«Пусть знаний у Вэньцай недостаточно, зато он невероятно смелый и бойкий. Впрочем, торговля не всегда приносит прибыль, уж лучше пусть занимается коммерцией в промежутках между сельскохозяйственными сезонами», — рассудил отец.

Как решил отец, так Лю Вэньцай и поступил. Когда заканчивалась страда, он бродил по улицам и переулочкам, продавая крепкую гаоляновую водку. Через несколько лет такой беготни Вэньцай скопил необходимую сумму, вступил в гильдию торговцев и вместе с несколькими родственниками, объединив капиталы, открыл собственную винную лавку.

Помимо этого, вместе с дядей Лю Вэньганом, отцом Лю Сяна, открыли еще и водяную крупомолку. Так, занимаясь и сельским хозяйством, и торговлей, «не отходя далеко от поля и от родных мест», Лю Вэньцай начал взрослую жизнь. Возмужав, будущий знаменитый землевладелец имел в своем распоряжении немало работников. В результате собственных усилий и сметливости, и благодаря поддержке могущественного младшего брата Вэньхуэя помещик Лю, «где ползком, где кувырком» поднимался все выше, обретая деньги и силу.

Постепенно клан Лю превратился в огромный «корабль», капитаном которого, безусловно, стал младший сын главы клана, Лю Вэньхуэй. Ему предстояло завоевать место под солнцем и возвыситься, а затем и старшего брата вытащить из захолустья, открыв для него новые горизонты.

2.3. Хаос после 1916 года. Эпоха милитаристов

Первый президент Китая — Юань Шикай²¹ — хотел восстановить в Китае монархию. 1 января 1916 г. он провозгласил себя императором, однако против него выступили его же генералы, начав «войну в защиту республики»; иностранные державы также резко отрицательно отнеслись к его планам. 22 марта 1916 г. было объявлено об отмене монархии и восстановлении республики.

В июле 1917 г. члены революционной партии Юга под руководством Сунь Чжуншаня (Сунь Ятсена²²), основателя партии Гоминьдан²³, развернули политическое движение в защиту конституции. Далее они начали борьбу с армией Бэйянского правительства на Севере во главе с Дуань Цижуем (段祺瑞). Центром схватки стала провинция Хунань. Большая часть армии провинции Сычуань тоже оказалась втянутой в эту войну.

Несостоявшийся император пытался сохранить за собой пост президента, но генералы категорически требовали его отставки. От него отвернулась практически вся армия. 6 июня 1916 г. он скоропостижно скончался.

После смерти Юань Шикая в стране начался хаос. Каждый «левой командир», имевший в своем подчинении войска, был полным властителем на той территории, которую он контролировал, поэтому тот период истории Китая называют «эпохой (эрой) милитаристов». Некоторые из национальных окраин страны провозгласили незави-

---

²¹ Юань Шикай (袁世凯) — военный лидер и политический деятель в конце правления династии Цин и в первые годы Китайской Республики. Годы жизни: 1859–1916.

²² Сунь Ятсен, в китайском произношении — Сунь Исянь (孙逸仙); имя в эмиграции — Сунь Чжуншань (孙中山), — китайский революционер, основатель партии Гоминьдан. Годы жизни — 1866–1925.

²³ Гоминьдан (国民党) — консервативная политическая партия Китайской Республики, основанная в 1912 г. Сунь Ятсеном. Партия Гоминьдан выиграла первые общенациональные выборы в Китае. После попытки реставрации монархии в Пекине несколько южных провинций отказались признать парламент и новое правительство. Сунь Ятсен, заручившись поддержкой видных политиков, депутатов от Гоминьдана в распущенной Национальной ассамблее, а также южных милитаристов, в конце июля 1917 г. сформировал свое собственное правительство в Гуанчжоу, известное как Правительство защиты конституции. Южные милитаристские клики признали Гуанчжоу как законную столицу, хотя международное сообщество продолжало признавать правительство в Пекине.

симось: так, в 1924 г. при поддержке СССР была провозглашена Монгольская Народная Республика.

В «эру милитаристов» страну поделили военные правители, или военные губернаторы (督军). Формально этот период длился с 1916 по 1928 г., пока Чан Кайши²⁴ не объединил Китай под своим флагом, перенес столицу в Нанкин. Однако после его победы над старыми милитаристами появились новые генералы, которые не желали признавать власть Центрального правительства. Так вплоть до 1950 года Китай не знал единого центрального правительства, пока длилась Гражданская война.

Милитаристские клики (группировки) по-китайски называют по-разному: *дуучжун цзитуань* (黠武主义集团), *цзюньгоучжун цзитуань* (军国主义集团), *си цзюньфа* (系军阀) или просто *си* (系). Клику Чан Кайши принято называть Цзян *пай* (蒋派). Для удобства клики подразделяют на Северные и Южные, которые включают в себя основные и мелкие группировки. Все северные клики милитаристов признавали пекинское правительство, даже если на деле противостояли ему: не оспаривая законность правительства, они считали, что ему недостает авторитета, чтобы диктовать свою волю провинциям.

На Юге оппозиция правительству оказалась очень сильной. Сычуаньская клика (川系), о которой мы пишем, относится к Южным, и в нее входило около 40 генералов. Они являли собой разномастную публику, и между ними не существовало единства. Многие вели беспутный образ жизни и оказались безграмотными в военном отношении. Чан Кайши, играя на противоречиях между генералами, пытался, не без успеха, ослабить сычуаньскую клику.

Среди крупных милитаристов того периода ведущими можно назвать племянника наших героев Лю по имени Лю Сян, Ян Сэня (杨森), Дэн Сихоу²⁵ (邓锡侯) и Тянь Суняо (田颂尧). Дядю Лю Сяна — Лю Вэньхуэя, если строго говорить, относят к территории Сычуань-

---

²⁴ Чан Кайши — военный и политический деятель Китая, возглавивший партию Гоминьдан в 1925 г. после смерти Сунь Ятсена; президент Китайской Республики, маршал и генералиссимус. Чан Кайши — искаженное китайское имя Цзян Цзеша (蒋介石); сам же он больше любил второе имя, данное матерью, — Чжунчжэн (中正), т.е. «выбирающий золотую середину». Годы жизни: 1887–1975 гг.

²⁵ Дэн Сихоу (邓锡侯) — крупный милитарист сычуаньской клики. Генерал Дэн Сихоу командовал двумя дивизиями и одной бригадой. Он являлся начальником управления по «умиротворению» провинций Сикан и Сычуань. Крайний реакционер, к тому же хитрый и корыстный человек, который использовал свое положение в личных целях. Через близкого к нему генерала Се Дэкана Дэн пытался наладить отношения с главой разведки Дай Ли и использовать его в своих личных целях.

Кам (Кам, или Кхам, — так тибетцы произносят китайское слово *кан* — юго-восточная из трех исторических областей Тибета). Каждый милитарист обладал собственной армией, хотя в данном случае следует понимать, что речь идет о провинциальной армии.

К 1920 г. все милитаристы в Сычуани, начиная от командиров полков и бригад до командиров корпусов и гражданских и военных губернаторов, таких как Ян Сэнь, Лю Цуньхоу (刘存厚), Лю Чэнсюнь (刘成勋), Сюн Кэу (熊克武), Лю Сян (племянник братьев Лю), Лю Вэньхуэй (младший брат Лю Вэньцзя), Лай Синьхуэй (赖心辉) и Чжоу Сичэн (周西成), взялись за оружие и воевали друг с другом.

В период демократической республики Лю Вэньхуэй являлся командиром 24-й дивизии в звании генерал-полковника, а также председателем правительства провинции Сычуань, оставаясь одним из главных действующих лиц среди местных милитаристов, боровшихся за единоличную власть, а также одним из пяти самых известных генералов Сычуаньской армии. Их называли «пять стихий армии Сычуань» (川军五行). Вот их имена: Дэн Сихоу, Ян Сэнь, Лю Сян, Лю Вэньхуэй, Ван Линцзи (王陵基).

Известно, что в Китае придают важное значение «пяти стихиям» (五行), в том числе — и в китайской медицине, и в дате рождения (金、木、水、火、土). В фамильных иероглифах или именах пяти самых влиятельных милитаристов встречаются эти пять стихий: Металл (邓锡侯), Дерево (杨森), Вода (刘湘), Огонь (刘文辉), поскольку иероглиф 辉 имеет и иное написание: 輝, Земля (王陵基).

Причем, интересно, что имена в этой «пятерке» располагали не по статусу или количеству подвигов, а по иероглифам имени, чтобы получилось правильное перечисление стихий.

В ходе двух крупномасштабных войн обе стороны: и Цай Э (蔡锷) с Сунь Ятсеном — на юге, и Юань Шикай с Дуань Цижумом — на севере, привлекали на свою сторону бандитов и разбойников с целью увеличения численности своих армий.

После окончания боевых действий армии сокращались, бандиты возвращались к своим «занятиям», собирались в товарищества, поднимали мятежи и творили произвол. На территории Сычуани наступил период беспрерывных междоусобиц. Благодаря участию в войне, у бандитов скопилось огромное количество оружия: винтовки, револьверы, автоматические пистолеты, пулеметы и даже легкая артиллерия.

Ни один из милитаристов не только не желал отлавливать бандитов, но и всячески переманивал их на свою сторону. Все 178 уездов

провинции Сычуань оказались втянуты в гражданскую войну; банды также действовали на всей территории. Например, только на линии от городского округа Ибинь (宜宾) до города Чунцин²⁶ (重庆) общая численность бандитов достигала 100 тысяч человек, а количество находившегося в их распоряжении короткоствольного и длинноствольного оружия составляло 50 тысяч, плюс 200 с лишним легких и тяжелых пулеметов и 100 пушек.

В основном, они занимались грабежами и похищением людей. При этом мужчин они условно называли «жирными боровами», а похищенных женщин — «жирными свиноматками». Мощь бандитов росла, и если раньше они боялись столкновений с правительственными войсками, то позже правительственные войска стали опасаться бандитских формирований.

2.4. Кто был ничем, тот стал всем

Вернувшись в Сычуань, выпускник академии, младший сын главы династии Лю Вэньхуэй навестил племянника Лю Сяна в Чэнду. Тот как раз получил повышение, став командиром 1-й бригады 1-го Сычуаньского корпуса, впервые выдвинувшись на политической арене. Лю Сян высоко оценил таланты родственника и оказал ему радушный прием.

Однако, вопреки ожиданиям, командир бригады не стал зачислять Вэньхуэя к себе в подчинение, а вручил ему рекомендательное письмо в городской округ Лэшань (乐山) в Сычуани.

Репутация Лю Сяна сыграла свою роль и, едва Лю Вэньхуэй прибыл в Лэшань, как его принял командир 8-го Сычуаньского корпуса Чэнь Хунфань (陈洪范) и назначил командиром 2-го батальона

---

²⁶ Чунцин (重庆) — город, построенный на месте, где река Цзялинцзян впадает в Янцзы. Из-за холмистого ландшафта Чунцин прозвали «горным городом» (山城).

29-го полка. Чэнь Хунфань довольно скоро убедился, что он не ошибся в новом офицере, и через год повысил того на один ранг.

Талантливый представитель семейства Лю совершил головокружительную карьеру: через три года после выпуска он уже стал командиром полка. Это оказался единственный случай такого быстрого повышения в 8-м Сычуаньском корпусе.

5 мая 1920 г. началась схватка с Юньнаньской группировкой, вторгшейся в Сычуань, и Лю Вэньхуэй со своим полком вступил в бой, действуя очень умело. Его военные методы привели в восхищение одного из его военачальников Лю Чэнсюя (刘成勋), и тот, не посоветовавшись с командиром корпуса Чэнь Хунфанем, произвел талантливого офицера в генерал-майоры и назначил командиром отдельной бригады. Одновременно с этим племянник Лю Вэньхуэя — Лю Сян, был назначен командиром 2-й дивизии Сычуаньского корпуса.

С боевым знаменем Чэнь Хунфаня Лю Вэньхуэй направился в городской округ Ибинь. Лю Сян решил перетащить дядю на свою сторону, чтобы назначить Лю Вэньхуэя командиром смешанной бригады Сычуаньского корпуса. Таким образом, Лю Вэньхуэй полностью отделился от Чэнь Хунфаня и стал самостоятельным, чтобы начать карьеру командующего.

Будучи в расцвете сил, он «высоко смотрел и широко шагал», как говорят китайцы, и планы его простирались «выше облаков». Командир Лю мечтал объединить все воинские подразделения Сычуани, и для этого поставил цель: обзавестись как можно бóльшим количеством полезных знакомств, собрать и вырастить как можно больше талантливых подчиненных, начать закупать оружие и боеприпасы и увеличивать свою армию.

Но, несмотря на обширные планы, средств катастрофически не хватало; необходим был человек, который собирал бы для него деньги и ценности. Положиться в таком деле на кого-то постороннего — опасно, а вот пятый братец Лю Вэньцай вполне годился: он не только давно занимался коммерцией, но и обладал исключительным талантом — дисциплинированностью.

Для начала Лю Вэньхуэй просто попросил старшего брата внимательно присмотреться к обстановке в Сюйфу (叙府). Лю Вэньцай вырос белокожим, непохожим на темнолицых крестьян, и отличался задумчивым выражением лица, производя благоприятное впечатление на собеседников. Используя каждую свободную минуту, он заглядывал в чайные, магазины и опиокурильни, ресторанчики и тор-

говые лавки, досконально исследуя обстановку. Не прошло и нескольких дней, как Вэньцай почувствовал: он изучил и людей, и ситуацию в городе, как «собственную ладонь».

В одной из чайных он услышал историю о некоем Цю Шаоюне (邱少云), жившем на улице храма Дунюэ. Тот был владельцем лавки, в которой торговал изделиями из нефрита, чем содержал семью, причем — неплохо. Но однажды пропали два его маленьких сына, и Цю потерял покой, потому что, несмотря на поиски и расспросы, никто не мог сообщить ему ничего конкретного.

Несчастный отец метался, как муравей на раскаленной сковородке, пока однажды кто-то не сообщил ему шепотом, что сыновей видели недалеко от колодца Холодная вода. Цю сначала несказанно обрадовался, но потом услышал продолжение: детей прячут в доме у некоего Ли Цинхэ (李清和), командира городской дружины. На подробные расспросы отца случайный человек отрицательно помотал головой: «Больше ничего не знаю».

Оказалось, похищение организовал Лэй Синчжи, известный в Сюйфу хулиган, сын начальника местного ополчения по имени Лэй Дунюань, по кличке «Монах, имеющий связи на Небе». Сын, чревоугодник, пьяница, развратник и игрок, недавно по-крупному проигрался в азартные игры. Рассвирепев, он придумал способ восстановить благосостояние — «украсть жирную свинью», что на жаргоне означало взять кого-нибудь в заложники. Такой «свиньей» и стали сыновья несчастного хозяина лавки Цю. Тому оставалось лишь смириться: он знал, что начальник ополчения — глава местной мафии, и бедолага приготовил две тысячи юаней банкнотами для выкупа.

Вручив деньги молодому Лэю, Цю попросил освободить детей как можно скорее. Взглянув на сумму, негодяй презрительно и недобро усмехнулся уголком рта: «Всего лишь две тысячи? Дешево ценишь человеческую жизнь!» Сычуань, как известно, была буквально наводнена членами тайного общества, и хозяин нефритовой лавки Цю тоже принадлежал к «клятвенным братьям»ⁱⁱⁱ. Столкнувшись с наглостью молодого Лэя, решил обратиться за помощью к друзьям из тайного общества. Их идея состояла в том, что все люди — братья, и они должны помогать друг другу.

Шесть клятвенных братьев во главе со старшим Чжанма Наокэ отправились к дому командира городской дружины Ли Цинхэ, где, по слухам, прятали детей. Обнаружив, что мальчики играют во дворе, «братья» немного успокоились и вежливо поприветствовали хозяина, а тот, в свою очередь, велел слугам принести гостям чаю,

а также хорошо угостить их, зарезав кур и барашка. Чтобы гости окончательно расслабились, хозяин Ли пообещал, что после ужина они могут увести детей к их отцу.

Полностью утратив бдительность, клятвенные братья перебрали с вином, опрокидывая чарку за чаркой до захода солнца, пока не рухнули на стол мертвецки пьяными. Через какое-то время хозяин крикнул старшему из гостей: «Чжанма Наокэ, выйди, с тобой поговорить хотят!» Тот вышел со двора и с удивлением столкнулся нос к носу с монахом Чжао в желтой рясе, который сжимал в руке саблю. Старшой Чжанма долго стоял, шатаясь, на краю выгребной ямы, затем усомнился: «Разве ты не монах Чжао? Брат, что ты тут делаешь?»

Не дождавшись, пока тот договорит, Чжао взмахнул саблей, и голова Чжанма скатилась в выгребную яму. Оставшихся пятерых «клятвенных братьев» точно так же вызывали по одному со двора «поговорить», и все они повторили судьбу предыдущей жертвы. Монах Чжао оказался на редкость жестоким палачом: вслед за взрослыми он расправился и с двумя мальчишками-заложниками, — все это, на свою беду, видела и слышала старуха-соседка. Она подошла, полюбопытствовав: что за шум? В результате и сама полегла рядом. Девять убитых за один вечер!

Сюйфу взорвался возмущением граждан. Родственники убитых при поддержке простых горожан с криками и гонгами окружили усадьбу Лэй Дунюаня, однако его сын, виновник всего произошедшего, давно сбежал. Толпа долго шумела, не на шутку перепугав хозяина, однако все закончилось тем, что Лэй Дунюань выплатил большое вознаграждение родственникам погибших. Расследование со стороны официальных властей само собой как-то прекратилось.

Данная история демонстрирует нам нравы и «обычную» жизнь в Сюйфу в те годы, а Лю Вэньцай, услышав ее в чайной, сделал вывод: Лэй Дунюань — могущественный человек, и с ним стоит «подружиться», если намереваешься твердо встать на ноги в Сюйфу. Дружба, безусловно, подразумевала взаимную выгоду, как это всегда рассматривалось в Китае людьми подобного рода. И, хотя история с похищением детей произошла довольно давно, она, при необходимости, может сыграть на руку Лю Вэньцаю, стать его «фишкой» или козырем, ведь обиженные родственники — потенциальные враги главы преступного мира.

Лэй Дунюань и в самом деле являлся важной фигурой в городе с отборными силами в его подчинении.

Сначала Лю Вэньцай разузнал, какими доходами располагает «важная фигура» Лэй, затем выяснил, что Лэй Дунюань в течение долгого времени использовал денежные средства, выделяемые на городские жилые помещения для рабочих, растратив в общей сложности 100 тысяч *даянов*^{iv}, и взял этот факт себе на заметку. Только после долгой подготовки Лю Вэньцай нанес визит местному бандиту Лэй Дунюаню.

После этого Лю Вэньцай стал постепенно выводить из-под влияния Лэя его бывших подчиненных, предлагая им повышение по службе, причем, должности доставались им очень высокие.

Хотя сам Лю Вэньцай не обучался грамоте, к образованным людям относился с почтением. Жил в Сюйфу известный ученый Ян Хуэйцюань (杨惠泉), который в период правления императора Гуансюя сдал государственные экзамены на степень *сюояя*; затем он писал статьи, работал каллиграфом. В последние годы династии Цин успешно сдал экзамены на соискание ученой степени *цзюйжэнь*^v. В первый год правления малолетнего императора Пу И (1909 г.) Ян Хуэйцюань отправился в столицу на учебу в училище для выходцев из провинции Сычуань. После Синьхайской революции 1911 г. ученый Ян вернулся в Сюйфу, где исполнял обязанности помощника-консультанта у начальника управления местного ополчения Лэй Дунюаня.

Лю Вэньцай и к этому известному человеку явился с визитом, деликатно вручил пять тысяч серебром и пригласил в свою резиденцию в качестве советника-наставника.

Так всего за несколько лет Лю Вэньцай крепко встал на ноги в Сюйфу, и младший брат Лю Вэньхуэй остался им очень доволен: тот блестяще справился с заданием «понаблюдать и внимательно присмотреться к обстановке». Вэньхуэй признал, что пятый брат не только мастерски распоряжается финансами, но и стал виртуозом политических интриг. К сожалению, культура низковата, знания неглубоки — не сможет занять по-настоящему высокий пост, зато отлично справится с управлением делами «дома», в Сюйфу.

Опять же, хорошо, что пятый брат обзавелся широким кругом друзей, слыл уважаемой и властной персоной; о нем говорили, что «если пожелает дождя, то и дождь выпадет; если потребуется ветер, то и ветер получит». Эмоциональный и принципиальный, он умеет «выжимать» все, что ему требуется, из крупных чиновников.

До 30-летнего возраста Лю Вэньцай оставался экономным, рачительным крестьянином, семья его владела лишь 30 му земли в уезде

Даи. Если бы не младший брат-милитарист Лю Вэньхуэй, уступавший в Сычуани лишь Лю Сяну, возможно, Лю Вэньцай всю жизнь занимался бы в Даи сельским хозяйством и мелкой торговлей. Именно младший брат изменил его жизнь. Так и получилось, что Лю Вэньцай оставил коммерцию и сельское хозяйство и погряз в пучине милитаристской междоусобицы.

Зимой 1922 г. Лю Вэньцай по просьбе шестого брата прибыл в Ибинь (на самом юге провинции, в верхнем течении Янцзы) и принял на себя обязанности начальника налогового управления по судовым сборам (с судов и лодок) в городе Сюйфу. Пользуясь покровительством младшего брата, он официально собирал денежные средства для Лю Вэньхуэя.

Стремительно и головокружительно начался рост Лю Вэньцай по служебной лестнице. В 1925 г. брат поручил ему сразу две должности — начальника налогового управления по единой областной пошлине на промышленные товары в Сюйфу и начальника бюро по надзору за продажей табачных изделий и алкоголя на 42-м участке провинции Сычуань.

В 1927 г. Лю Вэньхуэй преобразовал Центральное бюро по сбору налогов Южной Сычуани в Управление по обеспечению безопасности торговцев и их товаров на юге Сюйфу, назначив Лю Вэньцай его начальником. В 1929 г. Лю Вэньхуэй, заняв должность губернатора Сычуани, назначил своего брата еще и начальником Головного управления в Южной Сычуани по обеспечению безопасности торговцев и их товаров на воде и на суше, а также начальником головного офиса, занимавшегося в Южной Сычуани расследованием случаев нарушения закона о запрете курения опиума.

Интересно, что, возглавив работу по запрету курения опиума, Лю Вэньцай развернул деятельность по двум направлениям: с одной стороны, наложил запрет на «контрабанду опиума», ограничив сроки вступления в силу такого запрета, и принудил частных торговцев накапливать это зелье, чтобы потом они продавали опиум ему по заниженным ценам «в пользу государственной казны»; с другой стороны, он сбывал полученный «государственный» опиум по завышенным ценам в государственные и частные опиекурильни для пристрастившихся наркоманов — пусть, мол, они открыто курят!

Только в городском округе Ибинь насчитывалось более сотни больших и маленьких опиекурильен (не считая подпольных)!

В 1931 г. опекаемая Лю Вэньхуэем зона включала в себя уже 81 уезд (в то время в Сычуани всего насчитывалось 146 уездов). Соответственно, статус Лю Вэньцай значительно вырос — он стал главным управляющим Центрального бюро по налогообложению в Южной Сычуани и старшим инспектором по наведению порядка в сельской местности в южной части округа Сюй. Не напрасно помещика Лю называли «королем Южной Сычуани». С целью защиты своей власти во время пребывания в Сюйфу Лю Вэньцай обзавелся вооруженной смешанной бригадой.

Согласно данным гонконгской газеты «Дагунбао» (大公报) от 8 марта 1949 г., Лю Вэньцай на тот момент владел 8000 му земли, большим количеством усадеб и магазинов.

Стремясь обеспечить младшего брата необходимыми денежными средствами для увеличения армии и укрепления политического положения, Лю Вэньцай, как утверждали, учредил только в Сюйфу 150 видов налогов, в реальности же, согласно документам — 44 вида, в том числе — на проституцию, на леность, налог на пользование мотыгами, лодками, налог с содержателей туалетов и пр.

Некоторые статьи оказались настолько необычными, что в народе даже появилась поговорка: «испокон веков не бывало, чтобы налог собирали с испражнений, а ныне не взимают налог разве что с газов из кишечника». Говорили, что пошлин, собираемых Лю Вэньцаем, так же много, как шерстинок у буйвола. Вот яркий пример: в городе Ибинь при покупке билета в театр приходилось платить налоги на развлечение, на гербовый сбор, на похороны усопших после ранений солдат, на теплую одежду для полицейских, для расходов на политику и просвещение и еще 14 видов дополнительных налогов.

Согласно исследованиям, в 1925 г. в Сычуани 65% крестьян жили с огромными долгами. В том же году в 80 уездах провинции разразилась засуха, унесшая жизни 30 миллионов жителей, погибших от голода, а количество лишившихся крова и превратившихся в беженцев не поддается учету.

4 мая 1936 г. газета «Тяньцзинь жибао» перепечатала чудовищную новость из сычуаньской газеты «Вести Чэнду» о том, что «...один цзинь²⁷ мякоти человеческих останков продается по 500 вэней²⁸ (грош), мякоть «живого» человека стоит дороже — 1200 вэней».

²⁷ Цзинь (斤) — мера веса (500 г)

²⁸ Вэнь (文) — грош, мелкая медная монета с отверстием в середине, равна $\frac{1}{30}$ фэня.

Едва заняв первую должность в Сюйфу, Лю обнаружил в городе множество проблем, требующих незамедлительного решения и был занят так, что даже его супруга Ян Чжунхуа (杨仲华) и управляющий говорили о нем: «Пятому господину уже не до торговли». Однако «коммерческие таланты» помещика всегда оставались востребованными.

Прежде всего, вложив 50 тысяч *даянов*, он открыл свой первый банк под названием «Справедливость и мир». Супруга Ян при этом упрекнула благоверного в том, что тот «пустил камешки по воде», т.е. выбросил деньги на ветер, и от переживаний ей кусок в горло не лез. Однако оказалось, что его финансовая операция вполне удалась, и всего лишь через два года в сейф вернулись не только 50 тысяч, вложенных в дело, но и большая прибыль.

В 1925 г. Лю Вэньцай переименовал банк, назвав его «Единство людей», и это учреждение значительно увеличилось в размере. В период существования «Справедливости и мира» уставной капитал не превышал 100 тыс. *даянов*, а в «Единстве людей» он составлял минимум миллион, а затем и 10 миллионов. Покидая Сюйфу, Лю Вэньцай обладал уже 20 миллионами.

Банк выполнял обычные операции: сбережение вкладов, кредитование и обмен валюты. А вот открытие очередного банковского учреждения под названием «Солнечный бизнес» оказалось не столь успешным, и в связи с политическими событиями банк просуществовал недолго: изменения в стране оказались стремительными.

Тем временем младший брат помещика — Лю Вэньхуэй в 1925 г. принял под командование остатки разбитых войсковых частей сычуаньского милитариста Ян Сэня, реформировал и значительно укрепил их. Обороняемый им район заметно расширился к северу: помимо Ибиня он распространился на городские округа Лэшань, Мэйшань (眉山), а также Жэньшоу (仁寿), все ближе подбираясь к главному городу провинции — Чэнду. К югу от Ибиня он захватил территории таких стратегически важных городов и поселков, как Наньси (南溪), Цзянань (江安), являвшийся уездом округа Ибинь, и городской округ Лучжоу (泸州).

Лю Вэньхуэю исполнилось лишь 30 лет, а он уже занял одновременно сразу несколько высоких должностей, став советником по военным вопросам в руководстве провинции Сычуань, командиром 9-й дивизии и одновременно возглавил 31-ю армию. По значимости положения в провинции он уступал лишь племяннику Лю Сяню — тот являлся в Сычуани полководцем номер один и контролировал огромную территорию к югу от городского округа Лучжоу.

Чтобы полностью захватить «подбрюшье» провинции — периферийные территории на юге, Лю Вэньхуэй в конце 1925 г. разместил в центральном городе Чэнду штаб 9-й дивизии и канцелярию советника по военным вопросам, а свои отборные войска расквартировал в Западной Сычуани. Оборону Сюйфу он поручил командиру 6-й смешанной бригады 24-й дивизии Тань Сяолоу (覃筱楼). Право на все финансовые операции в своей администрации он отдал старшему брату Лю Вэньцаю.

С этого периода Лю Вэньцай стал работать самостоятельно, выполняя задачи своими силами. Жили братья далеко друг от друга, однако оставались друзьями, а потому «расстояние только сближало», как говорят китайцы: между ними протянули телефонную линию, и они разговаривали, как минимум, один раз в день. При этом братья использовали хитрый прием: «устраивая западню для тигра, обуздывали буйвола, надевая на него хомут».

Лю Вэньцай, не изучивший в начальной школе даже «Троесловие»²⁹, ничего не понимавший в политике, тем не менее, самостоятельно научился хитро и умно вести дела. Используя различные нечестные приемы, начав с нуля, сумел сколотить не только приличное состояние, но и собственную команду, объединив «своих людей».

Неважно, были то гражданские или военные дела, касались они торговли или политики, людей во власти или жуликов, ниточки ото всюду вели к Лю Вэньцаю.

Поскольку братья занимали высокие посты, никто не осмеливался ослушаться их приказа. Лю Вэньцай, будучи защищенным со всех сторон местными царьками, обосновался в Сюйфу. Лю Вэньхуэй же, имея теперь прочную материальную базу, мог спокойно, не заботясь о своем тыле, командовать в Чэнду, состязаясь с другими военачальниками в смекалке и мужестве.

Он был очень доволен результатами деятельности пятого брата и постоянно расширял его полномочия. В течение нескольких лет карьера Лю Вэньцай шла в гору.

Управление 13-ю уездами города Ибинь было передано Лю Вэньцаю. Еще 10 уездов, обороняемые 24-й дивизией, все собранные налоги отправляли в «Центральное налоговое управление Южной Сычуани». Все уездные руководители по сбору налогов и другие фи-

---

²⁹ «Троесловие» — самые известные классические тексты для детей, которые они учили наизусть. Это были короткие, ритмичные, простые стихи из трех иероглифов в строке, которые помогали детям выучивать иероглифы, грамматику, историю, философию и правила поведения.

нансовые заправили, вступая в должность, должны были прежде получить одобрение Лю Вэньцай. Фактически в финансовой сфере ему подчинялись все территории, на которых водружалось знамя 24-й дивизии. И все должности, связанные с финансами на этих территориях, находились в ведении Лю Вэньцай.

Таким образом, пятый брат в течение 10 лет обеспечивал все политические и военные траты милитаристского клана Лю. Надо признать, — он умел делать деньги и превратил Сюйфу в город опиума. Обратистый помещик принуждал крестьян выращивать опийный мак, а затем сам же облагал несчастных налогом за выращивание мака и сбор сырого опиума. С тех крестьян, кто отказывался выращивать зелье, взимал налоги «за леность».

Накопил несметные богатства, возглавив торговлю опиумом и оружием в данной местности. Одновременно контролировал вооруженные силы смешанной бригады.

В 1927 г. помещик Лю Вэньцай отправил солдат с приказом арестовать и уничтожить предводителя восстания, коммуниста Сюй Цзинбана (徐经邦), возглавившего шесть тысяч крестьян в уезде Пиншань, не желавших выплачивать налоги за выращивание мака, поскольку они выступали против опиокурения.

В марте 1928 г. Лю Вэньцай отправил полицию специального назначения с заданием убить секретаря обкома компартии областного центра Ли Сяовэня (李筱文) и кандидата в секретари парткома уезда по имени Ли Цзясюнь (李家勋), а также подавить бунт против уплаты налогов, который возглавили эти лидеры. Каратели вырезали от 60 до 70 человек, в том числе коммунистов и членов Крестьянского союза.

Зимой 1929 г. Лю Вэньцай вновь подавил восстание революционно настроенных крестьян в южной части провинции Сычуань. В результате было истреблено все руководство революционной армии, а также от 50 до 60 ее бойцов.

В марте 1931 г. он в очередной раз потряс всю провинцию убийством пяти человек из высшего руководства, в том числе специального представителя провинциального партийного комитета КПК по имени Лян Гэ (梁戈) и секретаря парткома городского округа Ибинь по имени Кун Фансинь (孔方新).

К тому времени Лю Вэньцай сосредоточил в своих руках огромную власть и делал все, чтобы изыскивать средства для содержания

армии младшего брата. Город Сюйфу в те годы стал известным в Сычуани торговым портом, а потому там сосредоточивалось огромное количество тканей и промышленных товаров, что превратило город в мощный источник поступления налогов. Воспользовавшись столь удобным географическим преимуществом, а также опираясь на военную мощь младшего брата, Лю Вэньцай широко торговал опиумом и активно собирал налоги. Он повсюду установил дорожные заставы, взяв в кольцо мелких лавочников и лоточников, собирая деньги и извлекая выгоду.

Расстояние от городского округа Лэшань до города Сюйфу — всего лишь 200 с лишним *ли* (0,5 км), и на этом пути помещик установил более 30 таможенных застав по сбору налогов. С кустарных изделий стоимостью в 500 юаней следовало заплатить более 400 юаней пошлины. От городского округа Нэйцзян (内江) до города Чэнду — 400 км сухопутной дороги, и на этом пути установили более 50 таможенных застав. При этом товар на 300 юаней облагался налогом, превышающим стоимость товара.

Весной 1930 г. в округе Ибинь Лю Вэньцай официально сформировал 18-й полк 24-й дивизии, взяв на себя функции командира полка, и стал использовать вооруженные силы для выбивания налогов. Во второй половине 1931 г. собрал 41-й полк той же дивизии. Оружием обеспечил младший брат Лю Вэньхуэй, всех офицеров предоставил он же, — выпускников военного училища Чэнду. На этом формирование 24-й дивизии завершилось, и Лю Вэньхуэй, став председателем провинциального правительства, издал приказ о создании штаба 24-й дивизии для наведения порядка к югу от Сюйфу и на юге Сычуани.

Руководство штабом он поручил старшему брату Лю Вэньцаю, носившему звание генерал-лейтенанта. К тому моменту полуграмотный крестьянин из уезда Даи обрел известность, ибо вся власть в Сюйфу принадлежала ему: военная, политическая и финансовая. Этот период можно назвать пиком карьеры Лю Вэньцая.

Вскоре после этого, обладая такой мощной военной опорой, Лю Вэньцай стал теснить командира расквартированной в Сюйфу 6-й смешанной бригады Тань Сяолоу, намереваясь создать собственную армию.

2.5. Способы обогащения милитаристов

1.

Опираясь на власть, помещик Лю всегда побеждал в нечестной конкуренции, добиваясь непомерно высоких прибылей. Так в Китае бывало испокон веков, когда чиновничью должность совмещали с собственным бизнесом, и Лю Вэньцай вовсе не являлся исключением из правил.

При этом торговые операции и прибыль стали для него гораздо важнее исполнения прямых должностных обязанностей. Тем более, что ситуация в стране тому способствовала. Сверхприбыль составила 10 млн 600 тыс. юаней. Основные доходы приносила торговля солью, на втором месте оказались лекарственные препараты и продукция горнолесного хозяйства. На третьем — торговля хлопчатобумажной пряжей, на четвертом — ростовщичество.

На пятом месте по прибыльности оказались кредиты без обеспечения. Лю Вэньцай ежегодно выдавал ссуды в размере 3 млн юаней, контролируя обращение денег в таких городах, как Чэнду, Ибинь, Цзыгун (自贡).

Ему также удалось пристроиться к бизнесу, связанному с перевозкой грузов по воде, что, по приблизительным подсчетам, приносило дополнительно 500 тыс. юаней в год.

Но это — не все. Торговцев обязывали платить за «обеспечение безопасности товаров»; существовали многочисленные поборы за пользование общественными дорогами, улицами, мостовыми, за стоянку в доке, а также плата «за национальную оборону». Последняя оказалась самой большой и достигала 1 миллиона юаней.

О Лю говорили, что проложив себе путь в мире бизнеса, он «мчится верхом на коне», и никто из простых торговцев не может с ним соперничать. Например, стоило Лю Вэньцаю заняться торговлей лекарственным сырьем, как более десятка семей, кормившихся ранее этим бизнесом и прочно стоявших на ногах, полностью разорились. Стоило ему заняться водными перевозками, и богатые паромходные компании не могли не закрыться. Действия знаменитого помещика погубили свободную конкуренцию.

Способы отъема денег у населения Лю Вэньцай использовал такие же, как и остальные милитаристы Сычуани: земельные налоги они взимали авансом. Так, если вести отсчет от 1935 г., то Лю Сян,

командующий 21-й дивизией, досрочно собрал налоги на 40 лет вперед, т.е. до 1975 г.; Тянь Суняо, командующий 29-й дивизией, — на 42 года вперед, до 1977 г.; Ян Сэнь, командующий 20-й дивизией, — на 44 года вперед, вплоть до 1979 г. включительно; Дэн Сихоу, командующий 28-й дивизией, — на 46 лет вперед, до 1981 г.

Но всех «перещеголял» командующий пограничными войсками данной провинции Лю Цуньхоу, собрав авансом налоги с трех поколений крестьян — на 124 года вперед, — вплоть до 2059 г., т.е. середины XXI в. Китайцы про такое хищническое поведение говорят «осушить пруд, чтобы выудить рыбу». Лю Вэньцай же в 1935 г. не мог собрать такой большой авансовый налог, потому что в ходе «великого сражения двух Лю» он потерпел поражение и в 1932 г. ушел со всех постов, вернувшись на родину. Ему удалось собрать налог лишь по 1949 г. включительно, т.е. на 17 лет вперед. Так что и в данной области Лю — не самый яркий злодей. При этом его брат Лю Вэньхуэй, влившийся позднее в ряды коммунистов, всегда говорил в ответ на упреки: «Во всех проступках Лю Вэньцай виноват я!»

Второй способ обогащения путем отъема денег у населения — использование единой областной пошлины. В Сычуани имелись самые большие в стране запасы соли. Данная провинция являлась также районом производства сахара. Добыча соли и производство сахара полностью принадлежали командиру 24-й дивизии, Лю Вэньхуэю.

В Китае соль, добываемая из морской воды, составляет $\frac{4}{5}$ всей производимой соли, остальная $\frac{1}{5}$ часть — это колодезная, озерная и земляная соль.

И хотя налоги на соль и сахар взимали все местные милитаристы, тем не менее, «прибрежная башня первой встречает луну», и потому 24-й дивизии доставались самые лакомые куски доходов. Ведь Лю Вэньхуэй владел крупнейшими в Сычуани соляными залежами и предприятиями, производившими сахар, а его братец Лю Вэньцай, пользуясь льготными условиями, собирал самые большие налоги.

2.

Можно привести еще один пример деятельности братьев. Согласно записям уезда Наньси, в селении Личжуан (李庄) данного уезда братья Лю хозяйничали в течение 10 лет. Несмотря на то, что в конце правления династии Цин экономика пребывала в разрухе, братья занимались там соляным промыслом и открыли в селении 40 или 50 лавок, торговавших солью. После Синьхайской революции

маньчжурский двор даже создал в Личжуан отделение соляного ведомства и отдел по борьбе с контрабандой соли.

Однако вывески двух новых учреждений разбились на куски представители появившихся в Сычуани милитаристов, которых поддерживали местные члены тайного общества, бандиты и бродяги. Императорские чиновники оказались перед выбором: присоединиться к разбойникам или оказаться уничтоженными.

Из-за действий царивших здесь бандитских и милитаристских группировка казенная монополия на соль в селении Личжуан перестала существовать, как, впрочем, и на всем юге Сычуани. О так называемых районах продажи соли, определенных властями ранее, и вовсе говорить не приходилось. Изначально было определено, что соль, в большом количестве производимая в районе Утунцяо (五通桥) городского округа Лэшань, должна продаваться на южном берегу Янцзы, а небольшой объем соли, добываемой в городском округе Цзыгун — на северном берегу великой реки. При этом «демаркационную линию» между северянами и южанами не следовало нарушать. В случае нарушения границы соль считалась контрабандной. Подобных нарушителей местные власти арестовывали и подвергали наказаниям.

Теперь же в соляном промысле на обоих берегах реки отмечался рыночный хаос. Однако в селении Личжуан ничего не изменилось: закупщики из шанхайского района Чаннин (长宁), Синвэня (兴文), уханьского района Цзянань (江安), уезда Гунсянь (珙县), Цинфу (庆符) и других уголков Китая по старой привычке приезжали за солью в это селение. Соляной промысел здесь вовсе не казался убыточным: как и прежде, около десяти семейств занимались соляным бизнесом, торгуя в лавках, которых насчитывалось более двадцати.

Помимо соли, на обоих берегах селения Личжуан в изобилии производили бурый кусковой сахар, а также белый сахар-песок местной обработки прекрасного качества. Не только район вдоль знаменитой реки, но и шесть уездов к югу от нее, известные своими товарами, привлекали большое число коммерсантов, которые без конца сновали в разных направлениях, совершали сделки, способствуя процветанию местности Личжуан. Местные жители тоже оказались не в убытке: они начали продавать засахаренные мандарины, которые стали любимым лакомством многих женщин в провинциях Хунань и Хубэй. Считалось, что такие мандарины очень питательны, поэтому они стали популярным товаром, спрос на который стал превышать предложение.

Но эта идиллическая картина не могла продолжаться долго. Торговля вдоль Янцзы начала затухать после того, как на территории провинции стали хозяйничать местные милитаристы, и особенно — Лю Сян и Лю Вэньхуэй, племянник и дядя, которые контролировали западную и южную части Сычуани в верхнем течении Янцзы, а также восток и юго-восток в ее нижнем течении.

В ходе борьбы и междоусобных войн военачальников всевозможные бандиты, бродяги, члены тайного общества стали притеснять торговцев, грабя и насильно отнимая у них бизнес.

Согласно записям уезда Наньси, до того, как братья Лю установили свою власть и начали междоусобные войны, на территории поселка Личжуан имелось около 40 различных торгово-промышленных предприятий, а количество работников в этой сфере превышало 800 человек. В их число не вошли представители национальной промышленности из местного населения, работники транспорта и путей сообщения, а также мастера кустарной промышленности.

Однако после того как по указке «парочки Лю» начались массовые убийства на территории, расположенной между городскими округами Лучжоу и Ибинь, зажатый между ними поселок Личжуан превратился в главное поле битвы, и его экономика полностью развалилась, а предприниматели разорились. Осталось лишь 15% с трудом державшихся предприятий, которые принадлежали нескольким местным кланам, облеченным властью и имеющим оружие; к ним относились семейства Чжан, Ло и Хун. Остальные 85% жителей обладали лишь скудными средствами, а то и вовсе прозябали без гроша в кармане. Чтобы выжить, им приходилось брать ссуды или продавать имеющийся товар в рассрочку, а то и опускаться до мошенничества.

3.

Ситуация в Сычуани сложилась бедственная: сельское хозяйство приходило в упадок, застой наблюдался в промышленности и торговле. Тем не менее, личный состав армий рос, военные продолжали бряцать оружием, жалованье военным выплачивалось регулярно. В такой ситуации спасал лишь опиум — его выращивали по всему Китаю, и он превратился практически в единственную выгодную сельскохозяйственную культуру, приносящую баснословные прибыли.

Следует еще раз подчеркнуть, что Лю Вэньцай, стремясь к наживе, не выделялся среди других, ему подобных: так действовали все предприниматели и чиновники, обладавшие силой и властью.

Стараясь укрепить армию, милитаристы захватывали новые территории, а значит — увеличивались поборы и пошлины с новых земель. Не стал исключением и Лю Вэньцай, получавший огромные налоги с земель, на которых выращивался опиный мак.

В тот период главным городом в Сычуани, который славился опиумом, стала родина милитариста Лю Сяна — Чунцин. Здесь проходил крупнейший в стране маршрут, по которому опиум доставлялся в провинции Гуйчжоу и Юньнань. Вторым по значимости являлся город Чэнду, где обосновались главные заправилы наркобизнеса — Лю Вэньхуэй, Дэн Сихоу и Тянь Суняо.

Помимо Чунцина и Чэнду известным поставщиком опиума считался областной центр Сюйфу. В этом городе насчитывалось не более десяти тысяч дворов, но количество официальных опиекурилен достигало ста с лишним, не считая частных притонов.

Поскольку существовал официальный запрет на курение опиума, а Лю Вэньцай осуществлял надзор за его соблюдением, то опиекурильни являлись источником его доходов. Причем, стоило владельцам уплатить налог известному помещику Лю, как их деятельность превращалась в «законную». Ежемесячный налог на каждую горелку для разогревания опиума составлял 3,5 юаня, а для частных держателей притонов делалась скидка: налог сокращался вдвое.

Если говорить о стране в целом, то наибольшее количество опиума производилось в провинции Юньнань, и при этом, как утверждали, $\frac{1}{3}$ прибыли принадлежала Лю Вэньцаю — настолько талантливым коммерсантом тот оказался.

Количество опиума, произведенного в провинции Юньнань в 1931 г., достигло более 50 тыс. *даней* (1 *дань* = 50 кг). При этом 20% зелья употребляли жители данной провинции, а 80% экспортировалось за ее пределы. Стало быть, Лю Вэньцаю доставалось свыше 10 тыс. *даней* юньнаньского опиума. Из Сычуани он ежегодно получал примерно такое же количество. Но и этим не ограничивалась его прибыль.

Согласно документальным записям, Лю Вэньцай вынуждал крестьян, проживающих на территориях, подвластных семейству Лю, а точнее — на обоих берегах рек Цзиньхэ (金河) и Фухэ (府河), а также в отдельных горных районах, выращивать опиный мак. Прибыль в виде налогов Лю Вэньцай получал как от выращивания

опиума, так и от его перевозки и продажи. Стремясь к наживе, помещик Лю мог придумать какие угодно налоги. Прибыль он вкладывал в земельную собственность, недвижимость и драгоценности.

4.

Особого внимания заслуживает жилище помещика в поселке Аньжэнь уезда Даи. По оси север — юг на расстоянии 300 метров друг от друга расположились два комплекса строений: старый и новый. Старая резиденция построена Лю Вэньцаем в 20-х годах прошлого века, а вселились в нее в 1933 г. Она представляет собой многоугольник неправильной формы, окруженный с четырех сторон стеной из огнеупорного кирпича высотой более шести метров с семью большими воротами. Внутри имеется 27 двориков, более 180 помещений, 350 комнат и три сада. Строения напоминают сумрачные лабиринты, среди них — прямоугольные, квадратные, трапециевидные, ромбовидные.

В них расположены залы, гостиные, приемные, бухгалтерские конторы, помещения для работников, тайные склады, амбары, молитвенный зал, площадка для любования луной, дворец безмятежно-отдыха и прочее.

Это традиционный китайский архитектурный комплекс, включающий дворы, сады, залы и комнаты. В резиденции восемь входов. Через главные ворота вы попадаете в прямоугольный внутренний двор. С западной стороны двора находится вход в особняк. Через него можно попасть в две комнаты: одна задекорирована в традиционном китайском стиле, другая — в западном. Так что посетители могут обнаружить не только традиционную китайскую мебель, но и диваны, ковры, привезенные из США. В этом смешении стилей отражается особый вкус хозяина дома.

С другой от входа стороны находится зал, где хранятся портшез, рикша и старый черный «Форд» хозяина. Автомобиль привезли из США в 1942 г. Через вход попадаете во внутренний двор резиденции, где жил Лю Вэньцай с женой и наложницами. Мебель в доме изготовлена из сандалового дерева, а домашняя утварь — из золота, серебра, слоновой кости и яшмы. В спальне бросается в глаза кровать Лю Вэньцай из сандалового дерева площадью в 9 кв. м. А вход в спальню украшен изображениями драконов и фениксов (символ императора и императрицы). Кровать поддерживают шесть деревян-

ных столбов. Говорят, что изготовление кровати обошлось владельцу в сумму, равную доходу с 7 га земли за год. У хозяина имелась отдельная комната для курения опиума. Еще одна курильня расположилась в тени сада. Здесь Лю предпочитал курить в летнее время. Он сильно пристрастился к опиуму, поэтому хранил огромное количество зелья в подвалах дома.

Родовое поместье занимает площадь в 70 000 кв. м, состоит из семи линий и является единственным в своем роде в Западной Сычуани. Потайные комнаты, лабиринты коридоров, высокие стены и мощные ворота с прочными засовами превратили усадьбу в крепость. Более того, жилище Лю Вэньцай связывалось особыми ходами с усадьбами братьев Лю Вэньюаня, Лю Вэньчжао и Лю Вэньчэна. Все эти усадьбы располагались «плечом к плечу» и представляли собой единый архитектурный ансамбль небывалой роскоши. Площадь помещений — 21 055 кв. м.

Новая резиденция больше в два раза. Она тоже состоит из внутренних двориков, фруктовых и цветочных садов, двух теннисных кортов и огромного количества залов и комнат. Здесь совмещены китайская и современная западная архитектура. Окна в новой усадьбе значительно больше, поэтому лучше естественное освещение. Новая резиденция кажется более приятной и удобной для жизни. Самое высокое здание в ней — трехэтажный павильон для девушек. Он был построен для трех дочерей Лю Вэньцай. С верхнего этажа открывается прекрасный вид на все поместье. Сейчас здесь проводится круглогодичная выставка традиционных костюмов Сычуани.

Лю Вэньцай владел немалым количеством ювелирных изделий, драгоценностей, жемчуга и антиквариата. Наиболее ценными считались золотая статуя Будды, золотая статуэтка мифического животного *шоу*, золотые бокалы, кольца и ожерелья. Не менее ценились и серебряные изделия в виде дракона, мифического животного *шоу*, серебряные блюда. В готовых изделиях китайцы порой ценят серебро выше золота, ибо оно гибкое, ковкое и позволяет мастеру проявить свои таланты во всей красе.

Прекрасные жемчуга, кораллы и драгоценные камни сияли и мерцали в шкатулках его жены и наложниц. А какие диковинные сокровища хранились у Лю Вэньцай! Например, чайничек для вина, поющий, как райская птица, когда из него наливали в рюмочку. Помещик мог похвастать и уникальными работами из слоновой кости — фантастическими резными пагодами или шарами, спрятанными один в другом.

Резиденция принадлежала двум братьям Лю. Сейчас она напоминает о тех старых временах, когда народ эксплуатировали и притесняли. Одновременно — это одна из основных достопримечательностей Сычуани. Резиденция находится в 50 км к северо-западу от Чэнду. В 1980 г. администрация провинции объявила владения братьев Лю одним из важнейших культурных объектов. В 1996 г. ее внесли в список охраняемых государственных реликвий.

2.6. Череда неудач

Несмотря на то, что город Сюйфу подчинялся Лю Вэньхуэю, тот не мог «одной рукой закрыть все небо», распоряжаясь всем единолично: во-первых, у него не было контроля над армией, во-вторых, комендант города Сюйфу и командир 6-й бригады Тань Сяолоу не покорились ему.

Последний родился в Пиншани³⁰ (屏山) провинции Сычуань и слыл известным бродягой-барышником. Этот Тань, находясь в Сюйфу, не признавал никаких запретов и творил все, что заблагорассудится. Его 6-я смешанная бригада превратилась в сборище отъявленных военизированных подонков.

Из-за непримиримой вражды между Лю Вэньцаем и Тань Сяолоу среди жителей Сюйфу началось внутреннее брожение и недовольство. Наиболее острое противостояние обозначилось в экономической сфере. Все финансы города оказались в руках Лю Вэньцая, и он не мог позволить, чтобы кто-то посторонний «окунал пальцы в его вкусный суп».

---

³⁰ Пиншань (屏山) — уезд городского округа Ибинь; свое наименование — «гора в виде ширмы» — получил благодаря горам Баопиншань на востоке, название которых переводится как «драгоценная ширма».

Тань Сяолоу сознательно нарушал законы. Его супруга, а также начальник интендантского управления Ло Люйсань (罗吕三), адъютант Хуан Юньчжан (黄云章) и Сэн Чжуцзю (曾铸九) являлись самыми важными персонами, намеревавшимися «ниспровергнуть армию». Они регулярно занимались перепродажей больших партий товаров, которые пользовались наибольшим спросом: каменного угля, сигарет и прочего, и поступали в Сюйфу по реке.

Товары, доставленные по воде, подлежали налогообложению. Однако каждый раз, как только Лю Вэньцай направлял группу проверяющих к судну Тань Сяолоу для сбора налога, тот, со своей стороны, отправлял к пристани группу вооруженных солдат, которые бегом устремлялись в порт, а затем принимали товар с судна, не заплатив ни фэня налога. Подручные Лю Вэньцай лишь беспомощно зирали на все это.

Наступил 1927 год, и однажды Тань Сяолоу отправился в Чэнду. Цель «командировки» — игра в карты, поскольку эта страсть оказалась сильнее всех его попыток преодолеть пагубное увлечение. В тот вечер он встретился для игры с Дэн Сихоу, командиром 28-го корпуса одной из трех армий Чэнду. Для «великого сражения» они собрались в управлении командования военной разведки Гоминьдана.

Вопреки ожиданиям и надеждам, Тань Сяолоу оказался слабее и проиграл 270 тыс. *даянов*. Это стало крупнейшим проигрышем в карты в Чэнду за период новой истории. У Таня, конечно же, не имелось при себе такой огромной суммы, и он, отдав все наличные, добавил несколько ящиков опиума, которые захватил с собой, и несколько десятков тысяч *цзиней* селитры в качестве залога, чтобы возместить недостающее. Но когда пересчитали в денежном выражении стоимость опиума и селитры, то этого оказалось недостаточно. Пришлось Таню взять в долг 50 тыс. *даянов* у Вэнь Хэшэна (文和笙), генерального директора крупнейшего банка.

Ранее Тань неоднократно проигрывал в игорных домах, однако суммы бывали незначительными, нынешний же случай потряс его настолько, что он на какое-то время пал духом. На следующий день, еще до рассвета, он отправился в обратный путь. У себя в Сюйфу он вывел солдат на улицы, и те стали прочесывать дом за домом, грабя и отнимая все, что имело хоть какую-то ценность. За короткий срок устроили такой погром, что «куры разлетались, собаки разбегались».

Узнав об этом, Лю Вэньцай пришел в ярость: Тань словно дал ему публичную пощечину. Трудно было стерпеть такое бесчинство. Однако Лю понимал, что Тань сейчас в бешенстве и, если попытаться

ся его задержать, то он, загнанный в угол, превратится в «собаку, бросающуюся на стену». Решил, сжав зубы, подождать более подходящего момента для расплаты.

В подчинении у Лю Вэньцай имелись лишь отряды деревенской самообороны для поддержания порядка в Сюйфу, и он вознамерился попросить у младшего брата немного настоящих солдат. Лю Вэньхуэй дал согласие, и пятый брат озаботился закупкой стрелкового оружия для своей будущей «армии».

В 1927 г. Лю Вэньцай по рекомендации Тань Сяолоу свел знакомство с неким спекулянтом Лю Юйшанем (刘玉山), уроженцем уезда Ибинь. Проживающие в Шанхае выходцы из Сычуани называли его «великий мастер Лю», поскольку тот являлся талантливым учеником известного в Шанхае гангстера Ду Юэшэна (杜月笙), руководителя «Зеленой банды», носившего кличку «большеухий Ду».

Милитаристы Сычуани считали Лю Юйшаня своим побратимом, а тот, в свою очередь, старался переманить на свою сторону известных политиков и иных влиятельных людей, а потому Лю Вэньцай не стал для него исключением. Особенно после слов Таня о том, что его однофамилец Лю скопил у себя огромное количество опиума.

«Великому мастеру» настолько не терпелось познакомиться, что Лю Юйшань нанес визит без приглашения. Он стал советовать Лю Вэньцаю переработать опиум в морфий и отвезти зелье в Шанхай, где его можно было продать втридорога. В свою очередь, он предложил продать Лю Вэньцаю партию легкого и тяжелого вооружения. А ведь закупка оружия являлась давней мечтой пятого брата, так что новые знакомцы быстро нашли общий язык.

Первоначально Лю Вэньцаю удавалось изготавливать ежедневно лишь 3-5 *даней*³¹ морфия, а через некоторое время, убедившись, что прибыль и вправду получилась существенной, стал ежедневно производить более 10 *даней*.

Он полностью успокоился, перестав опасаться неудачи в новом для него деле, и закупил у своего однофамильца новехонькое короткоствольное оружие бельгийского, немецкого и английского производства.

Тем временем «мастер» Лю Юйшань реализовывал свои планы. Он заманивал Лю Вэньцаю в ловушку все глубже, и первый этап прошел удачно: он держал свое слово, быстро провернул торговую сделку и дал за морфий высокую цену, предоставив возможность Лю

---

³¹ *Дань* (担) — мера веса, равная 50 кг.

Вэньцаю заглотить наживку. Каждый раз, нанося визит из Шанхая в Сюйфу, Лю Юйшань привозил «партнеру» подарки и гостинцы, причем, довольно щедрые.

Однажды, потратив несколько тысяч юаней, мошенник Лю купил и преподнес новому знакомцу самый роскошный по тем временам автомобиль, подогнав его к воротам пятого брата. Лю Вэньцай был потрясен и смущенно посоветовал, что такой подарок — излишняя роскошь. Однако Лю Юйшань ответил, что это пустяки... «Овечья шерсть берется с овцы!» — подумал он при этом, т.е. подарок уже включен в счет.

Лю Вэньцаю казалось, что мошенник Лю — щедрый человек с открытой душой, да еще и — умелый, удачливый, у которого все получается, а потому все больше и больше восхищался проходимцем, полностью утратив бдительность. Он не только передавал Лю Юйшаню все большие партии морфия, но и доверил тому закупку тяжелого вооружения, чтобы самому не ехать в Шанхай.

Убедившись, что полностью вошел в доверие к землевладельцу, мошенник отбросил учтивость, стал присваивать крупные суммы, выделенные на закупку оружия, а самого оружия так и не поступило. «На каждого сильного всегда найдется еще более мощный!» Пятый брат занимался коммерцией в течение нескольких десятков лет, и на этом пути пока не встречал «ни волн, ни ветра». Так что Лю Юйшань здорово «позабавился» с однофамильцем. Но ведь познакомил их Тань Сяолоу, так что нити кукловода находились в руках картежника.

Хотя Лю Вэньцай и потерпел убытки, нельзя сказать, что он остался с пустыми руками: в те времена новое короткоствольное оружие ценилось очень высоко. В 1929 г. он стал начальником отдела по обеспечению безопасности грузов и торговцев в Южной Сычуани, сформировав для этой цели крупный отряд, вооруженный пистолетами от мошенника Лю.

2.7. Война внутри клана Лю

1.

После окончания в 1912 г. Сычуаньского военного училища племянник помещика Лю Сян, сменив милитариста Лю Сэня, стал командиром 2-го батальона, который дислоцировался в городском округе Лучжоу. Он постепенно повышался по службе, дослужившись до командующего, и к 1932 г., к началу войны с собственным дядей Лю Вэньхуэем, имел в подчинении 100 тыс. пехотинцев и всадников.

Хотя Лю Сян и Лю Вэньхуэй формально относились к разным поколениям (Лю Сян доводился ему племянником), в реальности племянник оказался старше дяди на пять (по другим источникам — на восемь) лет. В Китае отношения между родственниками до сих пор строго регламентированы, и племянник должен вести себя по отношению к «маленькому» дяде с почтением и уважением, прислушиваясь к его мнению.

После окончания офицерского училища в городе Баодин дядюшка Лю начал военную карьеру, опираясь на поддержку более зрелого по возрасту племянника Лю Сяна. Начав с младшего офицера, он стал шаг за шагом подниматься, пока не стал командиром Сычуаньской дивизии, командиром 24-го корпуса (каждый милитарист называл свои войска «армией») и председателем провинциального правительства, т.е. губернатором Сычуани.

Однако, как образно выражаются китайцы, «став упитанным и отращив крылья» (羽翼丰满), Лю Вэньхуэй захотел стать полностью самостоятельным, выбрав свой путь. Племянник Лю находился в восточной части провинции со ставкой в городе Чунцин, в то время как его дядя Лю — на юге, где вместе с братом Лю Вэньцаем взял все под свой контроль. В поддержке племянника он больше не нуждался, и их сотрудничество постепенно переросло в противостояние.

Почему Лю Сян и его дядюшки рассорились? Изначально Лю Вэньхуэй и Лю Сян оказались мощными партнерами на политической арене Сычуани. После выпуска из военной академии Лю Вэньхуэй обратился к двоюродному племяннику, чтобы сразиться на его стороне, однако получил деликатный отказ.

Причина заключалась в том, что Лю Сян видел амбициозность и горячность дядюшки, молодого и полного сил. Кроме того, являясь

племянником, он был обязан соблюдать почтение и уважение к дяде, но в той ситуации не смог бы, согласно родственной иерархии, долго подчиняться дядюшке, выслушивая его распоряжения и указания. И Лю Сян предложил Лю Вэньхуэю идти своей собственной жизненной дорогой, оказывая ему всяческую поддержку.

При этом он прикидывал, что если Лю Вэньхуэй разочаруется в избранном пути, и у него ничего не получится, совесть племянника останется чиста, а если дядюшка добьется успехов, достигнет своих целей, то он станет всячески поддерживать родственника, их дружба останется прочной, и они смогут сообща, рука об руку, побеждать противников.

Их отношения благополучно развивались, а интересы идеально совпадали. Все враги оказывались разгромленными «двумя Лю», как их называли, либо полностью подчинялись им, переходя на сторону победителей. Таким образом, дядя и племянник быстро возвысились, став к 1928 г. крупнейшими милитаристами Сычуани. Но с этого момента их отношения начинают ухудшаться.

Лю Вэньхуэй, который всегда жаждал власти и славы, являясь в течение долгого времени командиром бригады, а затем дивизии, обладая большой властью, тем не менее, формально подчинялся Лю Сяню и выполнял его приказы. Наступил момент, и Лю Вэньхуэй взбунтовался.

Никто из «двух Лю» не желал уступать, каждый хотел единолично господствовать в Сычуани. «Два петуха не уживаются рядом», и вчерашние родственники, вступившие в военный союз и поклявшиеся в верности, превратились в главных противников и конкурентов.

Надо сказать, что, «показав друг другу клинки», они еще помнили о родственной дружбе и вначале пытались решить противоречия путем переговоров, достигнуть какого-то баланса, поделив военную и политическую власть. К тому времени, в ноябре 1928 г. Лю Сян как раз вступил в должность военного губернатора провинции, а Лю Вэньхуэй в 1928 г. получил должность председателя провинциального правительства.

При этом Лю Сян, представлявший «военную власть», не мог вмешиваться в дела 24-й дивизии, возглавляемой Лю Вэньхуэем, а дядюшка Лю, соответственно, обладая политической властью, тоже не вмешивался в оборонные дела Лю Сяна. Во взаимном противостоянии общая численность личного состава под командованием Лю Сяна составляла более 100 тыс. человек, а Лю Вэньхуэя — свыше 120 тыс. Однако политическое положение двоюродного дядюш-

ки выглядело менее выгодным: он очутился перед угрозой не только со стороны Лю Сяна, но и со стороны мощного союза, в который входили другие милитаристы.

«Два Лю» издавна являлись их врагами, и милитаристы не могли не воспользоваться благоприятной ситуацией, заметив обоюдную ненависть родственников. Они стали «подгонять волны, создавая бурю». При этом среди двух заклятых врагов Лю Сян казался им более слабым противником, в крайнем случае — равным им, в то время как от «молокососа» Лю Вэньхуэя они, представители старшего поколения, даже объединив войска, постоянно терпели поражения. Испытывая стыд и зависть, объединившиеся милитаристы жаждали реванша.

Примечательно, что после поражения милитаристов в схватке с Лю Вэньхуэем Лю Сян нередко приходил им на помощь, поэтому они без колебаний вступили в союз со своим благодетелем. В него входили разные силы, и главной среди прочих можно назвать «законную центральную власть» Чан Кайши.

Будучи невероятно талантливым в военном деле, Лю Вэньхуэй оказался слабоватым и вполне заурядным в политике, — не то, что Лю Сян, этот «старый перец»³².

Борьба за власть в Сычуани обострилась до предела, и помещик Лю Вэньцай, который всегда действовал с младшим братом как единое целое, начал «сражение» с собственным племянником Лю Сяном, подослав к тому в Чунцин убийцу. Операция прошла неудачно и вызвала еще большую злобу Лю Сяна к дядюшкам Лю Вэньцаю и Лю Вэньхуэю.

«Великая война двух Лю», как ее называли в народе, стала неизбежной: в политике не может быть родственников и постоянных друзей, — полагают китайцы. Еще эту войну называли «два Лю борются за Сычуань».

Лю Сян считался самым мощным милитаристом в Сычуани и, кроме того, пользовался поддержкой самого Чан Кайши. Поэтому весной-летом 1932 г. он разработал план под названием «усмирение Сычуани» с целью атаки Лю Вэньхуэя. Из 400 войн между милитаристами провинции эта междоусобица стала самой крупной по масштабам и самой долгой, за что и получила название «великая». В нее оказались вовлечены и другие милитаристы данного региона, круп-

---

³² «Старый перец» (老辣) соответствует русским «тертый калач», «стреляный воробей».

ные и мелкие, такие как Дэн Сихоу, Тянь Суняо, Ян Сэнь, Лю Цуньхоу, Ли Цзяюй (李家钰), Ло Цзэчжоу (罗泽洲) и др.

2.

Лю Сян принял решение нанести удар дядюшке Лю Вэньхуэю, захватив охраняемые им границы и лишив должности председателя правительства. План Лю Сяна вполне удался. Против Лю Вэньхуэя, помимо армии племянника, выступили 28-я, 29-я, 20-я дивизии, а также пограничные войска Сычуани, в общей сложности — 240 тыс. воинов, что вдвое превышало численность войск дядюшки Лю.

1 октября 1932 г. началось крупное сражение между армиями племянника и дяди. Первая схватка между соперниками произошла на юге, когда на пограничный гарнизон Лю Вэньхуэя в городском округе Лучжоу были брошены все три рода войск Лю Сяна: военно-воздушные, военно-морские и сухопутные, да еще и так называемое «небесное воинство». Штурм длился две недели, однако, вопреки ожиданиям, и через полмесяца Лю Сян не смог полностью овладеть территорией, находившейся под властью дяди.

Лишь 21 ноября, после того, как линия обороны близлежащих уездов пала, Лю Вэньхуэй в Лучжоу попал в западню. Будучи взятым в клещи, он оказался, как «черепашка в глиняном чане»: будь у него даже «три головы и шесть рук», и это не помогло бы устоять, спастись. Дядюшка сделал несколько попыток договориться с племянником, но тот оказался неумолим: можно ли спасти тигра на свою же беду? Лю Вэньхуэй вынужденно поднял белый флаг, признав поражение. Узнав об этом, Чан Кайши, засияв от радости, тут же написал победителю письмо с благодарностью.

Далее Лю Сян со своими войсками направился вверх по течению реки Хуаньхуаси (浣花溪) и захватил Цзянань и Наньси к западу от Чэнду. Миновав селение Личжуан, Лю Сян пошел прямо на город Сюйфу, находившийся под контролем его второго дяди — помещика Лю Вэньцая.

Округ Лучжоу пал, однако старший брат, помещик Лю Вэньцай, обосновавшись в Сюйфу, не спешил сдаваться, не желая проигрывать: город расположен высоко, водоемы в нем глубокие, запасов зерна и патронов — предостаточно. Там же располагался штаб по наведению порядка в сельской местности к югу от Сюйфу. Штабу подчинялись два полка и бригада отборных бойцов Гао Юйцуна (高

育琮), направленная туда Лю Вэньхуэем, в общей сложности защитников города насчитывалось более 10 тыс. человек.

Именно поэтому Лю Вэньцай считал, что победитель окончательно не выявлен и можно еще померяться силами с Лю Сяном. Прежде чем выявится победитель, Лю Вэньцай решил сразиться с двоюродным племянником не на жизнь, а на смерть. Он отдал приказ своим войскам расположиться для обороны за городом, в фарватере Янцзы.

Но, будучи богатым землевладельцем, Лю Вэньцай им и остался: умея зарабатывать деньги и виртуозно считая на счетах, он не умел руководить военной операцией и просчитался. Лю Сян, миновав селение Личжуан, высадился на берег и далее отправился по суше. Его 21-я дивизия продвигалась по узким тропам в горах по обоим берегам реки, а потому набросилась на противника неожиданно, сразу с двух сторон. Отборные воины бригады не справились с обороной и отступили вглубь областного центра. Сюйфу был захвачен, а Лю Вэньцаю оставалось лишь жаловаться на свою судьбу.

Услышав грохот артиллерийской канонады, Лю Вэньцай, держа за руку любимую наложницу Линдань (凌旦), взобрался на самый верх городской стены и увидел вражеских солдат, окруживших город, которые сверху напоминали муравьев, и пороховой дым сражения. Охваченный страхом, решил бежать, но по старой привычке помещика наживаться на всем, не смог удержаться от последней попытки грабежа населения.

По общепринятым милитаристским правилам жители города, где расквартирована армия, обязаны заплатить определенную сумму, необходимую для передислокации, если войска собираются покинуть данный город. Обычно сбором такого налога занимались торговцы, они же брали на себя основное бремя платы, а военные «сидели на месте», лишь принимая собранное. Но поскольку Лю Вэньцай очень спешил, он издал приказ, согласно которому сбором налога следовало заняться самим воинам. Помещик-чиновник Лю Вэньцай 23 ноября 1932 г. созвал экстренное заседание в главном офисе налогового управления Южной Сычуани. На заседании объявил военное положение и постановил собрать средства на военные расходы: жители восточной части города должны выплатить ему 80 тыс., жители южной — 50 тыс., западной — 40 тыс., а северной части города — 30 тыс. юаней. Все средства следовало собрать в течение двух дней. При этом потребовал составить поименные списки жителей каждого района города с указанием перечисленной суммы.

После собрания подчиненные отправились по дворам города, получив личный приказ командующего расстреливать на месте тех, кто откажется платить либо попытается оттянуть время.

Собрав с жителей 200 тыс. серебряных юаней и прикарманив их, Лю добавил к ним золото и серебро, награбленные ранее. Все это составило такую сумму, которая едва уместилась в 4500 с лишним больших деревянных сундуках. Сундуки отправили в уездный город Даи на 20 речных судах.

Через двое суток, 25 ноября, Лю Вэньцай с личной охраной и наложницей покинул город по воде под грохот орудий — штурм города Сюйфу продолжался. С собой помещик прихватил 450 больших ящиков с добром, 20 тыс. налоговых денег и 8000 в серебряных слитках.

В последний раз генерал-лейтенант оглянулся на брошенный город. Здесь он провел ровно десять лет, здесь приумножил семейное благосостояние, познакомился с любимой наложницей Лин Дань... С тяжелым сердцем он покидал этот богатый, оживленный город. Путь его лежал на родину, в Даи. Больше в Сюйфу он никогда не возвращался.

Обидно было признавать поражение, и Лю Вэньцай погрузился в воспоминания. Ведь совсем недавно, 15 января 1932 г., он достиг высшего предела в карьере, получив звание генерал-лейтенанта. Он ввел особую военную форму для военнослужащих в Сюйфу и на юге Сычуани и тогда представлял собой непосредственную угрозу для картежника Тань Сяолоу. Кто-то из них двоих должен был уступить. При этом у пятого брата и чин выше, и власть полнее, к тому же он — родственник «правителя» тех мест. Кто победит в тайном противостоянии — понятно с первого взгляда.

Пытаясь оставить для себя путь к отступлению, многие офицеры, которые подчинялись Тань Сяолоу, напрямую или тайно поддерживали связь с Лю Вэньцаем. Даже командир смешанной 6-й бригады Цзян Дунхай (蒋东海), который давно считался неразлучным другом Тань Сяолоу, «телом находился рядом с ним, а сердцем — с Лю».

Таким образом Тань Сяолоу мог оказаться «генералом без армии». Будучи в отчаянии, он подослал офицеров, чтобы тайно убить «неразлучного друга» Цзян Дунхая (казнить одного в назидание сотне). Убийцы устроили засаду в одном из переулков Сюйфу и действовали так осторожно, что, казалось, «дúхи и демоны не почуяли бы». Однако Цзян оказался чрезвычайно бдительным и проница-

тельными: в последний момент он все же заподозрил неладное, развернулся и бросился бежать.

Два унтер-офицера среагировали не столь быстро, время было упущено, вдогонку раздалось два хлопка, и одной из пуль был убит случайный прохожий столяр, оказавшийся в переулке. Цзян же, высокий и длинноногий, бежал так быстро, что догнать его не представлялось никакой возможности.

Он прибежал прямо в усадьбу Лю Вэньцай, рассказал о покушении, и Лю тут же связался по телефону с братом. Тем временем Тань, узнав о неудаче, пробормотал: «Пытался украсть курицу, а в результате только рассыпал свой рис!»

На следующий день Цзян Дунхай сам отправился в Чэнду, чтобы подать заявление в суд с обвинением против Тань Сялоу. Стремясь покончить с этой распрей, Лю Вэньхуэй отправил с нарочным письмом Таню с просьбой добровольно оставить службу. Таким образом, Лю Вэньцай одержал победу, все имущество военной администрации вновь вернулось в его руки, и больше ему некого было опасаться. Этот период можно назвать кульминационным в его жизни.

Тем временем противостояние между племянником Лю Сяном и двоюродным дядей Лю Вэньхуэем продолжалось. После короткой передышки в июле 1933 года Лю Сян лично возглавил армию и повторно атаковал дядю Лю, и это оказалось их последним сражением. Армия дядюшки Лю треснула, как расколотый бамбук.

Лю Вэньхуэй и сам понимал, что надежды на победу у него нет: в армии не наблюдалось единодушия и боевого духа, со всех сторон теснили враги, и 8 июля он отправил телеграмму о снятии с себя полномочий председателя правительства провинции Сычуань. Он покинул Чэнду и занял оборонительную позицию на линии река Миньцзян (岷江) — городской округ Янь.

Однако под давлением огромной армии Лю Сяна дядюшке Лю пришлось просочиться в западную часть Сычуани, в холодную и пустынную местность. Закончилось тем, что Чан Кайши стал уговаривать Лю Сяна примириться с дядей. Под его давлением Лю Сян поразмыслил и принял решение оставить зажатого в клещи родственника в покое. Ведь тот не являлся единственным соперником и противником; немало и других милитаристов уже давно хищно поглядывали в его сторону.

Война, длившаяся более года, завершилась великой победой Лю Сяна, но только потери в ней оказались огромными. Лю Вэньхуэй

потерял $\frac{3}{4}$ своих войск, утратил $\frac{4}{5}$ завоеванной территории; на момент прекращения вражды у него осталось менее 20 тыс. солдат. С обеих сторон в войне участвовало свыше 300 тыс. воинов, из них 60 тыс. погибло; потрачено около 50 млн юаней; экономика Сычуани, особенно — южной части провинции, подверглась такому разрушению, что не смогла восстановиться даже к концу войны сопротивления Японии (1937–1945).

Как отнестся к войне родственников Чан Кайши? С Лю Сяном у него сложились неплохие отношения, Лю Вэньхуэя он ненавидел, о причинах этой ненависти — ниже. Но каждый участник тех исторических событий старался преследовать собственную выгоду и готов был на время улучшить отношения с врагом ради того, чтобы сообща уничтожить еще более опасного противника.

Во время войны «двух Лю» Чан Кайши надеялся, что племянник Лю Сян расправится с Лю Вэньхуэем, во всяком случае, значительно ослабит его вооруженные силы. Лю Вэньхуэя следует проучить! Одновременно он надеялся, что силы окажутся ослабленными ровно настолько, чтобы и Лю Сян не оказался победителем: на него тоже нужна «управа», — хорошо, если Лю Вэньхуэй не позволит племяннику подчинить себе Сычуань. Поэтому Чан Кайши неоднократно отправлял по телефону приказы Лю Сяну о прекращении противостояния: «Заканчивайте битву по „усмирению Сычуани“, займитесь „истреблением красных“».

3.

В результате победы племянник Лю Сян стал губернатором провинции, заняв высшее место «князя» Сычуани. Лю Вэньхуэй, потерпев поражение и потеряв губернаторство, в октябре 1933 г. прибыл в городской округ Янь, убиваясь и горюя, печально взирая на достаточно дикую местность. Дядюшке было далеко до «старого перца» Лю Сяна!

Вернувшись в Чэнду, Лю Сян написал письмо и передал его с нарочным подчиненному дяди с предложением встретиться. Этот подчиненный Лэн Иньдун (冷寅东) — самый отважный военачальник Лю Вэньхуэя, командир сычуаньской дивизии, родом из Даи. В то время он служил заместителем командующего пограничных войск Сычуани. Во время аудиенции Лю Сян сказал Лэн Иньдуну:

— У моего *яо-ба* нет опоры, нет поддержки. Но у меня нет желания стереть его в порошок, я лишь хотел «прижать его к земле», чтобы поумерил запальчивость. Я позволю ему сохранить часть армии. Дождемся, когда я освобожу весь Сикан^{vi}, и он официально станет единой провинцией, и тогда я сделаю дядю председателем правительства.

Лэн Иньдун растрогался до слез и высказал свое мнение:

— Батюшка, ваша Аньчуаньская дивизия уже захватила Янь, и мой господин отдал вам уезд Ханьюань (汉源) городского округа Янь. Теперь мой господин не опасен. Позвольте ему вернуться?

— Хорошо, сейчас же отдам приказ. Аньчуаньская дивизия отступит по всему фронту, и пусть Лю Вэньхуэй возвращается в Янь. Кроме того, я передам дядюшке 10 тыс. комплектов обмундирования и более 100 тыс. *даянов*, чтобы облегчить его положение.

После долгих раздумий и оценки ситуации в стране и в их родной провинции, оба Лю, дядя и племянник, пришли к выводу, что им обоим выгоднее помириться. Впредь Лю Сян взял для себя восемь иероглифов в качестве руководства для дальнейших отношений с дядюшкой: «适可而止, 不应过甚», т.е. «не выходить за пределы и вовремя останавливаться».

«Обретя берег» и «твердо встав на подошвы», Лю Вэньхуэй несколько успокоился и изменил свое отношение к племяннику. В разговоре по телефону с победителем он признал свою неправоту и пообещал содействовать Лю Сяну в объединении Сычуани под его правлением. Они решили прекратить враждебные действия по отношению друг к другу. Разговор произошел 6 сентября 1933 г., и этим теплым общением они окончательно поставили точку во «вражде двух Лю».

Позже Лю Вэньхуэй обратился в центральный комитет партии Гоминьдан с просьбой присоединить к Сикану территории Ниншу³³ (宁属) и Яшу³⁴ (雅属), чтобы образовать провинцию Сикан. Чан Кайши отдал этот вопрос на усмотрение Лю Сяна, и тот выступил категорически против. Лишь после смерти Лю Сяна повторную просьбу Лю Вэньхуэя удовлетворили, и была образована провинция Сикан, вобравшая в себя некоторые территории Сычуани.

---

³³ Ниншу — ныне Ляншаньский автономный округ (凉山彝族自治州), где проживает нацменьшинство *и*, в провинции Сычуань.

³⁴ Яшу — ныне городской округ Янь в провинции Сычуань.

Лю Вэньхуэй получил во «владение» 33 уезда и 3 временных управы в пограничной полосе на площади в 535 тыс. кв. км с населением свыше двух миллионов человек.

Согласившись на просьбу, Чан Кайши рассуждал на тот момент так: «Отдав Лю Вэньхуэю два специальных сычуаньских района, Янь и Сичан (西昌), и образовав новую провинцию, я заручусь его поддержкой». Провинция официально была образована в первый день нового, 1939 г., и Лю Вэньхуэй стал ее губернатором, удовлетворив свое тщеславие. В том году ему как раз исполнилось 40 лет; он собственноручно написал новогодний свиток с иероглифами: «Жизнь начинается в 40 лет» (生命始于四十) и повесил у себя в кабинете. Лю Вэньхуэя буквально распирала жажда деятельности в «своей» провинции, и он стал открывать рудники и учебные заведения, отдавая все силы и волю ради процветания этой, ранее захолустной, местности. «Дуншанец вновь объявился»³⁵!

Лю Вэньхуэй вновь обрел относительно высокий правовой статус на политической арене юго-западного Китая, и его группировка превратилась в «независимое государство внутри государства».

Реванш он взял, однако его надменность, которой Лю Вэньхуэй отличался в ранние годы своей карьеры, исчезла навсегда. В годы правления Сиканом Лю больше всего заботило сокрытие от окружающих своей реальной силы. 20 тыс. воинов его 24-й дивизии могли кое-как справиться с местными разбойниками и мятежниками, однако, если бы на него напали извне, сопротивление можно было бы назвать символическим.

Прожив в Сикане более десяти лет и возглавляя провинцию, дядюшка Лю занимался бизнесом; благодаря его стараниям экономика, культура и образование этого района получили определенное развитие. Причем, особый упор он делал на сферу образования и достиг на этом поприще невиданных результатов.

Лю Вэньхуэй построил множество школ, и когда позднее в провинцию прибыл фотокорреспондент Сунь Минцзин (孙明经), он обнаружил разительную разницу: школы оказались просторными и светлыми, а здание уездной управы — ветхим и убогим. Корреспон-

---

³⁵ Согласно легенде, отшельник с горы Дуншань — бывший крупный чиновник по имени Се Ань (谢安) — вернулся к государственной деятельности, взяв реванш. «Дуншанец вновь объявился», или «Отшельник с горы Дуншань вновь возвратился», образно означает «возобновить деятельность» (карьеру), «вернуться к делам» (работе, должности), «приняться за старое», «возродиться», «взять реванш», «вновь подняться» (东山再起).

дент обратился с вопросом к начальнику уезда и услышал ответ: «Правитель Лю неоднократно предупреждал, что, если здание уездной управы окажется лучше, чем школьное, то в наказание — расстрел!»

В губернаторе Лю и в самом деле произошли глубинные психологические изменения: он осознал свои заблуждения в том, что когда-то считал правильным оказывать давление, проявлять агрессию, атаковать во всех направлениях. Он стал помогать людям, совершать благородные поступки, обзавелся широким кругом друзей.

После воцарения мира Лю Вэньхуэй стал доминировать в своем огромном семейном клане, подобном маленькому государству. Такое руководство со стороны старейшины рода всегда считалось нормой в Китае, однако в период военной олигархии такая традиция стала редкостью в больших семьях. И тут Лю Вэньхуэю очень пригодилось его умение «регулировать, настраивать и упорядочивать». При этом его «внутренняя политика» оказалась вполне практичной и высокоэффективной при опоре на представителей младшего поколения рода — сыновей и племянников: отныне в его 24-й дивизии старались избавляться от чужеродных руководителей, зато еще больше укрепляли «сцепку» между родственниками в армии.

Благодаря такой политике воины 24-й дивизии в течение следующих десяти с лишним лет отличались абсолютной преданностью Лю Вэньхуэю и его клану от начала до конца в любых, самых сложнейших ситуациях. Так Лю сумел сформировать свою группировку в Сычуани и Сикане, создать крепкий политический альянс и получал массовую поддержку на любой свой призыв в обеих провинциях.

Можно сказать, что в результате «войны двух Лю» в судьбе Лю Вэньхуэя произошел поворот — его некогда мощная группировка пришла в упадок. Но и для старшего брата, Лю Вэньцая, война стала поворотным пунктом. Если раньше его основной обязанностью являлось изыскание денежных средств для содержания армии Лю Вэньхуэя, то после окончания войны важнейшей его миссией стало «держат в руках дом и хозяйство», чтобы избавить от этих хлопот младшего брата.

По возвращении в Даи Лю Вэньцай понял, что нуждается в отдыхе, потому что в последнее время жил на пределе физических и духовных сил.

В дальнейшем, вплоть до самой смерти Лю Вэньцая, дружные братья так и жили, распределив обязанности: один занимался делами

вне дома, другой решал проблемы внутри большой семьи; один «мчался верхом на коне, занимаясь государственными делами», другой «жил на лоне природы».

2.8. Чан Кайши и семейство Лю

В первые годы Китайской Республики в Сычуани начались междоусобицы милитаристов; представители клана Лю тоже оказались втянутыми в эти войны. В 1927 г. в провинции образовалось два течения: одно возглавил племянник Лю Сян, и костяком его группы можно назвать главных сподвижников Ян Сэня и Тан Шицзуня (唐式遵), а во главе второго течения оказался его дядя, Лю Вэньхуэй, опиравшийся, в основном, на Дэн Сихоу и Тянь Суняо.

Противоречия между Чан Кайши и милитаристами Сычуани возникли еще в конце 20-х — начале 30-х годов. Лидером сычуаньской группировки в то время считался Лю Сян, который занимал пост губернатора провинции. Он стремился превратить Сычуань в провинцию, независимую от центральной власти, и объединить войска сычуаньских милитаристов. С этой целью он создал «Общество поощрения нравственности среди военных», куда принимались офицеры от командира батальона и выше. С помощью Общества Лю Сяну удалось объединить сычуаньскую армию под единым командованием.

Этот лидер уделял большое внимание политическому и административному объединению провинции. Он создал специальные курсы подготовки начальников уездов, через которые пытался воздействовать на местный административный аппарат.

Чан Кайши

Отдаленность Сычуани от политических и административных центров страны была на руку местным милитаристам. Центральное правительство в то время было еще не в состоянии распространить свое влияние на эту провинцию. Здесь больше, чем на других территориях, сохранились пережитки феодализма, что тоже способствовало укреплению позиций местных военных группировок милитаристов.

Перед тем, как прилететь в Сычуань, Чан Кайши посетил десять провинций на севере и северо-западе страны. Благодаря антикоммунистической кампании 1934–1935 гг., он сумел укрепить свое влияние в провинциях, ранее находившихся вне пределов его досягаемости.

Губернаторы ряда провинций на Северо-Западе действовали независимо от Нанкина, тамошние милитаристы относились к гоминьдановскому центру со свойственным им цинизмом. Каждый из милитаристов был озабочен, прежде всего, тем, как бы сохранить свою армию. Во время войны с Японией отмечались случаи, когда милитаристы выводили свои войска из боя, отказываясь от лавров победы над какой-либо японской группировкой. Зачастую это можно было наблюдать на границах провинций, когда каждый ожидал большего вклада в военные действия от своего соседа.

2 марта 1935 г. Чан Кайши прибыл в Сычуань, где оставался, с некоторыми перерывами, до 31 октября. Здесь он планировал операции против вооруженных отрядов КПК, отдавал приказы непосредственно провинциальным военным властям, старался использовать свой престиж ради успешного осуществления политических, экономических и военных реформ в Сычуани, видимо, заранее предполагая учредить здесь в случае чрезвычайных обстоятельств центральную власть. Сычуань, согласно утверждениям гоминьдановского лидера, стала «базой для возрождения китайского народа».

Лидера принимали с энтузиазмом. Супруга сычуаньского милитариста Лю Сяня, подражая Сун Мэйлин (жена Чан Кайши), возглавила местное «движение за новую жизнь». Но попытки лидера страны упрочить позиции центральной административной власти

в Сычуани натолкнулись на сопротивление местной бюрократии. Результатом прибытия Чан Кайши в Чэнду, административный центр Сычуани, стало закрытие там 1300 опиумокурилен.

Ситуация обострилась весной 1936 г. Осложнение отношений между Нанкином и Сычуанью происходило на фоне тяжкого бедствия, обрушившегося на провинцию весной 1936 г. Засуха продолжалась около года. Пострадало более 90% территории провинции. Спасаясь от голодной смерти, люди бросились в города. Толпы голодных ели кору и листья с деревьев. Тысячи людей умирали на улицах Чунцина. Только в феврале — марте полиция захоронила до четырех тысяч умерших от голода. Не менее тяжелым бедствием для народа стало нашествие чиновников из Нанкина, усиление налогового бремени, активизация бандитизма.

Возможно, в иных условиях засуха и голод могли способствовать примирению между Чан Кайши и Лю Сяном. Положение, однако, лишь осложнилось. Торговцы взвинтили цены, не опасаясь никаких ограничений, коррупция усугубила последствия голода. Провинциальные власти обратились к Нанкину за помощью, но ответа не получили. Лю повторил просьбу. В апреле 1937 г. правительство одобрило, наконец, небольшой заем для Сычуани. Полученные средства быстро испарились. Чан Кайши опасался, что все его старания в Сычуани окажутся напрасными. И эти опасения возросли, когда Лю Сян стал искать возможность совместных с гуандун-гуансийскими милитаристами действий против Чан Кайши.

Наступление японцев снова обострило сычуаньскую проблему. К 1936 г. у Лю Сяна имелись независимые авиационные силы. На предприятиях близ Чунцина при содействии чехословацкой фирмы «Шкода» выпускались пулеметы и современные винтовки, зенитные орудия немецких образцов, и Чан Кайши захотел поставить под свой контроль военный потенциал провинции. К началу 1937 г. дополнительные подразделения войск центрального правительства начали движение в Сычуань из провинций Шэньси и Хубэй.

Лю Сян стремился защитить собственные интересы в своей вотчине, однако к июню он оказался вынужденным уступить силе: передал 10 самолетов центральному правительству. Вся политическая и военная власть в Чунцине практически перешла в руки Чан Кайши. Но захватив с помощью военной силы власть в провинции, лидер государства оставался в зависимости от местной бюрократии, которая не проявляла особого интереса к «сотрудничеству» с ним.

Лю Сян оберегал свои вооруженные формирования, несмотря на потерю, как он считал, значительной части территории. Когда же армии милитаристов стали участвовать в сражениях с японцами, Чан Кайши воспользовался и этим, чтобы ослабить военно-политические позиции своих потенциальных соперников. Сычуаньская армия, испытывая острую нужду в снаряжении, продовольствии, медикаментах, топографических картах, несла огромные потери.

Милитаристы высказывали недовольство усилением власти центрального правительства в провинции. Однако они были значительно слабее Чан Кайши и поэтому не могли предпринять ничего реального. Об этом свидетельствовал тот факт, что пост губернатора провинции занимал Чжан Цюнь (張群), крупный чиновник центрального правительства, против кандидатуры которого сычуаньцы яростно возражали в 1930 г. Одновременно с экономическим саботажем и разжиганием бандитского движения сычуаньские милитаристы требовали снятия с поста губернатора провинции Чжан Цюня, причем делалось это не открыто, а исподтишка. В Чэнду, например, на стенах домов были расклеены следующие плакаты: «Если Чжан Цюнь уйдет и на его место будет назначен местный генерал, цены на рис будут снижены в четыре раза». Такое сопротивление вынудило Чан Кайши на какой-то срок самому занять этот пост.

Между Чан Кайши и Лю Вэньхуэем давно сложились неприязненные отношения, и противоречия усиливались с каждым годом — о такой ситуации китайцы образно говорят «верхние зубы не совпадают с нижними».

Среди милитаристов Китая Лю Вэньхуэй вовсе не являлся главным и сильнейшим противником генералиссимуса, однако именно он оказался самым трудным и строптивым. Замыслы о свержении Чан Кайши зародились в голове Лю Вэньхуэя давно. В 1920 г. он командовал лишь одной бригадой, обороняя единственный уезд, а через десять лет у него в подчинении находилось уже 7 дивизий и более 20 бригад, численность личного состава которых оценивалась в 140 тыс. человек. Районы, которые он оборонял, включали в себя 81 уезд, т.е. большую часть провинции Сычуань. Являясь самой густонаселенной, она обладала наиболее богатыми природными запасами и неистощимыми человеческими ресурсами для пополнения армии.

Достигнув успеха, Лю Вэньхуэй стал заносчивым и властным, заявляя: «У нас — огромные задачи, и путь наш делится на несколько

этапов. Прежде всего — объединить под нашим контролем всю провинцию Сычуань, а затем — и весь Китай. Успех зависит от старания и решимости человека».

Чан Кайши с удовольствием уничтожил бы Лю Вэньхуэя, но он понимал, что справиться с 24-й дивизией — все равно, что пытаться яйцом разбить камень. И Чан решил действовать хитрее: нанести удар изнутри, сплетя огромную сеть связей из знакомых и родственников, которые переплелись в обществе, словно корни больших деревьев. Однако руководитель Гоминьдана держал под контролем лишь верхушку политических кругов Сычуани, а местные народные силы оказались его слабым звеном. В то же время Лю Вэньхуэй, родившийся на этой земле, вполне мог сравниться у себя на родине по силе и влиянию с Чан Кайши. Многовластие в Сычуани в данной ситуации тоже играло ему на руку.

Собственно «многовластие» состояло лишь из двух «голов»: силы внутри системы, т.е. чиновников и военачальников, и силы вне ее, т.е. народа. Проведя на государственной службе много лет, Лю Вэньхуэй легко справлялся с проблемами внутри системы, однако трудно было объединить народные силы Сычуани, особенно — члены тайного общества, всевозможных бандитов и разбойников.

Чан Кайши прилагал усилия, чтобы «вырвать с корнем» власть сильных местечковых милитаристов и объединить Китай под своим руководством. Еще в 1929 г. на Всекитайской конференции по реформированию армии он предложил конфисковать «уделы вассальных князей», и весть об этом разнеслась повсюду.

Местным группировкам предлагалось самостоятельно провести демилитаризацию, в противном случае категорически несогласные, не выполнившие приказ объявлялись мятежниками. Но не в характере Лю Вэньхуэя было подчиняться подобным приказам.

В то же время Лю Сян, племянник Лю Вэньхуэя, не только на словах, но и на деле поддерживал Чан Кайши, хотя оба родственника в душе понимали, кто их главный противник. Но племянник полагал, что захват власти в стране для него — второстепенное дело, а первостепенное — собственная безопасность, и ради этого стоит идти на компромисс. Тем более что на тот момент у Лю Сяна не существовало столкновения интересов с Чан Кайши. К тому же, у последнего просто времени не оставалось на разборки с милитаристами Сычуани, и Лю Сян счел возможным поддержать «законную власть». Дядюшка Лю Вэньхуэй, напротив, с храбростью молодого бычка бросился в бой с генералиссимусом.

В 1930 г. на Центральной равнине разразилась битва, получившая название «война центральных равнин», на которой Лю Вэньхуэй в открытую пошел против Чан Кайши. Он понимал, что следует заручиться поддержкой Ван Цзинвэя³⁶ (汪精卫), который только что вернулся из Франции в Гонконг и вел борьбу с Чан Кайши за власть в Гоминьдане. Лю Вэньхуэй снарядил секретаря Ло Чэнле (罗承烈) в Гонконг, чтобы проявить «сердечность и внимание», вслед за этим отправил тому большую сумму денежных средств «для покрытия издержек на различные мероприятия».

В июне того же года Ван Цзинвэй прибыл в Бэйпин (Пекин) для формирования правительства и предложил включить Лю Вэньхуэя в состав правительства Гоминьдана, а также назначить его командующим 7-м фронтом. Возглавил правительство Янь Сишань³⁷ (阎锡山), в его состав вошел и Фэн Юйсян³⁸ (冯玉祥).

Переживая, что может остаться без назначений, Лю Вэньхуэй отправил в столицу своего представителя для непосредственной связи

---

³⁶ Ван Цзинвэй (汪精卫) — соратник Чан Кайши, хотя и имел с ним разногласия. В начале 1926 г. у Гоминьдана оказалось два лидера: военный — Чан Кайши, и гражданский — Ван Цзинвэй. Однако в мае того же года Ван Цзинвэй неожиданно, сославшись на недомогание, уехал во Францию, и в июне в руках Чан Кайши формально сосредоточилась партийная, государственная, военная и финансовая власть. Во время японской оккупации Ван Цзинвэй возглавлял коллаборационистское правительство в Нанкине, однако фактически проживал в Японии, где и умер. В Китае считается изменником родины. Годы жизни: 1883–1944.

³⁷ Янь Сишань (阎锡山) — генерал, один из последних правителей-милитаристов, премьер-министр Китайской Республики в 1949–1950 гг. Годы жизни: 1883–1960. Во время Синьхайской революции (1911–1912) принял сторону Юань Шикая и стал военным губернатором Шаньси, установив в провинции режим единоличной диктатуры. Однако в 1927 г. перешел на сторону Гоминьдана и был назначен Чан Кайши командующим 2-й группой армий. В 1930 г. поднял мятеж против правительства Чан Кайши в Нанкине. В 1949 г. бежал на Тайвань, где занял пост премьер-министра.

³⁸ Фэн Юйсян (冯玉祥) — маршал Китайской Республики, эссеист, поэт (1882–1948). Его называли «генералом-христианином» из-за нетипичного для того времени вероисповедания. Крестил не только своего сына, но и часть солдат. Его стиль руководства кардинально отличался от стиля других милитаристов: совмещал строгую военную дисциплину с политикой христианского социализма. В 1924 г. занял Пекин, совершил государственный переворот и образовал новое пекинское правительство. Для закрепления успеха стал сотрудничать с СССР, получая оружие, деньги и военные кадры. Разочаровался в политике Чан Кайши и Ван Цзинвэя, и постепенно перешел на сторону Сунь Ятсена. Активно выступал в антияпонской войне 1937–1945 гг., призывая объединиться коммунистам и гоминьдановцам против Японии. Впоследствии примкнул к Революционному комитету Гоминьдана, сблизившемуся с КПК.

с Янь Сишанем и Ван Цзинвэем. Затем отыскал своего друга Ху Цзыяна (胡子昂), чтобы тайно обсудить, каким образом нужно выступить против Чан Кайши, объединившись с Ван Цзинвэем.

Лю обратился к Ху: «Идет большая война, и Чан Кайши сосредоточил огромные силы, чтобы противостоять Фэн Юйсяну и Ван Цзинвэю. Если сейчас выдвинуть войска и напасть на Ухань, а затем объединиться с армиями Фэна и Яня, то можно прижать ему сразу и «хвост», и «голову»; он не сможет одновременно уследить за тем и другим и будет вынужден уйти со сцены. Осмелишься ли пойти таким путем вместе со мной?»

Ху ответил согласием, и 6 сентября 1930 г. 24-я дивизия Лю Вэньхуэя выступила в поход против Чан Кайши. Манифест об объявлении войны был разослан по всей стране в телеграфном виде. Операция вошла в историю под названием «Юй дянь» («рыбья телеграмма»), потому что «б-е число» в телеграммах принято обозначать иероглифом «рыба»^{vii}. В результате сражения Лю Вэньхуэй потерпел поражение и вернулся ни с чем.

Не только Лю Вэньхуэй, но и вся семья Лю ненавидела Чан Кайши. В свое время младший Лю заплатил Ван Цзинвэю, соратнику Чан Кайши, огромную сумму — 200 тыс. *даянов* на обустройство своей судьбы, и эти деньги отдал из своего кармана старший — помещик Лю Вэньцай. Кроме того, старший Лю выделил еще 100 тыс. *даянов*, чтобы переманить на свою сторону молодого маршала Чжан Сюэляна³⁹ (张学良) в борьбе против Чан Кайши и на закупку оружия для 24-й дивизии.

После участия в гражданской войне в мае — ноябре 1930 г., в которой победил Чан Кайши, последний не стал лично разбираться с Лю Вэньхуэем, выступившем против него, но не простил его.

В 1938 г. Лю Сян возглавил и повел войска провинции Сычуань на борьбу с японскими захватчиками. К сожалению, он безвременно

---

³⁹ Чжан Сюэлянь (张学良) — молодой маршал, выступивший на стороне Лю Вэньхуэя, сильнейший милитарист Маньчжурии, сын Чжан Цзолиня. Годы жизни: 1901–2001. Он участвовал в аресте Чан Кайши в Сиани в 1936 г., но после освобождения генералиссимуса Чжан Сюэлянь как мятежник получил 10 лет тюремного заключения. Чан Кайши заменил заключение на домашний арест, а затем вывез маршала на Тайвань как личного пленника. Пленником он оставался и после смерти Чан Кайши в 1975 г. Прожил 100 лет, и 50 из них свобода передвижений для него была ограничена. В Китае считается героем, и в 2003 г. в Шэньяне был открыт музей в резиденции его отца Чжан Цзолиня, а также установлен памятник.

скончался от старых болезней в городе Ханькоу. Национальное правительство Гоминьдана посмертно присвоило ему звание генерал-полковника 1-го класса и устроило государственные похороны в святилище Ухоуцы (武侯祠) у южных ворот города Чэнду, где тот и погребен в усыпальнице.

Генерал Лю Вэньхуэй, самый честолюбивый из сычуаньских генералов, после смерти Лю Сяна, своего племянника, занимал пост губернатора провинции Сикан. Под его непосредственным командованием находились две дивизии и две отдельные бригады. Чувствуя свою слабость, Лю Вэньхуэй еще при жизни Лю Сяна примкнул к нему и объединил с ним свою армию. После смерти Лю Сяна дядюшка Лю Вэньхуэй, стремясь захватить политическую власть в Сычуани, пытался заручиться поддержкой командиров бригад Сычуаньской армии Лю Шучэна и Чжоу Сяоланя, заключив с ними соглашение о взаимной помощи.

После измены Ван Цзинвэй⁴⁰ положение Лю, связанного с ним, пошатнулось. И только после того, как он опубликовал телеграмму с осуждением Вана, центральное правительство вернуло ему свое доверие. Однако прийти к власти в своей провинции Лю Вэньхуэй так и не смог. Он продолжал внимательно следить за ходом событий и, видимо, готовился к тому, чтобы не пропустить удобного случая для осуществления своих честолюбивых замыслов. Учитывая его положение, Чан Кайши неоднократно пытался подкупить своего противника.

Японо-китайская война (1937–1945) существенно изменила ситуацию. По мере продвижения японцев центральное правительство было вынуждено создавать тыловую базу в глубинных районах. Из-за неудачного для Китая хода этой войны в 1939 г. правительство Китайской Республики переехало в Чунцин, и он был поднят в статусе до города центрального подчинения 1-го ранга. В 1940 г. Чунцин объявили временной столицей страны. Чтобы сломить волю китайцев к сопротивлению, японская авиация начала бомбардировки Чунцина, продолжавшиеся до 1943 г.

Тем временем политическое и военное влияние центрального правительства в Сычуани росло. Чан Кайши стремился путем под-

---

⁴⁰ Ван Цзинвэй создал марионеточное государство на территории Китая, оккупированной Японией (1940–1945). Будучи одним из лидеров партии Гоминьдан, Ван Цзинвэй во время войны встал на прояпонские позиции, призывая правительство Чан Кайши в Чунцине и армию прекратить военные действия против Японии и объединить усилия для борьбы с коммунистами.

купа или разъединения Сычуаньской армии лишить лидеров местной клики их реальной силы и влияния. После смерти Лю Сяна они лишились признанного руководителя, между ними началось соперничество, и то единство, которое начало складываться, по существу, нарушилось.

Ряд обстоятельств укреплял положение центрального правительства в Сычуани. За время войны в провинции было осуществлено значительное промышленное строительство, которое усилило его экономические позиции в борьбе с местными милитаристами. Кроме того, различные правительственные учреждения, военные организации и крупные деятели правительства, Гоминьдана и армии заняли жилые дома и поместья отдельных сычуаньских милитаристов, что в известной степени ослабило экономическую мощь последних. Монополизация государством продажи за границу целого ряда продуктов, производимых в Сычуани (тунгового масла и др.), поставила сычуаньских помещиков в прямую зависимость от центральной власти. Все это, вместе взятое, серьезно ослабляло позиции сычуаньской клики в ее противоборстве с Чан Кайши.

Тем не менее, местные милитаристы сохраняли надежды на автономию своей провинции и выжидали только благоприятного момента: успешного продвижения японцев в направлении Чунцина или переезда центрального правительства после окончания войны в Нанкин. Они надеялись, что после того как сычуаньские войска, находящиеся на фронте, возвратятся домой, их влияние и реальные силы снова возрастут и им удастся восстановить положение, которое было при Лю Сяне. Несмотря на то, что силы сычуаньских милитаристов постепенно слабели, они все еще могли предпринять попытки к отделению провинции от центра. Среди части командиров сычуаньских войск еще продолжали жить идеи независимой и автономной Сычуани. Особенно много их было среди непосредственного окружения умершего Лю Сяна.

В мае — июне 1941 г. у Чан Кайши резко обострились отношения с провинциальными милитаристами Юго-Западного Китая, особенно — с сычуаньской и гуансийской кликами. Поскольку ставка Чан Кайши находилась в Чунцине, на территории Сычуани, наиболее острыми стали его трения с сычуаньской кликой. Они касались политических, военных и экономических вопросов, так как местные милитаристы, не обладая достаточными военными силами, чтобы противопоставить их войскам Чан Кайши, пошли по линии экономического саботажа.

Первым тяжелым испытанием для гоминьдановской власти стал разразившийся в 1939–1940 гг. в ряде тыловых провинций зерновой кризис, который показал, что правительство не смогло справиться ни со спекулятивным укрывательством запасов зерна деревенской верхушкой, ни с участвовавшими случаями налогового произвола на местах. Центр оказался неспособным предотвратить резкое падение курса национальной денежной единицы *фа-би* и сдержать рост инфляции.

Не выпуская на рынок сосредоточенные у нее большие запасы риса, сычуаньская клика способствовала развитию продовольственного кризиса в провинции. Особенно крупные запасы имелись у вдовы бывшего лидера сычуаньской клики Лю Сяна и у Лю Вэньхуэя, который в то время фактически являлся главарем сычуаньцев.

Саботаж сычуаньских помещиков объяснялся их несогласием с политикой правительства по ограничению цены на рис (правительственная цена за 1 *доу* риса составляла 60 *даянов*), а также отражал их недовольство линией, направленной на ослабление сычуаньской клики.

Рис прятали еще и потому, что в условиях, когда курс бумажных денег китайского правительства изо дня в день падал, зерно оставалось реальной ценностью, своего рода твердой валютой. Цена на рис на черном рынке достигала 100 *даянов* за 1 *доу*. На каждого человека в месяц требовался минимум 1 *доу*, средняя китайская семья состояла из 4–5 человек, т.е. необходимый минимум денег для приобретения только одного риса на семью составлял 400–500 *даянов*. Зарплата же чиновника или рабочего колебалась от 75 до 250 *даянов*.

Из-за недостатка риса и высоких цен на него среди населения росло недовольство. В Сычуани произошел ряд стихийных голодных бунтов. В связи с тяжелым продовольственным положением распространился бандитизм. Причем, это было скорее не уголовное, а политическое явление. Крестьяне Сычуани тем самым выражали свое недовольство тяжелым материальным положением.

Главарь банд призывали: «Кто не желает служить в солдатах и хочет иметь рис, идите к нам». За спиной бандитских отрядов стояли сычуаньские милитаристы, которые пытались использовать в своей борьбе с центральным правительством недовольство сычуаньского крестьянства.

Обеспокоенный положением в провинции, Чан Кайши, с одной стороны, стремился найти компромисс с сычуаньцами, с другой — силой заставить их подчиниться его власти. Он назначил Сюй Каня,

уроженца Сычуани, имеющего связи с местными помещиками, министром продовольствия. В речи на собрании, посвященном памяти Сунь Ятсена (Чан Кайши произнес ее в присутствии Пань Вэньхуа и Дэн Сихоу), он высказал недвусмысленные угрозы в адрес сычуаньских помещиков, которые прячут рис.

В Чунцине была созвана специальная конференция по «умиротворению», на которой основным вопросом стала борьба с бандитизмом. Форсированно шла подготовка к возведению железобетонных сооружений вокруг Чунцина. На фронт из пределов Сычуани отправили от 400 до 500 тыс. бойцов, в том числе — две лучшие дивизии Пань Вэньхуа. Одновременно в Сычуань дополнительно ввели примерно три дивизии правительственных войск. Наряду с угрозами правительство пыталось уговорить сычуаньцев.

Смерть Лю Сяна и отправка сычуаньских войск на фронт вызвала ослабление местной клики. Чан Кайши добился назначения на пост губернатора провинции Ван Цзуаньсюя, который хотя и являлся сычуаньцем, но был сторонником Центра. В дальнейшем центральное правительство стало постепенно захватывать руководящие посты в провинциальном аппарате.

2.9. С коммунистами или Гоминьданом? Восстание 1949 года

Лю Вэньхуэй обладал удивительными способностями к политической деятельности и получил в народе кличку «Святой с огромным богатством». А поскольку бесменным председателем правительства он проработал десять лет, его называли еще «правителем провинции Сикан». Его можно было назвать осторожным и предусмотрительным, если речь шла о его собственной судьбе. Неслучайно в 1942 г. Лю Вэньхуэй тайно встретился в Чунцине с Чжоу Энь-

лаем. С тех пор он стал негласно сотрудничать с компартией^{viii}, о чем писал в своей автобиографии «Мой исторический путь к народу»: «Вовсе не революция послужила мотивом для сотрудничества, а мой личный политический замысел». О своем решении вступить в союз с компартией и выступить против Чан Кайши Лю Вэньхуэй сообщил брату Лю Вэньцяо.

Гораздо позже, когда внук помещика Лю Вэньцая по имени Лю Сяофэй проводил свое расследование, пытаясь восстановить доброе имя деда, он беседовал и с личным слугой деда Лю Цзэгао (刘泽高). Тот рассказал, что старший брат Лю, узнав о тайном сговоре младшего брата с коммунистами, тоже стал оказывать помощь местным членам компартии.

Это, конечно, не означает, что группировку Лю Вэньхуэя можно отнести к прогрессивным силам общества; он просто стал взаимовыгодно сотрудничать с высшими представителями КПК и даже позволил им установить в своей усадьбе радиостанцию. Лю Вэньхуэй и его группировка боялись расправы со стороны Чан Кайши, думая одновременно о выгоде для своего клана.

Когда образовалась Демократическая лига Китая⁴¹ (民盟, 中国民主同盟), Лю Вэньхуэй оказывал ей материальную поддержку, а в сентябре 1944 г. вступил в Лигу, став членом ее Центрального Комитета.

В начале июля 1947 г. в ситуации противостояния между силами Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и Гоминьдана произошли значительные изменения. В гражданской войне генералиссимус Чан Кайши терпел одно поражение за другим, а бойцы НОАК перешли в наступление. Генерал Лю Вэньхуэй, который вместе со своей дивизией давно переметнулся на сторону коммунистов, стал еще более плотно сотрудничать с ними, способствуя свержению власти генералиссимуса.

Своей опорой в армии Лю Вэньхуэй считал, прежде всего, многочисленных племянников, например, Лю Юаньцуня (刘元琮), Лю Юаньтана (刘元塘), Лю Юаньсюаня (刘元瑄), поскольку собственные сыновья были еще малы.

---

⁴¹ Демократическая лига Китая (民盟, 中国民主同盟) — одна из малых партий КНР, создана в марте 1941 г. в г. Чунцин. Основа партии — представители интеллигенции. Члены Лиги пытались найти «свой путь» между коммунистами и националистами в гражданской войне, но гоминьдановский диктатор Чан Кайши склонил всех к соглашению с КПК.

Лю Вэньхуэй, воспитывая продолжателей своего военного дела, подбирал самых талантливых родственников. К сожалению, большинство из них оказались никчемными специалистами и не оправдали надежд дяди, несмотря на то, что все они получили достойное военное образование. К примеру, Лю Юаньцун полностью разложился морально и погряз в коррупции, опустившись до воровства; можно сказать, не было пороков, которые он не собрал бы в себе.

Лю Юаньсюань⁴², «вскормленный» дядей, поднялся довольно высоко: за пять лет сумел от младшего офицера вырасти до командира 24-й дивизии в звании генерал-майора и мог продвинуться еще выше. Он мечтал попасть на передовую, чтобы сражаться с японскими оккупантами, однако его место службы находилось слишком далеко от линии фронта. Оставалось лишь жадно читать газеты о событиях на фронте, сравнивая информацию, подаваемую Гоминьданом и КПК.

Лю Юаньсюань, не будучи коммунистом, постепенно стал сочувствовать им и поддерживать в душе политику компартии. В процессе долгих раздумий и анализа племянник Лю между Гоминьданом и компартией выбрал последнюю. Лю Вэньхуэй не только не возражал против новых взглядов Лю Юаньсюаня, но поддержал их. Он рассуждал логически: если собрать все силы, можно противостоять центральному правительству Чан Кайши, а если удастся сохранить всю мощь, можно будет и расширяться вовне. Лю Юаньсюань поддерживал дядюшку, преследуя собственные цели.

В июле 1947 г. Лю Вэньхуэй, достигнув почтенного возраста (52 года!), наконец решил уйти в отставку. Но на кого оставить 24-ю дивизию? Лю Юаньсюань еще слишком молод и неопытен. В результате, сделав племянника номинальным командиром этой дивизии, реальное командование он оставил за собой.

В апреле 1949 г. Народно-освободительная армия Китая развернула битву за переправу на реке Янцзы, разом захватив южную столицу Нанкин и разгромив главного противника: «династия» Чан Кайши рухнула, как обвалившаяся черепица. Вслед за этим бойцы Освободительной армии взяли города Шанхай, Ханчжоу, Ухань, а также территорию восточного и южного Китая. Центр сражения переместился на юго-запад страны. ЦК КПК стремительно ускорил развязку борьбы, отобрав у Чан Кайши последнюю опорную базу на

---

⁴² Его второе имя — Цзюнь Линь (俊琳), годы жизни — август 1911 — март 1996 г., место рождения — г. Дан.

материке. Однако генералиссимус Чан, оказавшись в сложнейшей ситуации полного краха, боролся из последних сил, как загнанный зверь.

По приглашению отделения ЦК КПК в Южном Китае Лю Вэньхуэй как член ЦК Демократической лиги Китая, вместе с другими полномочными представителями, отправился в Гонконг на совещание по вопросу о восстании в Сычуани. Начальник штаба командования обговорил с Дэн Сихоу детали объединения провинции с помощью силы.

В августе 1949 г. Лю Вэньхуэй доложил Чжоу Эньлаю (будущему премьеру Госсовета и министру иностранных дел КНР) о подготовке к восстанию и запросил указаний. Чжоу по телефону ответил: «Активно готовьтесь, выбирайте подходящий момент: если выступить слишком рано, можно все потерять».

Племянник Лю Вэньхуэя Лю Юаньсюань в 1949 г. стал все чаще связываться с представителями компартии в районе Кхам, а в сентябре того же года вступил в подпольную ячейку компартии. Больше того — он активно подталкивал дядюшку к восстанию.

30 ноября 1949 г. Народно-освободительная армия Китая вошла в Чунцин, освободив город. Чан Кайши тоже прилетел в Чэнду, где его ожидал военачальник Ху Цзуннань (胡宗南) с разбитым 300-тысячным войском, сосредоточенным в этом же городе. Создалась напряженная ситуация.

Чан Кайши прилетел для встречи с Чжан Цюнем (张群), политическим и военным деятелем Китайской Республики, Лю Вэньхуэем и Дэн Сихоу, помощником начальника администрации юго-западной части Китая, чтобы воодушевить их на борьбу с коммунистами. Армия Гоминьдана называлась НРА (Народная революционная армия) и насчитывала примерно 4 млн 300 тыс. личного состава, из которых сформировали 370 стандартных дивизий (正式师). С 1925 по 1947 г. ее главнокомандующим являлся сам Чан Кайши. Если кто-то из милитаристов присоединялся к армии Чан Кайши, его «армию» переименовывали в дивизию.

Главнокомандующий надеялся подкупом перетянуть на свою сторону «ненадежных товарищей» Лю Вэньхуэя и Дэн Сихоу, а вместе с ними и Пань Вэньхуа (潘文华)^{ix}. Во время аудиенции Чан внимательно наблюдал за Лю Вэньхуэем, однако тот выглядел спокойным и ничем себя не выдал. Тем не менее, не очень доверяя Лю, Чан Кайши велел Чжан Цюню и Ху Цзуннанню договориться с Дэн Сихоу о том, чтобы отправиться в усадьбу Лю Вэньхуэя для проведения

там совещания. Он хотел, чтобы Лю Вэньхуэй и Дэн Сихоу вместе с Ху Цзуннанем занялись «служебными делами» его правительства, предварительно отправившись на Тайвань вместе с членами своих семей.

В ответ на его предложение Дэн Сихоу и Лю Вэньхуэй промолчали, недовольные тем, что их теснит Центральная армия Чан Кайши. Ху Цзуннань отказался покидать Сычуань. И тут Лю, притворившись разгневанным, воскликнул: «Ах, так ты хочешь, чтобы коммунисты, которые мечтают о пролетарской революции, расправились со мной?!» Чжан Цюнь и Ху Цзуннань онемели.

Видя, что таким образом не удастся «вывести подозреваемых на чистую воду» и осознав, что троица не собирается, «не щадя жизни», помогать ему, Чан приступил к угрозам, обещая вывезти членов их семей на Тайвань и превратить там в заложников. Он еще раз предложил всем трем уже купленные авиабилеты, однако вояки отказались.

Тогда Чан велел Лю и Дэну на следующий день явиться на северный плац в Чэнду для беседы, намереваясь там арестовать их. Догадавшись обо всем, Дэн и Лю сбежали из города Лотосов⁴³.

Тем временем Пань в середине ноября 1949 г. отправился на встречу с Лю Вэньхуэем и Дэн Сихоу, связавшись предварительно с Люй Чжэньсю (吕振修), одним из ответственных лиц в КПК. 8 декабря бежавшим из Чэнду удалось встретиться в городском уезде Дуцзянянь (都江堰) с переодетым Пань Вэньхуа, а 9 декабря председатель правительства провинции Сикан, командир 24-й дивизии Лю Вэньхуэй совместно с Ду и Панем отправили телеграмму о восстании Мао Цзэдуну и Чжу Дэ.

В телеграмме говорилось: «Мы, Лю, Ду и Пань, торжественно заявляем, что с сегодняшнего дня мы разрываем отношения с реакционной кликой Гоминьдана. Со всей искренностью намерены поинтоваться Центральному народному правительству, а также председателю Мао Цзэдуну и главнокомандующему Чжу Дэ». В результате восстания бойцы компартии бескровно захватили провинцию Сикан.

9 декабря 1949 г. председатель правительства провинции Сикан Лю Вэньхуэй возглавил восстание. Видя, что генералиссимус проигрывает, он со своей группировкой выступил открыто, примкнув к

---

⁴³ Город Лотосов (蓉城) — так называют Чэнду, т.к. для него характерно обилие парков и садов с прудами и лотосами.

коммунистам и надеясь удержаться и выжить, сохранив свое могущество. Он возглавил мятеж еще и для того, чтобы опередить Чан Кайши, готовившегося отомстить клану Лю. Но, примкнув к коммунистам, Лю Вэньхуэй недооценил их отношение к частной собственности, основанное на «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, и позже пути их разошлись, в то время как племянник Лю Сян снискал уважение потомков, поскольку присоединился к армии, сражавшейся с японскими интервентами.

Лю Вэньхуэй заранее отправил телеграмму членам семьи, предупредив о восстании, и они припрятали все наиболее ценные вещи, имевшиеся в их усадьбах. Едва узнав о содержании телеграммы, Чан отправил войска для описи имущества, а точнее — для разграбления всех домов, принадлежавших Лю в Чэнду. При этом солдатам приказали отлавливать самих родственников Лю.

После смерти помещика Лю Вэньцая его супруга Ян хотела бежать с детьми за границу, спасаясь от смуты, однако Лю Вэньхуэй посоветовал ей жить и одеваться поскромнее, чтобы не бросаться в глаза сторонникам Чана, а потом они вместе присоединятся к коммунистам. Если же Лю Вэньхуэй узнает что-либо о надвигающейся опасности, он сможет вовремя ее предупредить и помочь эвакуироваться.

Утром в день восстания Лю Вэньхуэй отправил людей на улицу позади храма Конфуция, чтобы предупредить госпожу Ян: ей следует немедленно бежать на улицу Дацзинь (打金街) и спрятаться в доме родственников по фамилии Цзян (姜).

Получив весточку от Лю Вэньхуэя, растерянная Ян вместе с сыном и невесткой бросилась в бега. Проводник повел семью по узким тропинкам среди полей. Лишь глубокой ночью они достигли волости Саньча, «Тройная Развилка» у крупного города Даи, где был родительский дом госпожи Ян. Всего им пришлось преодолеть 130 *ли*, которые госпожа Ян проделала пешком своими искалеченными бинтованными ножками.

Пань Вэньхуа и Дэн Сихоу тоже подняли восстание в уезде Пэн (彭县), и все трое составили совместную телеграмму руководству компартии, упоминавшуюся выше. В том же месяце командующий передовыми войсками Сычуани Фань Шаоцэн (范绍曾) также поднял восстание в уезде Цюй (渠县) и отправил об этом телеграмму. Председатель городского комитета Чэнду Лэн Иньдун (冷寅东) тоже объявил о восстании. Кроме того, к восстанию присоединились гоминьдановские генералы Чэнь Кэфэй (陈克非), Юй Мэн-

цюнь (喻孟群) и Лю Чжаоли (刘兆藜). Племянник Лю Юаньсюань тоже примкнул к восставшим, подняв 24-ю дивизию. Впоследствии все они получили хорошие должности от Центрального комитета компартии.

В июне 1950 г. Лю Вэньхуэй присоединил свою 24-ю дивизию Национально-революционной армии (НРА) к 62-му корпусу Народно-освободительной армии Китая (НОАК). После слияния Лю Юаньсюань, ранее занимавший должность командира 24-й дивизии НРА, стал помощником командира 62-го корпуса НОАК, а генерал-лейтенант Лю Юаньцун, тоже племянник Лю Вэньхуэя, занимавший должность помощника командира 24-й дивизии НРА, стал командиром 186-й дивизии 62-го корпуса НОАК.

2.10. Возвращение на родину

Помещик Лю Вэньцай, отойдя от политики, покинул округ Сюй, чтобы вернуться на родину в поселок Аньжэнь. К тому времени клан рода Лю сумел авансом собрать налоги в данной местности по 1957 г. включительно. Лю Вэньцай монополизировал фактически все отрасли, прибрал к рукам все прибыльные промыслы, включая торговлю опиумом.

Покидая округ Сюй, бывший чиновник захватил с собой немало пустых бланков с таможенными печатями, и, используя их в своих целях, попутно отобрал крестьянские земли в семи уездах: Хуаян, Синьфань, Вэньцзян, Чунцин, Даи, Шуанлю и Цюнлай.

В результате бывший чиновник Лю насильно отнял двенадцать с лишним тысяч му земельной собственности, 22 банка, 5 ломбардов, 684 здания, 10 каменных катков для обрушивания зерна, 29 гостиниц и пр., при этом в доме у него хранилось неисчислимое количество золота, серебра и драгоценностей.

В семье помещика насчитывалось 20 «ртов», при этом членов семьи, постоянно проживавших в Аньжэни, — всего шесть человек. Остальные — мамки, няньки, служанки. Если считать с наемными рабочими, то в общей сложности — 60–70 человек. И эти люди испили свою чашу сполна, ибо над ними не только издевались, но могли и ослепить, и убить. Так утверждали экскурсоводы, знакомившие с домом-усадебой. Без преувеличений, похоже, не обошлось.

У Лю Вэньцай имелась группа вооруженных, одетых в форму людей, выполнявших роль телохранителей, а еще он содержал какое-то количество подручных для расправы над крестьянами или выполнения особых заданий.

Он якобы не пощадил даже дальнего родственника Ян Бинюаня, который, будучи пьяным, осмелился на базаре обсуждать и осуждать Лю Вэньцай, как говорится, «критиковал голову и рассуждал о ногах». За несдержанный язык его застрелили прямо на рынке.

Стремясь расширить свою власть на родине, Лю Вэньцай зимой 1941 г. организовал тайное общество «Ассоциация всеобщего благоденствия», объединив пять ячеек «клятвенных братьев» в поселке Аньжэнь. Ассоциация состояла из помещиков и прочих богатых господ, а также главарей различных банд из разных местностей. В начале создания организация не была широко известна и не пользовалась авторитетом.

В феврале 1942 г. Лю Вэньхуэй тайно встретился с Чжоу Эньлаем в Чунцине для беседы, сделав роковой шаг к сотрудничеству с представителями компартии. В марте он вернулся на родину, чтобы навестить родных. Встретили его пышно, на двух легковых автомобилях: в одном разместился сам Лю Вэньхуэй с супругой и детьми, в другом — 5–6 человек из сопровождения. Помимо автомобилей присутствовал грузовик с комендантским взводом в желтой военной форме при боевом оружии.

После возвращения Лю Вэньхуэя на родину в Ассоциации всеобщего благоденствия наступил переломный момент: Лю Вэньцай увеличил численность членов общества и повысил его статус, сделав головным, которому подчинялись остальные ячейки. С этого момента все траты, все счета Ассоциации проходили через его руки; сколько денег требовалось, столько Лю и выделял. Его головная Ассоциация стала органом, занимающимся установлением связей и контактов с остальными ячейками, борющимся за объединение всех «клятвенных братьев».

Ассоциация всеобщего благоденствия имела ответвления и филиалы, всего — более 360. В них 100 тыс. членов тайного общества обладали десятками тысячами единиц различных видов оружия, держа в страхе население и наводя ужас на жителей Западной Сычуани. В 1940-х годах Аньжэнь уже не рассматривался, как родина знаменитого милитариста Лю Вэньхуэя, а превратился в лагерь и штаб-квартиру группировки клана Лю в Западной Сычуани.

Не только простые люди, но и местные органы власти побаивались членов тайного общества, у которых имелось «восемь внутренних палат» (палата собора, палата вольнослушателей, палата наказаний и пр.), т.е. члены тайного общества полностью переняли правительственную систему управления. Были организованы секции филантропии, урегулирования конфликтов, водного хозяйства, образования и просвещения, общественной безопасности, группа общего обслуживания, финансовая группа, сектор внешних сношений и т.п.

Помещик Лю Вэньцай совершил крупное реформирование традиционной системы тайного общества «клятвенных братьев», усовершенствовал ее организацию и функции, придав ей общественный характер. Помещик Лю рассматривал Ассоциацию всеобщего благоденствия как особую форму политической власти — «подпольную» или «закулисную власть», при этом сам выступал в качестве мозгового центра этой «подпольной, закулисной власти», значительно превосходя по влиянию и силе законного главу местного правительства и навязывая ему свою волю.

Законное правительство молчаливо признавало власть Лю Вэньцай. В случае назначения нового начальника уезда Даи и других ближайших уездов тому следовало, прежде всего, явиться в Аньжэнь с докладом к Лю Вэньцаю. Именно там проводилась торжественная церемония вступления в должность с подношением богатых подарков.

Так Лю Вэньцай создал «государство в государстве» на территории Западной Сычуани, формально подконтрольной группировке Чан Кайши. Несмотря на неоднократные приказы центрального правительства (в 1943 и 1947 гг.) уездному правительству Даи о запрете деятельности «клятвенных братьев», чиновники не осмеливались покуситься на Ассоциацию всеобщего благоденствия: хотя на небе не бывает двух солнц, а в стране не бывает двух правителей, в Китае психология людей такова, что местные власти способны молчаливо признавать двоевластие, существующее в реальности. А пото-

му Лю Вэньцай продолжал «жестикулировать руками» местного правительства.

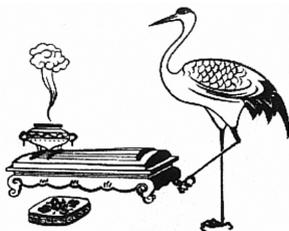
Младший брат помещика, Лю Вэньхуэй, перешел на сторону коммунистов, однако Лю Вэньцай, мироед и тиран, обладавший узким кругозором, уподобился мыши, «глаза которой видят не дальше одного цуня». Он не только не раскаялся, но и стал свирепствовать еще ожесточеннее, расправляясь с коммунистами, нещадно эксплуатируя крестьян, продолжал господствовать в районе уездного центра Дай и вел борьбу с коммунистами.

Примерно так в течение десятилетий пропагандисты описывали личность Лю Вэньцай, его поступки и поведение. Что из описанного — правда, а что — ложь, теперь уже трудно сказать.

Поначалу, как утверждали, он надеялся использовать членов Христианской ассоциации молодежи, созданной Сяо Жулинем (肖汝霖) в городе Дай, для борьбы с коммунистом Чэнь Сяокуем (陈少夔), но когда понял, что ему не удастся взять данную организацию под контроль, перестал поддерживать ее материально.

Через какое-то время он смог обнаружить подпольный склад коммунистов с оружием. Он очистил склад и вывез оружие, что позволило ему в горном районе уезда Баосин разгромить крупную банду во главе с Го Баочжи (郭保之), которую сам же в свое время «взрастил» и содержал. Параллельно Лю Вэньцай стал обдумывать план кровавой расправы с поставщиками оружия для коммунистов.

Информацию насчет «злодеяний» и «узкого кругозора» следует воспринимать осторожно, потому что в разное время официальная печать в Китае по-разному оценивала личность «мироеда», в зависимости от того, в какую сторону требовалось манипулировать сознанием простых граждан.

2.11. Примерный семьянин

Поскольку семья — важнейшая часть жизни любого человека, отвлекаясь на время от политики и приоткрыв завесу тайны относительно личной жизни помещика Лю. Это поможет составить более полный портрет главного героя, добавит новые краски.

Родился Лю Вэньцай в 1887 г. в поселке Аньжэнь уезда Даи в провинции Сычуань. Его второе имя — Син Тин (星廷), и он оказался пятым из шести сыновей в семье.

В старом Китае (имеется в виду период Китайской Республики) в великосветском обществе считалось престижным брать в дом наложниц и «спать среди цветов и среди ив», т.е. проводить ночи в публичных домах. Многие влиятельные и знатные мужчины руководствовались девизом «Потребность в еде и плотских утехах — естественна!» Популярными пословицами того периода стали такие: «Пока есть вокруг тебя цветы, следует ухаживать за ними, пока есть силы», «Лови миг удовольствия, стремись к наслаждению!», «Цени пору цветения!», «Следует сорвать цветущую ветку». Все они являются строками из стихов поэтов эпохи Тан.

Если мужчина не следовал популярному девизу, это казалось ненормальным, противоестественным. «Нормой» считалось наличие в доме 7-9 наложниц. Иметь лишь одну или двух было проявлением дурного тона.

У младшего брата Лю Вэньхуэя имелось всего две жены и две наложницы. Лю Вэньцай, оказавшись среди «сливок общества», не мог не поддаться влиянию окружающих и тоже обзавелся несколькими женщинами.

Супруга Люй

Первая супруга из рода Люй (吕氏), официальная жена Лю Вэньцай, происходила из деревни Саньча (三岔) уезда Даи. Это был канонический брак по договоренности, и девушку ему сосватали простую, работающую. Смолоду она познала немало страданий, занимаясь крестьянским трудом, и супругой оказалась образцовой, подерживая в маленьком гнездышке мужа порядок и чистоту, выполняя все женские обязанности.

В новой семье молодой жене приходилось не сладко, потому что детей там было немало, однако все внимание, все силы отдавались

младшему, Лю Вэнь-хуэю, на которого возлагали большие надежды. Пока он обучался, все в доме питались квашеными овощами да холодными пампушками. На текущие расходы ежемесячно оставалось лишь несколько монет на всю семью — остальные средства уходили на учителей.

Видя, как дружны братья Лю Вэньхуэй и Лю Вэньцай, супруга Люй нередко делилась с учеником, живущим впроголодь, своими скудными накоплениями. Она родила сына и дочь, однако, как заметили в народе, «добрые и достойные не всегда живут долго».

В молодости Лю Вэньцай, говорят, нередко пропадал в игорном доме, однако рождение сына и дочери пробудило в нем чувство ответственности. Он старался больше заниматься коммерцией и реже заходить в злачное место у деревянного моста, а если случалось проезжать мимо этого моста, гнал лошадей во весь опор, чтобы не поддаться соблазну. В такие минуты он вспоминал слова супруги: «У тебя дома — гора золота и гора серебра (дети)! А войдешь в игорный дом — погибнешь!» Со временем Лю и сам постиг эту истину, и здравый смысл возобладал.

Жили молодые счастливо и постепенно стали на глазах подниматься, зарабатывая все больше и больше. Но «непогода может наступить неожиданно», и в семье молодого мужа началась череда горестных событий. Сначала, заразившись какой-то тяжелой болезнью, скончалась супруга из семейства Люй; с ней из дома как будто ушла душа. Не прошло и полгода, как оба ребенка тоже безвременно скончались.

Лю Вэньцаю только-только исполнилось 30, — возраст, в котором мужчине пора стать «основательным и твердым», но из-за горя почва ушла из-под ног. Однако и на этом беды не закончились: через три года, один за другим, ушли в мир иной и отец с матерью.

В течение нескольких лет потерять пятерых самых близких людей — это неспроста! Посоветовавшись со старшим братом по имени Лю Вэньюань, он потратил довольно большую сумму денег и пригласил гадателя-геоманта, специалиста по *фэн-шуй*. Тот в течение нескольких дней старательно и сосредоточенно работал со специальным компасом *ло-пань* и, наконец, выдал результат: на родовом кладбище Лю не хватает деревьев и травы. Следует срочно посадить извилистые деревья и ползучие растения — багрянник китайский — для гарантии будущего процветания, богатства и знатности их рода, для счастья и благополучия. Так и сделали.

Супруга Ян

После трагических событий и обращения к геоманту брат Лю Вэньюань принялся подыскивать Лю Вэньцаю новую жену. На этот раз его выбор остановился на дочери некоего Ян Дэню (杨登友) из той же деревни Саньча, что и покойная супруга. Но есть источники и с другими сведениями: якобы невеста была крестьянкой из крошечного селения Дуншэн (东升) все того же уезда Даи. Звали невесту Ян Чжунхуа (杨仲华), и ей едва исполнилось 17 лет. Узнав, что сватается мужчина, которому уже 33 года, она пыталась воспротивиться, но оказалось, что родители уже приняли от семьи Лю сговорные дары, и деваться ей было некуда.

Через три года после смерти первой жены, в 1917 г., будущий помещик Лю вновь женился и пообещал прожить с Ян Чжунхуа в согласии до седых волос.

Новую супругу нельзя было назвать нежной, слабой и изящной. Характером она обладала волевым, твердым, и в жизни оказалась непреклонной и жесткой, сварливой и грубоватой. Таких в Китае называют «как пламя, как ветер».

Зато двор Лю Вэньцай, пришедший за годы вдовства в запустение, обрел энергичную хозяйку. Войдя в семью Лю, Ян Чжунхуа быстро приспособилась к новой для себя роли жены. Не прошло и нескольких лет, как дом и двор преобразились.

Первоначально молодым не удавалось жить в мире и согласии, поскольку девушка на все имела свою точку зрения, что порой забавляло супруга. Ведь в Китае положено «мужу — петь, а жене — подпевать». Однако позже Лю убедился, что девушка Ян вполне достойная и способная, и к ее мнению можно иногда прислушиваться. Родственников особенно обрадовало то, что в течение двух-трех лет супруга Ян родила двух детей, тоже мальчика и девочку. Сына отец назвал Лю Юаньлун (刘元龙), а дочь — Лю Июнь (刘忆云). В дальнейшем в общей сложности молодая супруга родила четырех сыновей и трех дочерей.

Лю Вэньцай обнаружил, что его жена — не только неутомимая труженица, но и та самая женщина, которая приносит в жизнь мужчины процветание и успех. С тех пор, как она появилась в доме Лю, удача стала ему сопутствовать во всем. Поэтому, получив письмо от младшего брата Лю Вэньхуэя с предложением отправиться в Сюйфу, чтобы помогать тому по работе, Лю Вэньцай почувствовал, что его жизнь должна круто измениться, и что такие перемены связаны с «приносящей удачу» женой.

Любимая наложница Лин Дань

Ночью, после получения предложения от брата, лежа на одной подушке с Ян Чжунхуа, стал советовать: стоит ли ехать, покинув родные места? Та лаконично ответила: «Конечно же, ехать! Почему бы нет? Шестой брат нынче стал крупным чиновником. Последишь за ним — не ошибешься».

Ранее Лю Вэньцай иногда покидал дом, но продолжал работать на земле. А когда его положение в обществе изменилось, поменялись и его отношения с супругой. В 1922 г. он стал чиновником в Сюйфу, оказавшись вдали от дома. Ему уже не приходилось переживать и заботиться о семействе, в том числе и о старшем брате Лю Вэньюане. Уже не приходилось стыдиться за содержимое кошелька, не имея возможности «развлекаться под красными фонарями с зеленым вином». Теперь у него имелся пояс, полный монет (раньше деньги носили связками, спрятанными в поясе, как в кошельке), и он стал постепенно привыкать к образу жизни воротилы и игрока.

Куртизанка Лин

Когда у Лю Вэньцая родилась вторая дочь, в его жизнь ворвалась новая женщина, и ситуация в семье изменилась. Новая фаворитка оказалась девушкой, «подобной пыли, гонимой ветром», т.е. проституткой. На новом месте, в Сюйфу, некий чиновник Цао Жунгуан (曹榮光), один из его приятелей, преподнес Лю Вэньцаю в подарок девушку по имени Лин Цзюньжу (凌君如), образно назвав ее «снарядом из человеческой плоти». Окружающие звали ее просто Лин Дань. О происхождении девушки в разных источниках повторяются одни и те же сведения: родилась она в Сюйфу, в семье нищих, и в возрасте 7–8 лет девочку продали в театр Сычуаньской оперы.

Однако дотошному ученому из Ибиня по имени Дин Чжипин (丁芝萍) удалось провести свое исследование биографии девушки и разыскать ее младшего брата Лин Шоусюня (凌寿勋, или 凌受勋). Согласно его рассказу, сестра родилась в поселке с редким названием Сянби чжэнь («слоновий хобот») уезда Ибинь. Фамилия родного

отца девушки — Чжан (张), и он являлся членом тайного общества «клятвенные братья», как и его товарищ Лин Ючэнь, или Лин Ючэн (凌友臣, 凌有成).

Отец девушки рано скончался, и мать выдала дочь, которой не исполнилось еще и 11 лет, за приятеля мужа, того самого Лин Ючэня, проживавшего в поселке Цзунчан (宗场) уезда Ибинь. Попав в чужой дом, девочка взяла фамилию своего покровителя — Лин.

Состоя в тайном обществе, Лин Ючэнь, известный прохвост, «жил в веселье и радости»: чревоугодничал и пьянствовал, курил и развратничал, увлекался азартными играми и употреблял наркотики — иными словами, обладал «пятью вредными пристрастиями» (五毒俱全). Чем только он не занимался, будучи на побегушках в братстве «Сюйжунлэ» (叙荣乐): и караванами лошадей, и управлял чайными и постоялыми дворами, и театральной труппой заведовал... А главное — лез из кожи вон, чтобы угодить старшóму из тайного общества, а также занимался другими аферами для главы местной мафии — сутенерством, открытием опиекурилен, разбавлением алкоголя для продажи, поиском различных негодяев для преступных группировок, налаживанием связей с нужными людьми, извлекая при этом выгоду и для себя.

Мог ли такой человек достойно распорядиться судьбой прелестной девочки, которая, хоть и годилась в дочери, но не являлась родной кровью и считалась нахлебницей?

Несомненно, такая среда обитания, общение с подобными людьми не могли не оказать влияния на девушку. Через нее «промчались со свистом» и разномастные бандиты, и разбойники, и руководители тайного общества, оставляя немного денег, но главное ее богатство заключалось в уме и сценических талантах, хрупкости и изяществе, белой коже, которую так ценят китайцы, и неподражаемом кокетстве, осиной талии и стройном теле в облегающем *ципао*.

Наставник в Сычуаньской опере обучил сироту всем тонкостям игры, пения, поведения, публичного чтения и акробатики. На сцене девочка играла великолепно, особенно хорошо получалось выступление с меняющимися оперными масками — уникальное искусство «мгновенной смены лиц»⁴⁴.

---

⁴⁴ Сычуаньская опера. Сычуаньской школе театрального искусства более 400 лет. Уникальность ее в том, что она содержит в себе несколько элементов традиционных форм народного театра: пение, диалоги, немного акробатических и боевых сцен и даже выступление кукол-марионеток. Чуть более 300 лет назад в Сычуаньскую оперу включили элемент, ставший впоследствии одной из главных ее особенностей —

Внешне Лин Цзюнь отличалась красотой, стройностью фигуры, кокетством, женственностью и сценическим талантом. В Сюйфу она быстро превратилась в яркую звезду, влиятельную и популярную. Девушка могла бы получить головокружительный взлет, как актриса, но по неписанным правилам она принадлежала Цао Жунгуану, который являлся ее покровителем, и у которого она оставалась приживалкой.

Лю Вэньцай, увидев однажды Лин Цзюнь на пирушке у ее покровителя Цао Жунгуана, сразу оценил эту женскую красоту, будучи настоящим знатоком такого рода «товара»: тонкая, длинная шея, нежная кожа, — настоящая цветущая ветка... Девушка научилась сворачивать папироски, изящно курила, играла в *мацзян*, умела стихами ответить на стихи, достойно поддерживала беседу с гостями; в результате сынки местных богачей, очарованные девушкой, вились вокруг нее, как мотыльки вокруг цветка. Ею восторгались и приезжие из Чунцина знаменитости и богатые командированные.

Цао Жунгуан, получивший должность начальника Управления по сбору налогов в уезде Ибинь, являлся подчиненным Лю Вэньцай и был признателен тому за оказанные милости. Однажды во время пирушки, заметив, что патрону очень понравилась Лин Дань, просто подарил ему девушку.

Когда в 1929 г. помещик Лю встретил Лин Цзюнь, той было около 16 лет, ему — 42 года. «Подарив персик, он получил в благодарность сливу», — не зря облагодетельствовал в свое время Цао Жунгуана.

Так образовалась новая пара любовников, и эта девушка оказалась его первой неофициальной наложницей. Вскоре Лю Вэньцай закатил роскошную «свадебную» вечеринку в самом богатом ресторане города.

Проститутка стала настолько известной, что о ней писали: «Лин Дань поражает умом и знаниями, а ее таланты к пению и танцам можно назвать выдающимися. Кожа ее бела, а фигура стройна.

ярко раскрашенные маски, которые актеры успевают менять в доли секунды незаметно для зрителя.

Маски нарисованы на кусках шелка (дамаст), вырезаны, скреплены шелковой нитью и слегка приклеены к лицу одна поверх другой. Шелковая нить закреплена в неприметной части костюма. Актер отворачивает лицо или просто взмахивает рукой либо плащом и волшебным образом меняет маски одну за другой, и вот уже на зрителя смотрит новый персонаж — и так много раз подряд, к изумлению публики. Трудность в том, чтобы, когда тянешь за нить, не слетели остальные маски.

Хрупкая и стыдливая, нежная и кокетливая, девушка сражает всех мужчин, которым довелось с ней встретиться».

На самом деле вряд ли Лин Дань выделялась умом, но описание ее внешности и женских достоинств — не преувеличение. Неудивительно, что Лю Вэньцай потерял от нее голову на много лет.

Помещик души в ней не чаял: купил для певички дом в Сюйфу, на улице Гуаньинь, и роскошно обустроил жилище. Не зря девушка в свое время в златном месте «луны и ветра» научилась премудростям оболщения и умению угождать. Вначале «старик», увлеченный романтическими отношениями, держал их связь в тайне. Но «нет стен, которые не пропускают ветер», и супруга Ян Чжунхуа узнала правду. С того момента отношения супругов резко ухудшились.

Лю Вэньцай практически каждый вечер сбегал на улицу Гуаньинь, «забыв о своем царстве, подобно царю княжества Шу». Супруга Ян целыми днями сидела дома в печали. Однажды дождливым утром она просто покинула дом Лю Вэньцай, хлопнув дверью. Но даже такие своенравные и твердые женщины, как Ян Чжунхуа, как бы ни мечтали начать новую личную жизнь, не могли оторваться от мужа. Законная супруга Ян уехала в город Чэнду и поселилась там в одном из домов Лю Вэньцай на улице, что позади храма Конфуция.

Лю дважды посылал к ней людей, уговаривая: «Сейчас столько мужчин содержат и жен, и наложниц! Так зачем ты придаешь такое значение пустяковым связям?» Но уговорить супругу Ян оказалось делом невозможным, и тогда Лю сам отправился на встречу с ней. Сколько ни увещевал он Ян Чжунхуа, та не сдавалась, поясняя свою позицию: приводить в дом в качестве наложницы проститутку — позор для их рода, и она, законная супруга, с этим никогда не смирится.

Ян не уступала, но и Лю отказался выгонять куртизанку из дома; ситуация зашла в тупик. Кончилось все тем, что супруга Ян заняла пустое почетное место, т.е. только номинально считалась официальной женой, фактически же главной женщиной в доме Лю Вэньцай стала куртизанка Лин Дань, которая вела себя, как жена.

Проживая в Сюйфу, они казались «неразлучными, как клей и лак», и об этой связи знали в городе даже женщины и дети. Говорят, выходя на прогулку, Лин Дань вела себя своевольно и дерзко. При этом одевалась вызывающе и крикливо, окружив себя большой свитой в виде мамок-нянек, девочек-прислужниц, офицеров, кормилиц, прислуги. Вереница их машин перегораживала дорогу, и простые

жители вынужденно жались к стенам домов, чтобы не получить удар плетью.

Поскольку Лин Дань слыла в Сюйфу известной куртизанкой, у нее в прошлом оставалось много любовников и клиентов, и Лю Вэньцай страшно ревновал ее, боясь потерять: а вдруг она с кем-нибудь из них воссоединится? И он замыслил убить одного из них, некоего Хуан Шэна. Убийство не удалось, но этого оказалось достаточно, чтобы все, кто имел ранее связь с Лин Дань, сбежали из Сюйфу. Любовные отношения подобны театру военных действий!

Лю Вэньцай и в самом деле потерял голову от любви. Отказ от супруги и детей, огромные траты денег на любовницу и даже убийства — лишь одна сторона этой драмы. Существовала еще и Ян Чжунхуа, законная супруга, переполненная гневом. Пока Лю кружился в любовном танце с певичкой, весь клан Лю во главе со старшим братом Лю Вэньюанем сотрясаясь от возмущения, считая свой род опозоренным.

Против Лю Вэньцай ополчилась не только родня, но и высшее общество. Тем не менее, тот оставался непоколебимым: не только обустроил любовницу в своем официальном жилище, но и представил ее, как свою пару, всей старшей родне на родине, и даже табличкам с именами усопших предков. В своей любви он не только «забыл» о происхождении и дурном прошлом певички, но готов был прожить лишь с ней одной до седых волос. Но счастье его оказалось недолгим.

В ходе «войны двух Лю» Лю Вэньцай оказался вынужден вернуться на родину, в Аньжэнь. Его политическая карьера пошла на спад, стали ухудшаться и его отношения с Лин Дань. В конце концов, она всегда оставалась продажной женщиной, и после роскошной жизни в Сюйфу ей вовсе не хотелось переезжать в глушь.

Наложница Лян

Второй наложницей помещика стала двоюродная сестра Лин Дань по имени Лян Хуэйлинь (梁惠琳), или Лян Хуэйлин (梁慧灵). Девушка была толстой, а потому получила и второе имя — Толстушка Лян (梁胖). Они втроем отправились в Аньжэнь, и там Лю Вэньцай провел по всем правилам церемонию женитьбы на новой наложнице. С тех пор, стоило сестрам поссориться, как Толстушка Лян, стараясь уколоть Лин Дань, напоминала, что она — официаль-

ная наложница, в то время как соперница такого статуса не имеет и не удостоилась подобной церемонии.

Той нечего было возразить. Но Лю Вэньцай ценил женщин не по статусу, а по внешности, поэтому нередко игнорировал официальную наложницу Толстушку Лян, отдавая все внимание любимице Лин Дань.

Толстушку в качестве наложницы, или второстепенной жены, выбрал не сам помещик. Ее порекомендовала хитрая Лин Дань, которой не хотелось жить в глуши, поселке Аньжэнь. Она, похоже, заранее предвидела свое бегство, поэтому приготовила себе замену. Проведя там лишь несколько дней, она уже стала горько сожалеть, что согласилась на переезд. Не только отсутствие праздной жизни в бриллиантах и нарядах, но и необходимость содержать большое хозяйство угнетали ее.

Разваливающийся одноэтажный дом, масляные лампы, муравьи и мыши в доме... Хотя она в душе и предполагала, что ее ждет, но действительность оказалась еще хуже. Не выдержав, Лин Дань начала скандалить, требуя переезда в Чэнду.

Но в это время младший брат Лю Вэньхуэй как раз готовился к военному походу и надеялся на помощь Лю Вэньцая, так что тому было не до перемены места жительства. В результате Лин Дань сама выехала в город Жун (сокращенное название Чэнду).

— Ты уезжаешь, а кто же займется многочисленными домашними делами, хозяйством? — спросил перед отъездом супруг.

— Я оставляю все это на Толстушку Лян! — ответила вертихвостка. Ведь именно для этого она и рекомендовала сестру.

Так любовники стали жить отдельно.

И снова — куртизанка Лин

Лин Дань считала, что план удался, что она — в выигрыше. Однако жизнь показала, что куртизанка «подняв камень для удара, себе же и отшибла ногу». Если говорить о материальной стороне, то она устроилась неплохо: стала жить в доме Лю Вэньцая, открыла компанию, которая сдавала в аренду коляски рикшам, да и любовник регулярно отправлял ей некоторую сумму. Но морально пришлось несладко: родственники из клана Лю, проживавшие в Чэнду, пренебрегали ею и не желали общаться. Лю Вэньцай тоже навещал ее не часто — от силы два раза в году.

Зато оказалось немало аристократических молодых людей, у которых глаза загорелись на известную куртизанку. Побаиваясь Лю Вэньцай, они «лишь вздыхали, глядя на прекрасный океан». Лин Дань умирала от скуки. Единственной ее компаньонкой оказалась местная содержательница одного из публичных домов, которая нередко проводила с ней досуг.

Лин Дань давно утратила способность дарить потомство, а потому не могла претендовать на долю огромного наследства своего покровителя, и решила последовать совету единственной подруги: привязала к животу несколько слоев ваты, притворившись беременной. А сама тем временем стала подыскивать младенца для покупки. Одновременно заранее подкупила врача, который подтвердил бы в нужный момент факт приема родов.

Лин Дань казалось, что она все продумала, и что ее план безупречен.

Но, как говорят в народе, «и у стен есть уши». Когда до помещика донесли весть о «подготовке к родам» неофициальной наложницы, он пришел в бешенство, ведь такой обман — не только позор для всего клана, но и удар по репутации: Лю Вэньцай верил, что «человек умирает, а слава о нем остается; тигр умирает, но остается его шкура». Однако решил притвориться и досмотреть до конца эту комедию.

У Лин Дань тем временем аппетит разгорался: почему, собственно, она должна «родить» лишь одного младенца? Так она не сможет состязаться в количестве наследства с законной супругой Ян Чжунхуа! Поэтому вскоре после первых «родов» Лин Дань, появляясь в обществе, вновь гордо выпячивала огромный живот, и через положенный срок Лю Вэньцай получил «приятную» весточку о том, что певичка «родила» тройню, трех мальчиков! Вместе с первым ребенком у нее уже четверо детей!

Вступив в «схватку» с супругой Ян за количество рожденных младенцев, Лин Дань проиграла. Ни один ребенок не походил ни на мать, ни на отца, да и «близнецы» разительно отличались друг от друга. Корреспонденты бульварных газет не могли обойти вниманием такое фантастическое событие, и не только расписали лживую историю про «роды» в красках и деталях, но и разместили множество рисунков и карикатур.

Родственники и знакомые клана Лю подняли на смех опозоренную Лин Дань: задумано хитро, да вышло глупо! Больше всех сердился, конечно же, Лю Вэньцай.

И все-таки он оказался однолюбом и порядочным мужчиной, несмотря на злые сплетни о нем уже после его кончины. Опасаясь, что его бывшая любимица будет и дальше подвергаться насмешкам, позоря и его имя, он велел ей немедленно вернуться в деревенскую усадьбу в Аньжэнь.

На самом деле «воссоединились» они формально, потому что помещик лишь спас ее репутацию. Теперь он видел ее насквозь, и прежние пылкие чувства улетучились, подобно облакам, разогнанным ветром. Она нужна была ему теперь лишь для ведения хозяйства. Но не к такой жизни привыкла Лин Дань. В результате обе сестрицы пристрастились к курению опиума и вконец обленились.

За пределами дома Лю Вэньцай слыл уважаемым человеком, выезжал с пышной свитой, но в собственном доме чувствовал себя, как в леднике: никому из женщин он не был интересен, никто о нем не заботился. Чувствуя себя одиноким и обездоленным, стал задумываться о новой женитьбе. Так в его жизни появилась третья наложница и пятая женщина в доме.

Наложница Ван

Именно эта второстепенная жена, или наложница, Ван Юйцин (王玉清) наиболее известна в Китае по сей день. После моря страстей и безумной любви Лю Вэньцай решил подойти к выбору наложницы с холодной головой, как к подбору секретаря для работы, поэтому особо подчеркнул свахе, что ему нужна простая женщина из ближайшей деревни. Городские дамочки — пустые и ненасытные!

Позднее один из сыновей Лю Вэньцай так описывал наложницу Ван: «Деревенская девушка заурядной внешности, скромная и естественная. Про таких в Китае говорят „глиняная голова и глиняные мозги“, т.е. туповатая деревенщина. Однако ее необразованность, диалект, местный говор успокаивали Лю Вэньцай и даже утешали».

Лю, в свою очередь, старался относиться к новой наложнице по-доброму, был с ней щедр, да и семью девушки облагодетельствовал. Помещик подарил родителям девушки 100 му заливных полей, а вместо лачуги из тростника отстроил огромный дом под черепичной крышей в китайском традиционном стиле *сыхьюань*. Крестьяне-соседи сразу же окрестили дом площадью в 1000 квадратных метров «княжеской резиденцией». Оказавшись самым крупным помещиком в округе, Ван никак не мог прийти в себя от неожиданности. К сожалению, все дары не пошли впрок: человек располагает, а Небо решает.

Не прошло и четырех месяцев, как скончались один за другим отец наложницы и два ее младших брата. Осталась лишь мать-вдова с двумя детьми.

В барской усадьбе уезда Даи, ставшей музеем, до сих пор хранятся и выставлены в качестве экспонатов семь роскошных гробов, изготовленных еще при жизни Лю Вэньцай⁴⁵. Они покрыты красным лаком и расписаны золотыми узорами. Сверху накрыты красным шелком. Один из них, согласно указаниям Лю, принадлежал наложнице Ван. Из всех жен и наложниц такой чести и заботы удостоилась лишь младшая, последняя женщина Лю Вэньцай. И это свидетельствует о его особом отношении к ней. Как похоронят остальных — его мало заботило.

1. Женитьба

24-е число четвертого месяца 1937 г. стало счастливой датой для семей Лю и Ван. 52-летний Лю Вэньцай взял в жены девушку, которой едва исполнилось 25. Ее несли в маленьком паланкине, украшенном красной кисеей и цветами, по направлению к селению Ваньянь (万延村), свадебный паланкин сопровождали музыканты: пронзительно звучала *сона*, оглушительно гремели барабаны. Процессия подошла к главным воротам роскошной усадьбы семейства Лю, и супруг Лю Вэньцай, облаченный в дорогой халат, помог ей сойти. Невеста напоминала яркий цветок.

Ван стала пятой женщиной в доме, а потому супруг Лю не считал нужным широко афишировать данное событие. Поначалу пожилой супруг во всем потакал молодой жене, «драгоценной жемчужине», которая стала его любимицей. Он задаривал наложницу Ван шелками и украшениями, а если ему приходилось уезжать из дома по делам, всегда брал ее с собой.

На какой бы церемонии ни появлялся Лю Вэньцай, позади него всегда стояла Ван Юйцин, напомаженная, сверкающая золотом и серебром, на высоких каблуках, в красном платье *ципао* и дорогой шубке, накинутой на плечи.

---

⁴⁵ В Китае издавна принято заранее изготавливать прочные и красивые гробы из дорогих пород дерева. Если гроб отцу на 50-летие дарил сын, это считалось особенно ценным подарком, проявлением заботы об отце. Ежегодно гроб выносили на улицу и покрывали очередным слоем лака: чем дольше проживет отец, и чем больше слоев лака покроют гроб, тем прочнее он станет. В обычные же дни красивое изделие помещали в главной комнате, демонстрируя гостям.

Во время «культурной революции» о помещике Лю распускали слухи, что он живет распутно, а его «маленькая супруга Ван» не ест свинину и баранину, предпочитая утятину. Причем, в утку выбирает лишь нежнейшие перепонки на лапках. Ван Юйцин лишь улыбалась, слыша подобное: она родилась в бедной семье, и нужда была ей привычна.

Наоборот, если она видела в доме, как другие, съев утку, выбирали лапки, расстраивалась из-за такой расточительности, подбирала и доедала. Да и вообще, есть ли на свете люди, способные отказаться от мяса птицы ради лапок? — удивлялась она.

Была ли наложница счастлива эти 13 лет, проведя их с богатым помещиком до революции, до «освобождения»? Неоднократно пройдя «боевое крещение», пережив многочисленные политические волнения, Ван Юйцин осталась «косной» и упрямой: конечно же, она была счастлива с «помещиком-мироедом», живя, как «червь-паразит»; ведь стоило ей протянуть руку, как она получала одежду, достаточно было открыть рот, как получала еду, как говорят в народе. И давно прошедшие годы теперь казались ей сказкой.

Самым сложным в семье Лю оказались отношения между женой и наложницами. Старшая из пяти, урожденная Люй, еще в 20-х годах заболела и скончалась. Вторая супруга, Ян Чжунхуа, родила Лю Вэньцаю четырех сыновей и трех дочерей. По этой причине ее «заслуги перед семьей Лю» считались высокими, положение — завидным, авторитет — непререкаемым, и жила она в главном доме на правах старшей.

Третья наложница, Лин Цзюньжу, и четвертая, Лян Хуэйлинь, приходились друг другу двоюродными сестрами и были родом из города Сюйфу. Обворожительные и прелестные, они казались настоящими горожанками, выросшими в достатке, — не чета деревенской Ван Юйцин. Между последними тремя витал дух ревности, и женщины постоянно строили друг другу козни.

Главная супруга Ян, чтобы не сталкиваться с постылыми соперницами, переехала жить в город Чэнду, поселившись в резиденции Лю Вэньцая на улице позади храма Конфуция. Ей оказалось проще вести образ жизни «старухи», чем мириться с остальными женщинами в доме. Сестры Лин и Лян, понимая друг друга без слов, жили то в основной усадьбе, занимаясь хозяйством, то вели праздный образ жизни в городе Ибинь.

«Деревенщина» низкого происхождения Ван Юйцин оказалась в сложной обстановке: и родня Лю Вэньцая невзлюбила ее, и стар-

шие жены всячески оскорбляли и притесняли. К счастью, девушка от рождения оказалась смышленной, находчивой, гибкой, понимала, что к чему, да и по характеру слыла доброй и милой. Она не боролась с «окружающим миром», во всем следовала супругу, старалась быть с ним единым целым. Лю Вэньцай просто обожал ее, и положение женщины в семье становилось все более прочным.

Ван Юйцин, к сожалению, за всю жизнь так ни разу и не забеременела. Поговаривали, что виноваты в том старшие наложницы, которые в самом начале замужества отвезли ее в большой город Чэнду якобы, чтобы развлечься, и при этом завели ее в иностранную аптеку, где обманным путем напоили «заморским снадобьем». Что это было за лекарство — неведомо.

Еще существует версия, что во всем виновата Лин Цзюнь; она не могла иметь детей — слишком много времени провела в публичном доме, поэтому завидовала женщинам, имеющим потомство. По этой причине не хотела, чтобы пятая наложница подарила Лю Вэньцаю ребенка. Ей легко удалось провести простодушную, чистую душой и наивную Ван Юйцин, подлив ей в питье какие-то снадобья, после которых бедняжка уже никогда не могла забеременеть.

Последняя женитьба на закате жизни не могла не вызвать ярости у трех предыдущих женщин. Они открыто объявили войну новой супруге, тем более что Лю особенно сблизился со скромной крестьянкой, душевно привязался к ней, и семейная жизнь помещика оказалась еще более нестабильной.

Три женщины подсиживали друг друга, ненавидели и старались навредить одна другой, будучи несовместимыми, как пламя и вода. В результате в резиденции помещика не было ни минуты тишины, «не было покоя ни курам, ни собакам». В этой войне наложница Ван, «недавно вышедшая из камышовой хижины», являясь главной мишенью и объектом всеобщей ненависти, оставалась уверенной в себе, ни на что не реагировала, потому что чувствовала поддержку со стороны супруга.

В свою очередь и помещик видел в молодой женщине настоящую спутницу жизни, свою опору, с которой ему не страшна старость и не грозит одиночество. С остальными женами он перестал церемониться. Однажды утром собрал их в одной комнате и объявил: «Хватит бездельничать. Отныне я каждой из вас буду выдавать по 20 юаней в месяц на карманные расходы. Если этого достаточно — хорошо, если мало — сами разводите свиней, кур и зарабатывайте деньги. Хватит сорить моим добром, разъезжая, куда вздумается!»

Через какое-то время Толстушка Лян заявила, что желает развестись, и супруг не возразил. Он велел ей подписать письмо о разводе, и та уехала, прихватив свои пожитки в семи сундуках.

Правда, через три года, помывавшись, она сделала попытку вернуться и написала письмо официальной жене Ян Чжунхуа. Но Лю Вэньцай не согласился принять бывшую обратно. Дальнейшая судьба Толстушки неизвестна.

Вскоре после нее из дома ушла и Лин Дань, сославшись на болезнь матери. Эту наложницу Лю Вэньцай пытался вернуть, даже отправил ей несколько писем. Ведь она на протяжении многих лет была его настоящей любовью и страстью. Но — тщетно. Обе городские наложницы оказались «ползучими растениями без ствола», способными жить лишь за счет кого-то другого.

Лю Вэньцай остался с единственной наложницей Ван, а в последние годы воспитывал и приемную дочь, младшую сестру наложницы, попавшую к нему в дом из семьи Ван Юйцин.

2. Потеря супруга

В 1947 г. Лю Вэньцаю исполнилось 60 лет — не так уж много. Но здоровье оказалось подорванным. Китайцы говорят, «если Небо хочет тебя погубить, оно сначала лишает тебя разума». Утверждают, что Лю Вэньцай погряз в блуде; безостановочная неводержанность привела к тому, что женщины опустошили его: отекавшее лицо, мешки под глазами. Некогда белое лицо пожелтело, а сам он напоминал высохшее дерево. А самое страшное — в 1948 г. началось кровохарканье.

Однажды в феврале 1948 г., когда он возвращался домой, вдруг почувствовал сильную боль в груди. Едва переступил порог дома, как из горла хлынула кровь. Он быстро слабел и, не в силах вести привычный образ жизни, свалился в постель. Кровавая рвота повторялась несколько раз.

Европейские врачи поставили диагноз: туберкулез легких. Однако Лю этим специалистам не доверял и отказался лечь в больницу. Позволил навещать его дома лишь китайскому доктору — прослушивать пульс и выписывать рецепты. Во время болезни Ван Юйцин терпеливо ухаживала за супругом, понимая его без слов и вникая во все тонкости его лечения.

В марте 1949 г., одновременно с внутрисполитическими событиями в стране, связанными с гражданской войной, его болезнь обост-

рилась. «Лежа в постели, мой старик неоднократно повторял одно и то же: его больше всего заботит моя судьба после его кончины, — вспоминала в старости наложница Ван в одном из интервью, — и наши слезы смешивались в единый ручеек». Когда старушка воспроизводила подобные детали, ее глаза становились красными.

Вскоре помещик признал, что в Аньжэни ему помочь не смогут и решил отправиться в центральный город провинции, захватив наложницу Ван, повара и нескольких слуг. Несли его в паланкине.

В Чэнду огромная усадьба с несколькими двориками, построенная помещиком на улице позади Храма Конфуция, позволяла разместиться большому семейству. Хватало места и для теннисного корта, и для гаража, и для двухэтажного здания по западному образцу, расположенному в самом конце усадьбы, в роскошном саду.

От гостиной протянулись флигели, западный и восточный. Один из них принадлежал официальной супруге Ян Чжунхуа, которая жила там с тех пор, как рассталась с загулявшим Лю, а в другом проживали две дочери Лю Вэньцая от супруги Ян.

В особняке, напоминавшем западные строения, на втором этаже жил учитель, а на первом располагались классы для внуков Лю Вэньцая. Когда он прибыл в свою усадьбу, то занял первый этаж дома, поселив через стену наложницу Ван. Помещик Лю по-прежнему не доверял иностранной медицине, поэтому навещал его лишь китайский доктор, и состояние больного все ухудшалось.

С супругой Ян он вообще не пересекался, у детей и внуков шла своя жизнь, они лишь изредка проводывали больного. Родственникам явно не было дела до него. Так что единственным человеком, кто заботился о Лю, оказалась наложница Ван. Лю Вэньцай очень горевал от такого безразличия и часто плакал.

«Однажды, 17 октября 1949 года, ветви двух деревьев во дворе резиденции Лю густо облепили крупные вороны и стали громко галдеть, — рассказывала корреспонденту Ван Юйцин, — это было недобрым знаком, и вскоре болезнь хозяина перешла в необратимую стадию. Повар, как всегда, принес на завтрак жидкий рисовый отвар с солеными овощами, но хозяин даже не притронулся к еде. Он понял, что лечение не приносит никаких результатов и принял решение вернуться в родной дом в Аньжэни. После такого решения он стал абсолютно спокойным».

Члены семьи спешно приготовили два легковых автомобиля и один джип со спальными местами. Официальная жена Ян Чжунхуа и последняя наложница Ван Юйцин тоже приготовились покинуть

Чэнду, чтобы сопровождать Лю Вэньцай. Перед отъездом помещик пригласил каллиграфа и составил завещание, понимая, что дни его сочтены; большую часть наследства он оставлял последней наложнице Ван.

Лю Вэньцай пожелтел и настолько исхудал, что при его росте в 189 см даже маленькая наложница Ван легко поднимала его на руки. Она осторожно уложила больного на подушки в автомобиле, и процессия тронулась медленным ходом. Не успели доехать до моста Цуцяо, что в 20 *ли* от Чэнду, как хозяину стало настолько худо, что он уже даже говорить не мог, а потом и вовсе потерял сознание. Как ни звали, он не отзывался.

Пришлось сопровождающим «действовать в двух направлениях», как в военных условиях: жена Ян Чжунхуа вместе с Лю Чжэтоу вернулись со страдальцем в город за помощью, а наложница Ван Юйцин, пересев в другую машину, поехала в Аньжэнь, чтобы приготовить гроб, одежду и головной убор для супруга. В тот же день, 17 числа 10-го лунного месяца, в полдень Лю Вэньцай скончался в Чэнду, не успев вернуться в родные места. Исполнилось ему 62 года.

Шел 1949 год, а через десять лет захоронение рода Лю оказалось разрытым, и куда делись останки — неизвестно.

Наложница Ван и супруга Ян

Сразу после смерти Лю Вэньцай Чэнду был освобожден. В стране победили коммунисты, и 1 октября 1949 г. они провозгласили образование КНР. Ситуация с наследством, имуществом помещика, сложилась непонятно. Резиденции в Чэнду и на родине оказались разграбленными, и наложница Ван осталась в городе, поселившись в храме Цыхуэй, «Любовь и доброта», где зарабатывала на жизнь изготовлением матерчатой обуви, пахучего соевого творога и засолкой овощей. Так прошло пять лет.

Поскольку наложница Ван была намного младше супруга, то все окружающие считали, что она состояла в типичном браке по принуждению, а потому сочувствовали ей и относились лояльно.

У официальной супруги Ян судьба оказалась самой незавидной. В начале 1930-х годов она покинула мужа из-за его связи с куртизанкой и переехала в Чэнду. С тех пор они виделись крайне редко, — муж иногда приезжал в столицу на два-три дня. А когда в его жизни появилась наложница Ван Юйцин, отношения между супругами еще больше разладились.

Лишь однажды они прожили рядом целый месяц, когда японцы начали бомбить Чэнду, и Ян Чжунхуа была вынуждена покинуть столицу Сычуани и спрятаться на время у супруга. Он любезно принес в ее комнату принадлежности для опиума и часто подолгу курил с ней, всячески проявляя уважение, как к главной жене. На самом же деле Лю Вэньцай с трудом терпел ее присутствие и часто жаловался за ее спиной: «Не могу дождаться, когда же она уедет!» Впрочем, совместное проживание стало мучением для них обоих.

После смерти мужа Ян Чжунхуа пришлось самостоятельно нести бремя по содержанию резиденции в Чэнду, как говорят, «ловить воров и вытаскивать мышей из нор», т.е. мобилизовать все силы и средства. Трудно было справиться с таким количеством трат и налогов. Когда об этом узнал Лю Вэньхуэй, находившийся в городе Чунцин, он взял на себя оставшиеся траты, только тогда вдова вздохнула с облегчением.

Бедолага Ян Чжунхуа... Досталось официальной жене помещика в жизни немало. Здоровье оказалось подорванным многочисленными родами, приходилось самой растить детей, да еще певичка Лин Дань попортила ей нервы так, что, казалось, все болезни навалились разом.

В то время курение опиума чрезвычайно распространилось в народе, и бытовало мнение, что им можно лечиться. Вот супруга Ян и «долечилась» до того, что стала зависимой.

В 1937 г. у третьего сына супругов Ян и Лю выявили серьезное заболевание ушей, и мать приняла решение отказаться от наркотика. Повезла сына в Шанхай в поисках хорошего доктора, но, к сожалению, лечение результатов не принесло. А тут еще в стране произошел ряд политических событий, — инцидент 7 июля на мосту Лугоуцяо⁴⁶ и второе Шанхайское сражение с японцами 13 августа 1937 г. Мать с сыном оказались «закрытыми» в Шанхае на два месяца. Они были испуганы, измучены и не знали, как вернуться домой.

После всего пережитого супруга Ян полностью погрузилась в болезни, серьезные и мелкие. Закончилось все тем, что после освобождения Китая она попала в дом призрения, где проживала в небольшом флигеле. Ежедневно, прихрамывая на маленьких бинтованных ступнях, она навещала подруг, преодолевая несколько улочек. У тех

---

⁴⁶ Инцидент 7 июля на мосту Лугоуцяо — стычка между солдатами японской армии в Китае и ротой китайских войск, охранявших мост, произошла 7 июля 1937 г. Инцидент послужил японцам формальным поводом для начала второй японо-китайской войны.

образовался своеобразный кружок, где они занимались шитьем и штопкой на заказ, брались за любую мелкую работу, чтобы хоть немного заработать на жизнь. Напрасно она воспитывала сыновей и дочерей — никто из них не стал для нее опорой в старости.

Четвертый сын супругов Ян и Лю служил в армии, оказался в Тибете, и супруга Ян Чжунхуа пользовалась уважением и почестями, как мать солдата. Она гордилась этим. Но в 1953 г. женщина слегла от сердечной болезни, врачи помочь не смогли, и вскоре ее сердце остановилось. Прожила она всего 53 года.

Последней наложнице тоже пришлось хлебнуть немало испытаний, потому что прежней, вольготной жизни с богатым помещиком вскоре пришел конец. В 1955 г. бывшую наложницу Ван Юйцин взял в жены пожилой человек по имени Цзян Вэньшань (姜文山), политический деятель, который в свое время вместе с Чан Кайши участвовал в революции. Ван Юйцин в ту пору исполнилось 40 лет, а ее супругу — 60 с лишним. Хотя любви между ними не существовало, однако Цзян Вэньшань, благодаря своему положению в обществе, мог защитить жену от нападков. К сожалению, в 1964 г. и второй супруг «вернулся к желтым источникам».

В результате политического движения «четырёх великих чисток» (大四清), которое развернулось в конце 1962 г. и подразумевало чистки в политике, экономике, организации и идеологии, жизнь бывшей наложницы тоже изменилась. Потому что «четырем великим» предшествовали «четыре чистки» в деревне, которые касались имущества жителей, складских и амбарных запасов, а также трудодней в сельхозкооперативах. Ван Юйцин как супругу крупного помещика, «ускользнувшую от карающей руки закона», отправили в местность, где она родилась, — коммуну Цайчан, и там ее поселили с «образованной молодежью».

Бывшая второстепенная жена землевладельца ежедневно выходила на работу и подметала куриный помет, убирала коровий навоз, выполняла другую неквалифицированную работу. В результате за год ей начисляли до 30 юаней. В свободное время занималась рукоделием, вышивала для крестьян, изготавливала матерчатые тапочки, чтобы хоть немного улучшить условия своего существования.

Ко времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва Ван уже состарилась и перешла в разряд членов кооператива, нуждающихся в «пяти видах обеспечения»: питанием, одеждой, топливом, воспитанием и погребением. Ей стали ежегодно выдавать по 6 *цзиней* сурепного масла, 400 *цзиней* провизии и 400 юаней деньгами.

Несколько позже Ван обратилась в правительство с просьбой позволить ей переехать в поселок Аньжэнь, чтобы стало легче обращаться к уездному врачу. В виде исключения такое разрешение она получила и стала проживать на территории кооператива по изготовлению матерчатой обуви. При этом она получала небольшие пособия от правительства волостного центра, от городской мэрии и от музея клана Лю, разместившегося в бывшей усадьбе Лю Вэньцая.

Пережив несколько десятилетий политической борьбы, Ван Юйцин научилась «правильно» отвечать на вопросы любопытствующих. Когда в марте 1999 г. корреспондент впервые посетил бабушку Ван, она, будучи глуховатой, громко говорила о себе заученные слова: «Я — паразит и тунеядец, я — Ван, которая грелась в лучах чужой славы, я пользуюсь счастьем, которое мне дали уважаемый Дэн Сяопин, партия и правительство!»

Когда корреспондент приехал повторно, бабушка Ван, приспособившись к новым экономическим условиям, уже требовала плату с желающих сфотографироваться с ней. А если представители местных предприятий обращались к ней с просьбой принять участие в рекламе, бабушка начинала торговаться, набивая себе цену.

В последние годы жизни она питалась лишь вегетарианской пищей и молилась Будде. Когда настроение было хорошим, играла в карты с такими же соседками-старушками.

В последнее время многие китайцы проявляют интерес к двум знаменитым женщинам недавнего прошлого: супруге Чан Кайши и наложнице Лю Вэньцая — Ван Юйцин. В 60–70-х годах прошлого столетия простые люди взахлеб пересказывали всевозможные глупости о двух знаменитых женах. О супруге генералиссимуса Чан Кайши, красавице Сун Мэйлин, говорили, что та ежедневно принимала молочную ванну, а о наложнице Лю Вэньцая фантазировали, будто повара ежедневно забивать по 30 уток, чтобы приготовить любимице яство: утиные лапки томили на медленном огне в женском молоке. А по утрам она якобы ела суп из ласточкиных гнезд.

Месяцев за шесть до кончины второстепенной жены «из пятых покоев» со старушкой Ван Юйцин и ее помощницей успел пообщаться корреспондент информационной сети «Сычуань». За ней ухаживала женщина по фамилии Чжан, которая рассказала, что бывшая наложница ежедневно, утром и вечером, возжигала по две палочки благовоний. Наложница Ван при этом поясняла: «Я скучаю по супругу! Для моего старика и возжигаю ладан», — и в глазах Ван мелькали нежность и смущение.

Лю Вэньцай умер от болезни более полувека назад, и все эти годы Ван Юйцин тоскует по нему, как будто ее чувства к супругу «выгравированы на костях и запечатлены в сердце». Моля о благословении Небес, наложница помнит каждый год, проведенный с супругом, все радости и все беды, разделенные с ним. Так вели себя практически все обычные жены в Китае во времена феодализма.

Не удивительно, что после смерти исследователи писали о Ван: «Она оказалась последней «пятой наложницей» в Китае, и даже после того, как был заколочен гроб, наложница Ван ею же и осталась навсегда, — женщина с трагической судьбой». В последний путь ее провожали соседи по улице.

Скончалась наложница Ван в октябре 2003 г. в возрасте 92 лет. По-китайски «скончалась» звучит очень образно и поэтично: «разжала руки и покинула круг людей». Произошло это в приземистой хижине, недалеко от плотины под названием Свиной рынок, в поселке Аньжэнь уезда Даи, относящегося к городу Чэнду. Городская мэрия Аньжэня взяла на себя все хлопоты по захоронению, причем, перевезла ее прах в Цайчан — местечко, где та родилась.

В жизни все переменчиво

Чем же закончила свое порхание по жизни знаменитая куртизанка? Третья второстепенная жена Лин Цзюнь в своей жизни неоднократно переживала взлеты и падения. Судьбу ее можно назвать необычной и печальной.

После расставания с помещиком Лю его наложница-куртизанка Лин Дань в течение нескольких лет была неразлучна с одним из артистов по имени Ван Гожэнь (王国仁). Вместе любовники промотали все состояние девушки, и на этом их пути-дорожки разошлись.

Заняться прежним ремеслом куртизанка уже не могла — считалась староватой, однако и мезальянс допустить она не хотела, выйдя замуж за какого-либо простолюдина, поскольку считала себя «великосветской дамой».

Пережив тревожное время после расставания с помещиком, Лин Дань не раз вспоминала о счастливых днях роскоши «с богатой одеждой и изысканной пищей» и была полна решимости вновь «взобраться на прежнюю высоту». Ей казалось, что Лю Вэньцай, взяв ее однажды в свою семью, не сможет отвергнуть ее окончательно, тем

более — после стольких лет безумных страстей. Теперь, когда она «опомнилась и все осознала», не может быть, чтобы в его доме «не оказалось циновки для нее⁴⁷».

Однако помещику Лю Вэньцяо было уже не до страстей. Он наслаждался спокойной жизнью с последней наложницей Ван, которая нежно заботилась о нем и в здравии, и в болезни.

Былая роскошная жизнь осталась позади, близился 1949 год, — победа и установление власти коммунистов. Лин Цзюньжу еще не исполнилось и 30 лет. Она решила вернуться в Цзунчан, где когда-то жила в семье первого «супруга» Лин Ючэня, и там обнаружила, что ее полуотчим-полусупруг уже состарился. Тем не менее, продолжал заниматься непотребными делами, и через несколько месяцев его расстреляли за какое-то преступление. Хижину конфисковали, и вся семья превратилась в бездомных.

Распродав имеющиеся украшения и «проев» их, Лин Цзюньжу стала скитаться с младшим братом. В западном пригороде Ибиня, недалеко от железнодорожной станции у подножья горы Цуйпиншань, в районе трущоб, проживала старшая сестра ее двоюродного дяди. Лин Цзюньжу тоже соорудила там шалаш, чтобы можно было передохнуть днем.

Постепенно она познакомилась с лодочниками, грузчиками и коныхами на пристани, и мало-помалу вернулась к старой профессии проститутки. Иногда заработанных денег едва хватало на плоску лапши. Женщина резко состарилась, и уже никто не узнавал в ней «красавицу из башни богатого дома, которая из окна любовалась пейзажем».

22 октября 1958 г. партком и народный комитет уезда Даи потребовал от жителей в текущем году сдать для музея все, имеющее отношение к помещику из Аньжэни: печати, фотографии, остатки имущества, рукописи и пр. Музейные работники прибыли в Ибинь, где разыскали Лин Цзюньжу в надежде, что та расскажет им о «вопиющих преступлениях», оскорблениях и тирании Лю Вэньцяо по отношению к ней. Лин Цзюньжу сидела, как деревянная, безжизненно застыв. Потухший взгляд, нечесанные волосы с коростой, — такой они увидели бывшую красавицу, и за день им не удалось добиться от нее ни слова. Было даже непонятно, в своем ли она уме. Так ни с чем и вернулись.

---

⁴⁷ Раньше на циновках спали и сидели за столом, поэтому в данном случае обычно говорится о «маленьком пространстве», о «нише» в доме для одного человека.

Соседка ее матери по имени Чжоу Шаоин (周少英), давая показания представителям местных властей в мае 1976 г., вспомнила, что после создания КНР видела Лин Дань лишь однажды, в 1961 г., на Северной улочке у Каменного моста (青石桥北街) в городе Чэнду. Выглядела та очень постаревшей, лет на 60; на ней были рваные соломенная шляпа и синяя одежда. Лин Дань жила тем, что просила подавание и продавала какую-то рухлядь. Иногда она вместе с некой четвертой сестрицей Чэнь продавала сладости и паровые пирожки по 5 цзяо за штуку.

В 1961 г. бывшая любовница помещика привезла на продажу какой-то товар в селение Хэнцзян (横江镇), и тут с ней случился непонятный приступ: она упала, и начались конвульсии с дрожью. Брат взвалил ее на спину и привез на автобусе в Ибинь. Едва он вынес сестру из автобуса, как та скончалась. Он был настолько беден, что не смог купить даже циновку за 5 фэней, чтобы завернуть покойницу. Пришлось и дальше нести мертвую сестру на спине к дальней родственнице, сестре двоюродного брата. Там он оставил труп у дверей и ушел, не оглядываясь.

Говорят, тетушка, выйдя из дома на следующее утро, наткнулась на тело и закричала: «Ой, кто это? Угораздило же умереть у моей двери! Ладно, сделаю доброе дело, предам тело земле, пусть упокоится...»

Она, конечно, узнала племянницу, но не хотела признавать это перед соседями, — пусть думают, что она хоронит кого-то чужого из жалости и по доброте. Купила специальную циновку, завернула тело. Тетушка состарилась, сил осталось совсем мало, поэтому оттащила покойную лишь на несколько десятков метров от входа в дом и закопала неглубоко.

В жизни все переменчиво!

Первая жена Лю Вэньцая скончалась, следующих официальную жену Ян и трех наложниц Лин, Лян и Ван нельзя назвать счастливыми именно потому, что они связали свою судьбу со знаменитым помещиком. Создай они обычную семью с классическим распределением ролей, когда «мужчина пашет, а женщина занимается ткачеством», возможно, и прожили бы парочкой до седых волос...

Безграмотный крестьянин, ставший неожиданно нуворишем, Лю Вэньцай не был человеком высокой морали: он «спал среди цветов и ночевал в ивах», как изысканно выражаются китайцы, вел разгульный образ жизни. Влез в политику, ввязался в войну, но, по большо-

му счету, это не была его стезя; пытаясь помочь любимому младшему брату, крестьянин Лю «взобрался на дерево в поисках рыбы», понапрасну растратив жизнь.

Глава III.

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ ИСТОРИЯ

3.1. Родственники и потомки

Сыновья

Четырех сыновей и трех дочерей родила Лю Вэньцаю лишь его законная супруга Ян. Старший сын Лю Юаньлун и старшая дочь Лю Июнь родились в Аньжэни. После переезда семьи в Сюйфу супруга Ян Чжунхуа родила еще трех сыновей и двух дочерей. Второй и третий сыновья получили имена, соответственно, Лю Юаньхуа (刘元华) и Лю Юаньфу (刘元富). Четвертый сын — Лю Юаньгуй (刘元贵). Вторая дочь — Лю Ваньлань (刘婉兰), третья дочь — Лю Ваньхуэй (刘婉蕙). Если соединить имена сыновей (龙, 华, 富, 贵), то получится традиционное благопожелание, которое можно перевести как «богатство и знатность», «довольство и счастье». При этом первый иероглиф *лун* означает «дракон» (символ знатного мужа), и в трафаретном пожелании его нередко заменяют на иероглиф *жун* (荣), звучащий похоже, который переводится как «слава», «известность», «преуспевающий».

Старший сын Лю Юаньлун, на которого отец возлагал большие надежды, прожил лишь 31 год (1921–1952). Не получив образования, Лю Вэньцай, тем не менее, понимал важность обучения, и после переезда семьи в Сюйфу нанял сыну частных учителей и велел управляющему Сюэ Чоуцзю (薛畴九) следить за учебой сына. Позже, когда Лю Вэньцай вернулся в Аньжэнь, он отправил Лю Юаньлуна на учебу в Чэнду.

Отец надеялся, что тот «станет драконом», т.е. добьется больших достижений в жизни, потому и имя дал сыну «лун» — «дракон».

Однако старший, вопреки ожиданиям, превратился не в «дракона», а в «червя». В семнадцатилетнем возрасте молодой барчук вернулся в Аньжэнь из столицы лишь с двумя «трофеями»: трубкой для курения опиума и пристрастием к азартным играм.

У отца сердце кровью обливалось, когда он наблюдал свернувшегося «калачиком» сына, который целыми днями лежал на специальной кушетке для курения опиума. В отчаянии он обратился за советом к младшему, «шестому» брату, пожаловавшись, что старший сын, похоже, безнадежен. Лю Вэньхуэй, глубоко сочувствуя, предложил помощь. Он дал племяннику должность интенданта, при которой тому не приходилось особо утруждаться, — лишь присутствовать на совещаниях и получать зарплату.

Однако Лю Юаньлун, пробыв в армии лишь короткое время, не выдержал; ему стало лень ходить на строевую подготовку каждое утро, — не мог заставить себя подняться с кровати. Вечерами, после сигнала трубача о выключении света («отбой»), парень тайком убежал из казармы и направлялся в публичный дом, где развлекался с женщинами.

Однажды Лю Вэньхуэй устроил проверку, обнаружил отсутствие племянника в казарме и страшно рассердился. Отчитав бездельника, дядя велел закрыть его в карцере на неделю. Но Лю Юаньлун не стал дожидаться, пока его сопроводят на гауптвахту, собрал свои пожитки и вернулся в Аньжэнь.

Отец сделал еще несколько попыток пристроить своего отпрыска. Сначала предложил стать старшим в местной ячейке тайного общества «клятвенные братья», но и это не заинтересовало лодыря. Тогда Лю Вэньцай решил женить сына и подобрал невесту, дочь богатого помещика, которого звали Чжан Синчу (张星初). Отец надеялся, как говорят, «запереть сердце сына в клетку».

Кто бы мог подумать, что молодые подойдут друг другу идеально: раньше лишь старший сын Лю Юаньлун, не разбирая дня и ночи, лежал на кровати и курил опиум, а теперь они вдвоем с женой возлежали на огромном резном с позолотой супружеском ложе в 9 кв. м и с самого рассвета начинали курить опиум, окутанные дымом.

После смерти Лю Вэньцай старший сын должен был стать главой рода, но какой глава из хилого, неряшливого наркомана, который и свою-то жизнь не смог обустроить?

В 1950 г. в Сычуани произошло вооруженное восстание против власти коммунистов, и наркоман Лю Юаньлун «закопошился», готовясь действовать. Он связался с представителями Седьмого парти-

занского отряда, называвшего себя «Армией по спасению родины от коммунистов», и оказал им хорошую материальную поддержку, после чего партизаны смогли поднять вооруженный мятеж.

В Сычуань молниеносно прибыли части НОАК, и старший сын Лю вместе с партизанами бежал в горы Цюнлай (邛崃). В 1951 г. его поймали и посадили в тюрьму в городе Чэнду. Молодой Лю провел там лишь 2–3 месяца, потому что у него начались проблемы со здоровьем — тяжелая форма астмы, а потом и туберкулез. Дядюшке Лю Вэньхуэю удалось перевести племянника из тюрьмы в больницу, однако в марте 1952 г. тот скончался.

Второй сын, Лю Юаньхуа, родился уже в Сюйфу, на второй год после того, как семья помещика с двумя детьми переехала туда из Аньжэни. Мальчик оказался очень способным, внешне похожим на отца, по характеру — спокойным и серьезным. На него Лю Вэньцай возлагал еще большие надежды, чем на старшего.

Когда мальчику исполнилось четыре года, отец заключил для него так называемую «младенческую помолвку» (娃娃亲). «Невестой» стала вторая дочь известного торговца солью Цзян Боняня (姜伯年), проживавшего в уезде Цяньвэй (犍为) в Сычуани. Благодаря такой помолвке Лю Вэньцай быстро познакомился с видными персонами, профессионально занимавшимися соляным промыслом, освоился в их кругах и стал получать большую прибыль от добычи соли, почти полностью монополизировав ее продажу в городах большого региона, включающего запад Сычуани и восток провинции Юньнань.

Чтобы усилить контроль над соляным промыслом, Лю Вэньцай дал новому родственнику Цзян Боняню должность председателя Ассоциации соледобытчиков в Сюйфу и основал марку соли «Источник доверия», чтобы, заручившись связями, наживаться на поставках востребованного продукта.

Даже после того, как Лю Вэньцай покинул Сюйфу, и объем добычи соли резко снизился из-за военных действий, Лю Вэньцай продолжал получать через Цзян Боняня прибыль от налогов на соль, приняв от того более 700 тысяч юаней серебром.

В 1942 г., когда Лю Юаньхуа исполнилось 19 лет, он поступил на учебу в филиал Военной академии Хуанпу в городе Чэнду. Филиал располагался по тому же адресу, где ранее размещалось Военное училище сухопутных войск. Учился юноша прилежно, и через три года закончил курс. Шестой дядюшка Лю Вэньхуэй взял выпускника

в свою 24-ю Сычуаньскую дивизию в качестве командира взвода, и вскоре повысил до командира роты, а затем — и батальона.

В этот период Лю Юаньхуа побывал на родине, чтобы совершить важнейшее для китайца дело — женитьбу. С невестой ему повезло: девушка досталась не только мудрая и талантливая, но и воспитанная. Она умело выполняла всю женскую работу, именуемую в Китае *нюй-хун* (女红), т.е. шила, вышивала и ткала, и даже прошла базовое обучение каллиграфии, достигнув немалых успехов. Так что молодой муж оказался вполне доволен спутницей жизни.

Когда отец заболел, Лю Юаньхуа постоянно находился при дяде, в его подчинении. Накануне образования КНР дядюшка возглавил свои формирования в Сикане, подняв восстание. Его племянник в результате реформирования воинской части попал в один из военных округов Народно-освободительной армии Китая (НОАК), где продолжил службу.

Вскоре после назначения Лю Юаньхуа получил письмо из управы уезда Даи, в котором его просили срочно вернуться в Аньжэнь, чтобы расторгнуть договоры аренды. Время стояло смутное, а сам молодой Лю идеологически толком не определился. Он даже не совсем понял, о чем речь. Его мать, супруга и дети находились в Чэнду. Лю Юаньхуа тут же выехал на родину.

При встрече мать объяснила ему ситуацию, и он понял, что дела скверные, — хуже, чем он предполагал. После смерти отца наложницы стали бороться за наследство, постоянно ссорились. Но гораздо страшнее то, что пошла волна снижения арендной платы и ссудного процента. Имуущество и активы, которые оставил семье Лю Вэньцай, быстро обесценивались, и походило на то, что они вскоре лишатся доходов и всего имущества. Семье требовалась опора в виде мощной балки, как в строительстве, и ее роль должен выполнять старший сын. Однако для Лю Юаньлуна гораздо важнее оказались опиум и азартные игры, он фактически стал инвалидом, и ему было не до спасения семьи.

У матери, законной жены помещика Лю — Ян Чжунхуа, надежда оставалась лишь на второго сына. В трудном положении тот оказался: должен бороться за клановую собственность ради матери и своей семьи, но ведь он теперь служит в НОАК, и его обязанность — бороться с «реакционными элементами».

Второй сын Лю Юаньхуа с матерью вернулись в Аньжэнь, а там уже было сформировано волостное правительство, организован Крестьянский союз и созданы отряды вооруженной самообороны, ко-

торые располагали винтовками и боеприпасами. Они отвечали за уничтожение сотрудников разведки Гоминьдана и взятие под стражу реакционеров.

Раньше помещик Лю Вэньцай, его отец, держал в руках весь город Даи, а теперь его потомкам приходилось расплачиваться. Лю Юаньхуа избежал ареста только потому, что принимал участие в восстании своего дядюшки Лю Вэньхуэя. Впрочем, полного доверия со стороны новой власти он никогда не получит, — это второй сын помещика хорошо понимал. Днем и ночью велся негласный надзор за его местопребыванием.

Еще недавно он являлся блестящим молодым офицером, и вдруг враз превратился в простолюдина. Перелом в его судьбе произошел так стремительно, что молодому человеку никак не удавалось определиться в своей позиции. Разобраться с имуществом отца оказалось делом нелегким, и второй сын принял решение уволиться со службы. Ему пришлось непосредственно наблюдать, как из родной усадьбы крестьяне выносили и делили между собой домашнюю утварь, мебель и одежду.

Изделия из драгоценных камней, яшмы и жемчуга, редкие культурные ценности и предметы искусства передавали в центральные органы власти, либо в провинциальный музей. Усадьбу превратили в школу для кадровых работников военного округа Тибета. Прошлое уничтожили без следа, словно огромные волны после шторма оставили на берегу лишь песок да ракушки.

Работы не было. И, хотя шестой дядюшка Лю Вэньхуэй получил хорошую должность при новой власти, но время было тяжелое, и он не пользовался полным доверием, а потому не мог помочь племяннику. Как говорится, «желания — в избытке, да сил не хватает». Лю Юаньхуа долго скитался, пока не получил временную работу в администрации железной дороги. Однако в стране непрерывно следовали одна за другой различные политические кампании, и положение Лю Юаньхуа становилось все хуже.

Он понимал, что сыну помещика Лю Вэньцай следует работать изо всех сил, чтобы «отмыться» от злодеяний отца. Днем он вместе с сезонными рабочими трудился с мотыгой и киркой, вилами и граблями в руках, обильно поливая землю потом, а вечером с товарищами делал «передышку»: добровольно подметал полы в столовой, мыл туалеты, пытаясь завоевать доверие новых властей.

Но в той обстановке все старания оказались напрасными. Единственное, чего он добился, — постоянной критики в свой адрес. Его

водили по улицам с табличкой на груди¹. Лишь в конце 70-х годов прошлого столетия его официально перевели в категорию рабочих с самым низким — пятым разрядом и зарплатой в 60 юаней в месяц.

В 80-х годах к Лю Юаньхуа стали относиться лучше, но здоровье ухудшилось, и его дважды отправляли в санаторий для лечения. Зарплата оставалась заниженной, хотя рабочий разряд и повысили до второго, за что сын помещика испытывал благодарность руководству. В 1984 г. он ушел на пенсию и ныне проживает в уезде Лунчан (隆昌) города Чунцин.

Третий сын, Лю Юаньфу, родился в 1928 г. Вскоре после его рождения родители крупно поругались из-за любовницы-проститутки отца, и мать в порыве гнева уехала с детьми в Чэнду. В 1937 г., когда мальчику исполнилось 9 лет, он заболел менингитом. Бедная мать, Ян Чжунхуа, никогда с такой хворью не сталкивалась; она бегала по всем врачам, пытаясь помочь ребенку. Но и врачи, видимо, мало что знали о таком заболевании; один из них превысил дозировку лекарства, и мальчик оглох.

Лю Юаньфу в 9 лет стал инвалидом. Мать в отчаянии отправила человека с письмом к мужу, у которого попросила денег серебром для лечения сына. С деньгами отправилась в Шанхай на поиски врача, который смог бы помочь ребенку. Она побывала практически во всех больницах, но результатов не добилась. Тогда жена помещика по совету знакомой отправилась с ребенком в Пекин, и там она окончательно потеряла надежду: один из немецких врачей после тщательного обследования поставил диагноз — мальчик навсегда останется глухим.

Несмотря на глухоту, учился он успешно, и память у мальчика оказалась изумительной. Из-за особенностей его здоровья пришлось пригласить домашних учителей. В результате к 17–18 годам он превратился в блестяще образованного и талантливого молодого человека. Единственный минус — из-за глухоты он не мог жениться по

---

¹ Во времена «культурной революции» подвергаемым гонениям, т.н. «врагам», на грудь вешалась «черная доска» *хэй-пай* (黑牌) с надписью: «член черной банды», «контрреволюционер», «реакционный ученый» и тому подобное... Под «определением» рисовали кривой красной крест и фамильный иероглиф «преступника». Такой «дизайн» был позаимствован из старинной практики объявлений о смертных приговорах. Доски полагалось носить не только во время самих наказаний, но и вообще — повсюду на людях. Первое время их делали из картона, но потом заменили на деревянные, чтобы жертва сильнее страдала.

любви. Разнообразный, богатый, многоголосый мир вокруг него оказался беззвучен. Юноша очень страдал, особенно — когда видел красивых девушек.

Пришло время, и Лю Юаньфу влюбился в Ло Инсюэ (罗映雪), известную актрису сычуаньской оперы. После того, как его отец организовал Ассоциацию всеобщего благоденствия, землевладелец захотел дополнительно укрепить свой авторитет и репутацию, а потому выделил большую сумму денег на постройку здания театра и создание местной театральной труппы.

Помещик Лю Вэньцай, будучи полуграмотным человеком, в душе был склонен к литературе и искусству; очень любил сычуаньскую оперу, особенно ему нравились *цзо-чан* (坐唱)², используемые в местной опере. Лю и сам неплохо играл на ударных инструментах и талантливо подпевал артистам. Когда жил в Сюйфу, нередко приглашал друзей к себе домой, чтобы вместе развлечься пением арий без аккомпанемента. Перебравшись в Аньжэнь, Лю Вэньцай построил здание театра, дав ему свое имя.

Уделяя много времени Ассоциации всеобщего благоденствия, не забывал и о театре, подбирая труппы из талантливых артистов. Нередко отправлял специалистов в Чэнду, чтобы «собрать сундучок», как он выражался, т.е. отобрать в столице провинции новых актеров. За высокие гонорары приглашал выступить в своем театре столичных артистов. Активное участие «клятвенного брата» Лю Вэньцая в театральной деятельности — совершенно невиданное дело в истории тайных обществ Китая.

Помещику Лю Вэньцаю приглянулась актриса Ло Инсюэ из собственного театра, исполнявшая амплуа *дань*³, и он стал часто приглашать ее в свою резиденцию, где девушка вместе с ним не только пела, но ела и пила, составляя компанию, всячески ухаживала: подносила чай, набивала трубку для курения, делала массаж... Через какое-то время она стала его любовницей.

---

² *Цзо-чан* — один из видов театрального искусства, когда артисты, сидя на сцене, выступают с песнями-сказками, с речитативами; это могут быть былины или сказания, сопровождаемые песнями под аккомпанемент, сказы под аккомпанемент *циня* и пр. По сложившейся традиции, один артист сидя и рассказывает, и поет, и играет на музыкальном инструменте, — струнном или ударном. Отсюда и название «пение сидя».

³ *Дань* (旦) — женское амплуа первого плана в китайской опере. *Дань* считались идеальными женщинами: юными, миловидными, скромными, с маленькими бинтованными ножками; их описывали в эротическом, феминизированном тоне.

Каждый раз, когда актриса, легкая, как ветерок, впархивала через главные ворота, глухой сын помещика Лю Юаньфу встречался с ней взглядом, и после этого его сердце целый день не могло успокоиться. Любовь юноши крепла день ото дня и, наконец, он набрался решимости, чтобы объясниться с ней. Когда девушка возвращалась, он окликнул ее и быстро спустился во внутренний дворик. Он жарко объяснялся в любви, заставив актрису покраснеть. Пусть слова он выговаривал не очень четко, но она все поняла и, то и дело, поглядывала вверх, на второй этаж, боясь, как бы эту картину не увидел помещик Лю Вэньцай.

А тот, действительно, закончив карточную партию, вышел на балкон и увидел, как его глухой сын, держа девушку за руку, безостановочно что-то говорит ей. Быстро спустившись по лестнице, он оттолкнул руку сына и с перекошенным лицом стал кричать: «Ты хоть понимаешь, что делаешь, ты хоть смыслишь что-нибудь в делах поведения?»

Юноша лишь смутно догадался, о чем говорит отец, понимая, что тот обозлен. Набрался смелости и произнес: «Я хочу жениться на ней!» Эти слова привели отца в ярость, он схватил сына за ворот и стал душить. Сын вырвался, бросился в комнату, схватил ружье, снял предохранитель и приготовился выстрелить в Лю Вэньцай. Лишь благодаря зорким глазам и ловким рукам слуг удалось предотвратить трагедию.

Актриса Ло Инсюэ была очень напугана случившимся, потому что «корнем зла» сочли именно ее. В эту ночь один из слуг помещика Лю Вэньцай, немой по фамилии Цяо, спас девушку, спрятав ее в чайной комнате, а на следующий день, едва рассвело, открыл для нее заднюю калитку, и актриса сбежала. Перед тем, как выпустить ее, немой вынул из-за пазухи и передал девушке золотое кольцо от юноши Лю Юаньфу, и красавица не без труда поняла его пояснение жестами: ей следовало ехать в Чэнду и ждать там влюбленного юношу. Кольцо она взяла, но юный Лю Юаньфу больше никогда актрису не видел.

Долго он жил холостяком, и лишь после образования КНР дяньшунка пожалел одинокого, несчастного племянника, взял его к себе в Чэнду в качестве помощника, помог получить комнату в общежитии и через знакомых нашел для него глухую девушку для женитьбы. Через год у молодых родилась дочь.

Самые большие страдания в своей жизни третий сын помещика — Лю Юаньфу пережил в период «культурной революции». К тому времени имя его отца, Лю Вэньцай, уже гремело на всю

страну, как символ страшного злодея. «Революционные народные массы» уезда Даи требовали возвращения Лю Юаньфу на родину, чтобы иметь возможность критиковать его и «бороться» с ним. После того, как несчастный инвалид вернулся в Аньжэнь, члены народной коммуны критиковали не только его. Рядом с ним на трибуне позора, как правило, стояли еще два человека: Ван Юйцин, последняя супруга Лю Вэньцая, и местный помещик.

Днем глухой мужчина вместе со всеми трудился в поле до седьмого пота, а вечерами писал бесчисленное количество писем с самокритикой. Его супруга не выдержала такого давления и ненависти к своему мужу и развелась с ним. С тех пор одинокий Лю Юаньфу очень изменился: стал молчаливым и безразличным ко всему. Так продолжалось очень долго, и лишь в 70-х годах прошлого столетия он немного оправился, потому что правительственные органы его реабилитировали.

Уйдя на пенсию, глухой Лю вернулся в Чэнду, где долгое время жил затворником, не выходя из дома: и из-за глухоты, и потому, что привык к одиночеству. Если кто-то из соседей хотел поговорить с ним, он брал бамбуковую палку, всегда лежавшую у его двери, махал ею перед окном, пока Лю Юаньфу не заметит. Тогда он шел к двери, открывал ее и жестами объяснялся с посетителем.

Лю Юаньгуй — четвертый и младший сын Лю Вэньцая. Когда он родился, клан Лю уже «спускался с холма», и былые богатства и слава остались позади. Когда он вырос, мать отправила его служить у дядюшки Лю Вэньхуэя. Это время совпало с преддверием образования КНР, и дядюшка, мучительно размышляя о своем будущем, принял нелегкое решение перейти на сторону Компартии и НОАК. Будучи в подчинении у дяди, юноша Лю, естественно, тоже последовал за ним.

Войска переформировали и, поскольку младший Лю Юаньгуй как сын землевладельца «нес за плечами большой черный горшок», т.е. все грехи отца, ему пришлось уволиться из армии и сменить профессию. Его отправили очень далеко от дома, в какое-то захолустье, поручив административную работу на железнодорожной станции. Через несколько лет Лю женился.

Хотя маленькая станция и находилась далеко от «большого мира», революционная буря достигла и этого местечка. Жену Лю Юаньгуя практически ежедневно вызывали для «беседы», призывая занять четкую позицию и отмежеваться от супруга, труп отца кото-

рого недавно выбросили из могилы. Не выдержав натиска, она подала на развод, как и жена старшего глухого брата.

Лю Юаньгуй впал в депрессию, а вскоре на железнодорожной станции произошла страшная катастрофа: столкнулись два поезда, и погибло 11 человек, среди них — младший сын землевладельца — Лю Юаньгуй. О факте происшествия местное руководство доложило в вышестоящие органы и попросило признать все жертвы погибшими при исполнении обязанностей, т.е. героями-революционерами. Ответ пришел положительный, десятерых погибших объявили героями, пожертвовавшими собой ради справедливого дела. В этом списке не оказалось лишь имени Лю Юаньгуя, ибо тот являлся сыном помещика Лю Вэньцая.

Дочери

О дочерях помещика известно очень мало даже историкам, — таково отношение к женщинам в те времена. Упомянув девушек, на которых женились сыновья Лю Вэньцая, не называют даже их имен, сообщая в лучшем случае лишь имена их отцов.

Из трех дочерей старшая, Лю Июнь, безвременно скончалась. Когда семья жила в Аньжэни, отец построил в глубине усадьбы для своих двух оставшихся девочек трехъярусный дом под названием «Терем для барышень» из серого кирпича и дерева, обрамленного белыми колоннами. По форме дом представлял собой шестигранник. Крышу украшал «павильон радости». Весьма своеобразное архитектурное произведение сочетало в себе китайский и европейский стили, поражая воображение. Колонны и аркады перемежались с окнами.

Вторую дочь, Лю Ваньлань, отец выдал замуж, «указывая на живот» (指腹为婚), что в Китае означает договариваться о браке детей еще до их рождения. Помещик Лю Вэньцай просватал ее за сына известного в Сычуани милитариста Тянь Суняо. Когда дети достигли брачного возраста, сыграли свадьбу, и дочь отдали в семью Тянь. К сожалению, нельзя сказать, что брак оказался счастливым.

Третья дочь, Лю Ваньхуэй, поступила на учебу в школу в Чунцине. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Приемный сын

Но у землевладельца Лю Вэньцая в поздний период его жизни росло еще три приемных сына, которых клан Лю так и не признал

родственниками. В свое время любовница Лин Цзюнь пыталась обмануть помещика и притворилась беременной, «родив» тройню. На самом деле у детей оказались три разные матери, и достаточно долго жизнь прожил лишь один из них.

Из «тройки» один ребенок умер от болезни в восьмилетнем возрасте. Второй мальчик, когда вырос, поступил в армию уже после образования КНР, и его зачислили в высшее учебное заведение. После этого о нем никаких вестей не поступало.

О третьем приемном сыне имеется кое-какая информация. Имя его родной матери — Чэнь Дачжэнь (陈大贞). Девушка росла вполне порядочной, но любовница помещика Лин Цзюнь сумела обманным путем создать такую ситуацию, что Чэнь Дачжэнь переспала с помещиком Лю: любовница хотела, чтобы в будущем хотя бы отец у ребенка был родным.

Девушка сразу забеременела. Когда ее отец это обнаружил, он пришел в ярость. Ведь ей дали такое многообещающее имя — «великое целомудрие», а она опозорила всех предков! Глава рода принял решение поместить распутницу в деревянную клетку и бросить в реку — чтобы не выплыла, и лишь мольбы родственников помогли спасти ее жизнь. Отец выгнал Чэнь Дачжэнь из дома, но когда несчастной пришлось время рожать, Лин Цзюнь ребенка отобрала, а молодую мать тоже прогнала прочь.

Интересно, что, хотя клан Лю не признал приемных сыновей, официальная супруга Ян Чжунхуа формально считалась их матерью, поскольку росли они в доме помещика Лю Вэньцая.

Уже после образования КНР, в 1956 г., взрослого приемного сына волостной отдел вооружения (комиссариат) порекомендовал на военный завод в Чунцине в качестве рабочего, но позже, когда стало известно, что он — потомок Лю Вэньцая, юношу с завода уволили.

В 1968 г. его познакомили с девушкой, которая работала поваром на пункте поселкового продовольственного снабжения, и они поженились. По иронии судьбы молодая супруга тоже оказалась побочной дочерью Лю Вэньцая, хотя подробности ее биографии неизвестны.

В 1979 г. началось движение «за идеологическое раскрепощение», и к приемному сыну Лю стали относиться более лояльно — он получил работу на заводе фосфатных удобрений в уезде. Через какое-то время там же его перевели на строительство пивоваренного завода. Поскольку мужчина трудился очень старательно, его заметило руко-

водство и предложило должность заместителя начальника цеха на энергоблоке того же завода.

В тот год, когда Лю Вэньхуэй, младший брат главного героя, поднял войска на борьбу за обладание провинцией Сычуань, его племянник Лю Сян считался «князем Сычуани». Жена «князя» с сыном и дочерью покинула Китай, спасаясь от смуты за морями. Говорят, ее сын Лю Цзинь (刘继殷) до сих пор проживает в Лос-Анджелесе.

Как уже упоминалось, в октябре 1949 г., после образования КНР, Лю Вэньцай скончался от чахотки. Представители семейства Лю, глядя на других феодалов, бегущих в Гонконг из опасений, что новая власть коммунистов лишит их собственности, тоже готовились пуститься в бега. Однако Лю Вэньхуэй убедил родственников в том, что следует вести себя спокойно и оставаться на материке: он твердо верил в то, что власти обойдутся с ними хорошо, поскольку семья Лю в течение долгого периода относилась к коммунистам «дружески».

На самом деле, как только коммунисты взяли власть в свои руки, семейство Лю в первые десять лет натерпелось бед и страданий в ходе различных политических репрессий. Всю собственность конфисковали, а клан подвергли преследованиям. Как утверждает Лю Сяофэй, внук помещика Лю Вэньцая, в ходе бурных политических событий четверть представителей семьи погибла.

Внук Лю Вэньхуэя Лю Шидин (刘世定) ныне является профессором Пекинского университета, научным руководителем докторантов. Второй внук, 67-летний Лю Шичжао (刘世昭), известный пекинский кинооператор, возглавляет редакцию одного из журналов. Он говорил, что в условиях политической борьбы в те годы местные власти просто не могли не превратить землевладельца Лю Вэньцая в символ свирепого помещичьего класса, на которого **направили ненависть всей страны**. Младший брат помещика — Лю Вэньхуэй до своей кончины в 1976 г. тоже постоянно думал над этим вопросом, придя к выводу: такое отношение к его старшему брату — результат внутривнутриполитической борьбы в высших слоях партии.

Внук Лю Шичжао вспоминает, что в начале 1960-х годов он случайно увидел статью о Лю Вэньцае и, поскольку в их роду встречалось немало имен с двумя иероглифами «Лю Вэнь», и дело происходило на родине, в Даи, он спросил у дедушки:

— Лю Вэньцай — не наш ли родственник?

— Не понимаю, что за ерунду ты говоришь! — раздраженно ответил бывший милитарист Лю Вэньхуэй.

Как рассказывает внук помещика — Лю Сяофэй, его отец Лю Юаньхуа (刘元华), второй сын Лю Вэньцзя, в 1973 г. отправился в Пекин, чтобы навестить дядюшку Лю Вэньхуэя, и тот, заплакав, сказал: «Я так виноват перед вами!» Ужасы «культурной революции» не коснулись его самого.

Лю Сяофэй, рассказывая об этом, и сам всплакнул: «В той политической обстановке Лю Вэньхуэю даже свою жизнь и безопасность было нелегко сохранить, где уж тут защищать семью опального брата! И все же этот великий в прошлом командующий помогал им, как мог. И до конца жизни так и не вступил в компартию. Я думаю, что самые большие моральные страдания из всех членов большой семьи выпали именно на его долю».

Сын Лю Вэньюаня, старшего брата героя этой книги, носит имя Лю Юаньцао (刘元操). Он остался на родине в Чэнду и назначен членом Народного политического консультативного совета района Цинбайцзян. Его сын Лю Шигай (刘世垓) оказался в провинции Хэнань, где работает преподавателем в одном из университетов.

Третьего по старшинству брата помещика Лю Вэньцзя тоже звали Лю Вэньюань, но имя записывается другим иероглифом (刘文远). Внуку этого третьего брата около 80 лет, зовут его Лю Шицзе (刘世杰). До выхода на пенсию он возглавлял кафедру в Университете путей сообщения города Сиань. Сыну четвертого брата помещика, Лю Вэньчао, по имени Лю Юаньшу (刘元树) уже исполнилось 80 лет, и до пенсии он занимал должность профессора в Институте национальных меньшинств на юго-западе Китая. Его сын Лю Ши (刘石) является деканом факультета китайского языка в пекинском университете Цинхуа, научным руководителем докторантов.

Четвертый внук Лю Вэньхуэя по имени Лю Шисинь (刘世昕) выступал в национальной сборной Китая по баскетболу, а сейчас он работает тренером в Гуанчжоу. Внучка Лю Вэньхуэя по имени Лю Шисюй (刘世旭) известна как мастер настольного тенниса, сейчас она тренирует молодых спортсменов.

Можно сказать, что по сравнению с другими семье внука помещика Лю Сяофэя, «покинувшей колодец родного селения», очень повезло, если учесть, что в течение десятков лет «тысячи людей указывали пальцем» на Лю Вэньцзя. Например, семья его двоюродного брата Лю Сяовэя (по другим источникам — Лю Шивэя, 刘世伟), не вынеся осуждения со стороны земляков, бежала с двумя маленькими

детьми в Синьцзян, в городской уезд Корла (库尔勒), где в одну из ночей все они были убиты, причем преступление по сей день остается нераскрытым. Главу семейства разъяренные крестьяне, подогретенные пропагандой, повесили, а его супругу и двух малолетних детей зарубили топорами. «Не стоило нам доверять коммунистам» — подытожил Лю Сяофэй, пересказывая слова матери.

3.2. Правда и вымыслы

Если сравнить вышеизложенное о помещике Лю Вэньцае с тем, что писали о нем в период агитационной кампании, то разница окажется разительной. Утверждали, что учебу он якобы не любил с детства, зато рано пристрастился к азартным играм, и в этом пороке ему не было равных в Западной Сычуани.

Говорили, что будущему помещику не исполнилось и двадцати, когда он «пустился в свободное плавание», в результате чего стал истинным знатоком «кривых дорожек» в старом китайском обществе, находя и «справа, и слева» источники обогащения. Каким бы видом коммерции он ни занялся, никогда не терпел убытков. Можно сказать, что в торговых делах этот парень оказался финансовым гением.

Да, Лю Вэньцай совместно со своим младшим братом Лю Вэньхуэем сотворили немало дурных дел, контролируя и держа в страхе половину провинции Сычуань. Они выращивали опиумный мак и продавали наркотики, занимались контрабандой оружия, получали взятки на таможне, делая власть генералиссимуса Чан Кайши чрезвычайно неустойчивой.

Однако личную жизнь Лю Вэньцай, вопреки наговорам, вовсе нельзя назвать распутной. Он женился всего два раза, потому что первая супруга умерла в молодости, и содержал трех наложниц, одну из которых ему навязали. В те времена подобные браки считались

делом обыкновенным. Например, у одного из милитаристов Ян Сэня второстепенные жены менялись регулярно, а у его коллеги Фань Шаоцзэна количество наложниц достигало 36.

Молодежь Китая обсуждает на сайтах, кто же такой помещик Лю Вэньцай, «хороший» он или «плохой»? Одни говорят, что Лю — классический эксплуататор, иные утверждают, что он являлся достойным и порядочным человеком и соответствовал своей эпохе, которая его сформировала, и что отвратительные образы «четырех крупных помещиков Китая» не соответствуют исторической действительности.

Конечно, — высказывают мнение китайцы, — Лю Вэньцай — далеко не обычный помещик, и его достижения в жизни — весьма специфические. Он не занимался рачительно домашним хозяйством, а шел к успеху двумя нетрадиционными путями. Во-первых, опирался на власть и могущество брата-милитариста Лю Вэньхуэя; в результате из владельца небольшого состояния вдруг одним махом превратился в главного управляющего по сбору налогов в нескольких десятках уездов юга Сычуани. Во-вторых, Лю Вэньцай имел в подчинении 100 тыс. членов тайного общества «клятвенные братья».

В 1999 г. в Китае вышла в свет книга сычуаньского писателя под псевдонимом «Пересмешник из Шу», или «Сычуаньский Пересмешник», которая называлась «Подлинная история Лю Вэньцай». Несмотря на ее официальный запрет, молодежь читает ее и цитирует на страницах соцсетей, где обсуждают личность Лю Вэньцай: «Обладая суммой всего в 50 тыс. *даянов*, Лю Вэньцай открыл в Сюйфу собственный банк под названием «Справедливость и мир». За два года эти деньги неоднократно «провернулись», оставив в сейфе у владельца кругленькую сумму. В 1925 г. Лю переименовал банк в «Единство людей», и тот стал работать в новых, грандиозных масштабах: если в «Справедливости и мире» основной капитал не превышал 100 тыс. юаней, то в «Единстве людей» он оказался уже больше миллиона, а потом и более 10 млн юаней.

Когда владельцу пришлось покинуть Сюйфу, у него было накоплено 20 млн. Банк «Единство людей» открыл свои филиалы в Чунцине и Цзыгуне».

В китайском интернете можно встретить самые разные материалы и суждения о помещике. Ведутся жаркие споры по поводу личности Лю Вэньцай, причем, присутствует большое количество материалов, опровергающих сложившееся представление о нем. На-

пример, части молодежи нравится, что и после «ухода с большой сцены» помещик сумел вновь обрести себя и многого добиться. «В 1932 г. Лю Вэньхуэй, потерпев жестокое поражение от племянника Лю Сяна в «войне двух Лю», вышел в отставку и поселился в захолустном Сикане, а помещик Лю Вэньцай, покинув Сюйфу, победоносно вернулся на родину, в городок Аньжэнь, сделав карьеру и добившись успеха». Те, кто пытаются реабилитировать знаменитого помещика, как правило, обращаются именно к этому периоду его жизни, напоминая, что Лю Вэньцай возвел на родине дамбу, впервые в Аньжэни построил и открыл среднюю школу, возглавил народную самоуправляемую организацию «Ассоциация всеобщего благоденствия» и т.п.

В попытке обелить образ Лю Вэньцай, люди сильно преувеличивают, — считают те, кто привык видеть в нем лишь эксплуататора-мироеда. Множество китайцев в своих микроблогах представляют помещика Лю добродушным и мягким человеком. На самом же деле, если ранее к его образу подходили стереотипно, не вникая в детали и не рассматривая его как личность, и даже фабриковали вымышленные истории о нем, то в настоящее время из помещика пытаются вылепить «хорошего деревенского аристократа» и рачительного землевладельца, сумевшего накопить определенные богатства, и игнорируют негативные события в его жизни, выпячивая лишь добрые поступки.

Противники Лю Вэньцай утверждают, что даже за его «добрыми поступками» можно обнаружить определенный политический фон, а это значит, что он остается негодяем, достойным осуждения. Довод простой: он всю жизнь обирал крестьян с помощью налогов и наносил стране губительный вред. Большая часть богатств нажита противозаконным путем, и Лю не имел ничего общего с теми помещиками, которые действительно рачительно вели домашнее хозяйство, все тщательно подсчитывали и жили экономно. Тот факт, что Лю проложил в родных местах дороги, открыл роскошную школу, никак не обеляют его дела, причинившие зло народу.

Защитники помещика Лю на страницах соцсетей парируют: разве после образования КНР не принесла немало бедствий народу непрерывная череда безумных движений, таких как «борьба против трех зол» (三反) — империализма, феодализма и бюрократического капитала, «борьба против пяти зол» (五反), «культурная революция» (文化大革命), политика «большого скачка» (大跃进), геноцид воробьев (消滅麻雀) и пр.? Помещик после создания народного государства

лишился всех своих земель и богатств, а пропаганда превратила его в «садиста со звериным обличем», приписав ему все преступления, которые только существуют на свете.

Колесо судьбы крутится, история повторяется... В Китае появилось множество супербогатых людей, и далеко не всегда их успехи достигнуты честным путем... Члены правительств всех ступеней тоже «идут в ногу со временем», богатея день ото дня и подавая пример другим, реабилитируя своим образом жизни разбогатевших ранее и невинно за это пострадавших, — философствует часть аудитории.

У отца Лю Вэньцая, мелкого помещика, был лишь один *сыхэюань*⁴ с 10 комнатами и несколько десятков *му* земли. Вплоть до его кончины в 1920 г. количество земли не превышало 100 *му*. А сам Лю Вэньцай лишь через 20 лет расширил свои земли до 12 тысяч *му*, а количество резиденций — до 29, число принадлежащих ему зданий — до 684; ломбардов насчитывалось пять, каменных ступок — десять, банков — 22.

Но, если сравнить объекты недвижимости нынешних нуворишей с резиденциями Лю Вэньцая, то дома, которыми он гордился, ныне назвали бы «убогой деревенщиной», а его самого — «жужелицей, живущей в земле» — сравнивают авторы блогов.

---

⁴ *Сыхэюань* (四合院) — тип традиционной китайской застройки, при котором четыре здания помещаются фасадами внутрь по сторонам прямоугольного двора. По такому типу в Китае строились усадьбы, дворцы, храмы, монастыри и т. д. Обычно здания размещаются вдоль осей север-юг и запад-восток. Здания, расположенные на севере и юге, считались главными, на западе и востоке — вспомогательными. Входные ворота обычно размещались в юго-восточном углу. Позади северного здания часто помещалось еще одно, — единственное двухэтажное здание, дозволяемое правилами традиционного *сыхэюаня*. Большие окна в зданиях выходили во двор; в стенах, обращенных к улицам, делались лишь маленькие окошки на большой высоте, а иногда они не имели окон вообще. В усадьбах больших и богатых семей могло быть два и более дворов.

3.3. Новый взгляд на помещика

В 80-х годах прошлого века политическая лихорадка, связанная с травлей злодея-помещика и его родственников, начала постепенно стихать. В 1988 г. руководство провинции официально признало, что в усадьбе помещика никогда не существовало «водяной темницы», комнаты для пыточных инструментов и помещения для пыток. А после протестного выступления на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. тема Лю Вэньцая в общественном сознании и вовсе прекратила свое существование.

После начала политики реформ и открытости последующие поколения в руководстве Китая, исходя из политической ситуации, пытаются «пригладить» созданный образ, утверждая, что обвинения в адрес Лю преувеличены. Кое-кто даже хвалит помещика, как образцового хозяйственника, сумевшего развить экономику данного региона, сделать серьезный вклад в дело начального образования, навести порядок среди своих подопечных и разбогатеть.

Благодаря тому, что Лю Вэньцай много помогал беднейшим крестьянам, местные жители называли его «человеком великой доброты». В результате район бывшей провинции Сикан и по сей день остается наиболее быстро развивающимся регионом в Китае.

«Противники» Лю Вэньцая настаивают на том, что помещик — яркий отрицательный персонаж, оказавший глубоко негативное влияние на несколько поколений китайцев. Взимая жестокие, огромные поборы с крестьян, он пользовался выгодными должностями, полученными благодаря младшему брату.

Безусловно, знаменитого Лю Вэньцая нельзя назвать «положительным героем» ни по стандартам того времени, ни с точки зрения современных критериев. Однако, справедливости ради, следует объективно представить подлинную историю его жизни, восстановить его настоящий облик.

Как уже упоминалось, в ноябре 1999 г. местный журналист-критик Чэнь Минь (陈敏), выступающий под псевдонимом «Сычуаньский Пересемешник» (Сяо Шу, 笑蜀), выпустил книгу, в которой дана более положительная оценка деятельности Лю, значительно расходящаяся с официальной версией. В книге описывается совсем другая история жизни помещика и иная трактовка борьбы за господство его младшего брата, командующего Лю Вэньхуэя.

Изучив различные материалы междоусобицы милитаристов, а также проведя личные беседы с местными жителями, автор приходит

к выводу, что преступления землевладельца Лю Вэньцай и его семьи действительно велики: «не хватит бамбука для описания»⁵. К сожалению, годы и месяцы, пыль и сажа постепенно укрыли все слезы и страдания, стенания и плач пострадавших, и уже в новое время появилось немало защитников, которые утверждают, что «Лю Вэньцай был не таким уж плохим человеком».

Журналист Чэнь Минь ярко живописал, как помещик Лю в городском округе Ибинь всеми способами добывал деньги, в том числе, обирая крестьян, а затем вкладывал средства в экономику и образование родного Аньжэня. Книгу выпустил Педагогический университет провинции Шэньси, и называлась она «Подлинная история Лю Вэньцай» («刘文彩真相»).

Вскоре на писателя написали донос, утверждая, что тот «отрицает законность новодемократической революции». В результате власти запретили распространение книги и изъяли из продажи остатки тиража. «Сычуаньский Переселенник» написал в ответ: «Компартия не желает поворачиваться лицом к правде!»

Помимо данной книги, Чэнь Минь в том же году выпустил еще одну: «Историческое предзнаменование — современная лояльность компартии Китая» (历史的先声——中国共产党曾经的承诺). После ее выхода Чэнь Миня уволили с должности (он преподавал марксизм-ленинизм в Уханьском университете).

В 2003 г. гонконгская телевизионная станция «Феникс» тоже сделала попытку показать образ Лю Вэньцай «более правдиво», сняв программу под названием «Крупный помещик Лю Вэньцай», в которой принял участие второй сын помещика — Лю Юаньхуа, подробно рассказавший, что пришлось пережить его семье после «восстания» Лю Вэньхуэя. В материковом Китае данная передача подверглась критике и цензуре, правда, она осталась доступной в Интернете.

В 2011 г. журналист Чэнь Минь издал новую книгу о помещике, чью судьбу толкуют столь противоречиво. Книга называется «Крупный помещик Лю Вэньцай» («大地主刘文彩»), и ей повезло гораздо больше: она находится в свободном доступе.

По мнению Чэнь Миня, «компартия уже не может вернуть истинный исторический облик Лю Вэньцай, поскольку она в свое время сама же и создала из него монстра, злого демона». «Мою первую книгу запретили именно по этой причине: в ней не признается законность новодемократической революции. Сущность новодемократической революции — так называемая аграрная революция. И вра-

---

⁵ В древности китайцы писали на бамбуковых дощечках.

гом в этой революции являлся весь помещичий класс. «Корень» легальности политической власти именно в этом, так как же коммунисты могут признать реальные факты?» — пишет Чэнь Минь.

После публикаций с разоблачениями журналиста Чэнь Миня, начиная с 1981 г., работники музея стали активно направлять своих специалистов для опросов среди местных жителей. В общей сложности привлекли более 70 человек, хорошо разбиравшихся в ситуации. Они внимательно изучили большое количество архивных документов и более года опрашивали крестьян. В результате оказалось, что не нашлось ни одного подтверждения существования «водной темницы».

Как упоминалось выше, в 1988 г. правительство провинции Сычуань вынуждено было официально признать, что свидетельства о «тюрьме в подземелье с водой» просто придуманы, и сама эта «тюрьма» в усадьбе-музее — фальсификация. Воду откачали, помещение осушили и повесили табличку: «Помещение для хранения опиума». Хотя внук помещика Лю Сяофэй и с этим не согласен — мол, не хранили тут никакого опиума; семья Лю держала в подземелье плоды помело.

Вслед за этим работники музея закрыли и комнату «для казней», где ранее выставлялись соответствующие страшному названию орудия пыток.

После таких изменений в музее журналист Чэнь Минь сказал: «Коммунисты собственными руками творят биографию этого человека, и теперь он предстает перед нами уже не помещиком-деспотом, а отзывчивым благодетелем. Подлинным фактом можно считать то, что Лю Вэньцай проложил хорошую дорогу в поселке Аньжэнь, ремонтируя при этом фасады домов, в которых внешняя сторона, выходящая на улицу, являлась магазинчиком или скромной торговой лавкой, а внутренняя — жилищем.

Тем самым помещик Лю Вэньцай оживил торговлю на главной улице, а небольшую плату, которую собрал с владельцев ларьков и магазинов за ремонт фасадов, раздал бездомным на аренду жилья, провозглашая, что «работа ремесленников и мастеров важнее «трех народных принципов» Сунь Ятсена»⁶.

Еще одно интересное мнение некоего У Хунюаня (吴宏远). 60-летний пенсионер с 1976 г. работал в усадьбе известного помещика Лю, в 1990-х годах занимал там должность директора музея. Затем его пе-

---

⁶ Основа учения Сунь Ятсена — три народных принципа (三民主义): национализм, народовластие и народное благоденствие.

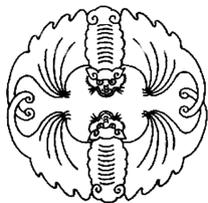
ревели в партком уезда Даи в качестве заместителя начальник отдела пропаганды и агитации. Сейчас У Хунюань работает в частном музее.

Он утверждает, что возвращать исторические, подлинные факты о Лю Вэньцае следует постепенно. Данный вопрос — чересчур тонкий, а имя помещика слишком известно в стране. У Хунюань признается, что ему самому в душе хотелось вернуть доброе имя помещику, во всяком случае — восстановить историческую справедливость, особенно — в то время, когда он работал в музее-усадьбе; однако в той обстановке сделать подобное оказалось непросто.

Пенсионер У рассказывает, что в 1997 г. он переименовал музей. Вместо «Выставочные павильоны помещицкой усадьбы» тот стал называться «Музей-усадьба семейства Лю». После этого один из высоких руководителей города Чэнду по имени Ли Вэйцзя (李维嘉) на очередном заседании обругал У. Каждый раз, как только в музее появлялись какие-либо изменения, этот руководитель тут же начинал рассылать письма оставшимся в живых старым подпольщикам Аньжэня, а также в провинциальные органы власти, протестуя против изменения сложившегося образа Лю Вэньцая.

«Эти старые товарищи, посвятившие большую часть жизни классовой борьбе, — поясняет У Хунюань, — не желают признавать, что их работа «унесена восточным течением», т.е. оказалась бессмысленной. Они заработали определенный политический капитал, и боятся утратить его, если признают, что во многом обоглали знаменитого помещика. Возможно, они не только атаковали и критиковали «самодура, изверга и тирана», но и за счет этого «тирана» всю жизнь создавали «тихую гавань» для своей будущей жизни».

В настоящее время тот самый Ли Вэйцзя, что писал жалобы старым подпольщикам, состарился и сам, ему уже 98 лет, и он, находясь в больнице для высших кадров в городе Чэнду, прочел книгу Чэнь Миня. Внук Лю Вэньцая Лю Сяофэй навестил его для беседы, и тот, высоко подняв указательный палец, назидательно сказал, чеканя слова: «Лю Вэньцай никогда не заботился о подпольщиках, как написано в книге! Это все — жонглирование фактами!»

3.4. «Исправление имен»

Внук помещика Лю Вэньцзя — Лю Сяофэй интересен тем, что в 2011 г., в возрасте 65 лет, первым открыто выступил в защиту своего деда в рамках кампании «исправления имен». *Чжэн-мин* — одна из центральных концепций конфуцианской философии. В беседе с учениками Конфуций пояснял, что исправление дел в государстве начинается с исправления имен, выводя целую логическую цепочку: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться...».

При жизни Лю Вэньцзя в поселке Аньжэнь насчитывалось всего семь улиц, при этом строения, принадлежавшие помещику, занимали четыре с половиной улицы.

Имевшиеся в поселке ломбард, банк, электростанция, мельница, чайная, театр, опиекурильня, казино и прочие заведения принадлежали Лю Вэньцзяю. Но все перечисленное — лишь небольшая часть имущества и несметных богатств, которыми владела большая семья Лю.

Помещик Лю имел 22 частных банка в городе Чэнду, Западной и Южной Сычуани и на правом берегу Янцзы. В этих же районах у него располагалось 5 ломбардов, 27 различных складов, 7 фабрик, 2 электростанции, 4 парохода, 28 усадеб и резиденций, одна школа и более полутора тысяч доходных домов, расположенных вдоль улиц. Земли у него насчитывалось более 15 тыс. му.

Любимый внук Лю Вэньцзя мог бы получить в наследство невиданные богатства: 28 особняков и более 15 тыс. му земли. Причем, лишь одна из резиденций занимала площадь в 28 му (18 676 кв. м), и в ней насчитывалось более сотни роскошных помещений.

Внук помещика — Лю Сяофэй родился в 1946 г., а в 1954 вместе с матерью переехал в Лунчан. Его отец, второй сын Лю Вэньцзя, нареченный Лю Юаньхуа, во времена *гоминьдановского* Китая служил в звании майора командиром батальона в сычуаньской дивизии своего дяди Лю Вэньхуэя. При новой власти он переехал с семьей в Лунчан в той же провинции Сычуань и стал зарабатывать на жизнь монтером путей.

Мать Лю Сяофэя после образования нового государства зачислили рабочей в компанию по бурению скважин в нефтяной отрасли уезда Лунчан. После окончания неполной средней школы Лю Сяо-

фэй в четырнадцатилетнем возрасте тоже пошел работать в ту же компанию, что и мать, где трудился всю жизнь, вплоть до выхода на пенсию. Там же работали две его младшие сестры.

Лю Сяофэй с детства любил музыку, когда-то учился игре на фортепиано. Проработав всю жизнь рабочим на производстве, он мог похвастать мозолями на руках, однако эти руки по-прежнему способны пробежаться по клавишам.

Друзья, которые ранее трудились с Лю Сяофэем, отзываются о нем, как о добром, порядочном человеке и переживают за него. Они не хотят, чтобы он буквально разрушал свое здоровье, борясь за справедливость. У него диабет, немало других заболеваний. Не раз пытались женить его, — и невесты находились, но тот не желал и слышать о женитьбе, ибо у него есть важная цель в жизни.

Мать рассказывала ему, что в 1946 г., во время гражданской войны, его дед, помещик Лю Вэньцай, стал активно материально помогать коммунистам, воевавшим в партизанских отрядах, и предложил штабу подпольной организации компартии расположиться у него в поместье. Но потом, когда отпала необходимость, эти люди забыли о своем «благодетеле» и, как говорится, «перейдя реку, разрушили мост»!

Он помнит, как после «восстания» Лю Вэньхуэя вся семья собралась в их доме, и все пели песню о том, какой прекрасной станет жизнь после победы компартии в стране. Это была первая песня его детства. В ней звучали слова: «За горой — прекрасное место, там равны и бедные, и богатые...».

С 90-х годов прошлого века Лю Сяофэй занялся собственным исследованием жизни знаменитого деда. Он посещал крестьян, батраков и соседей, хорошо знавших Лю Вэньцай, и с этого периода началась его деятельность по восстановлению «доброего имени помещика».

Лю Сяофэй открыл страничку в социальных сетях, на которой в течение многих лет излагает свое исследование биографии знаменитого деда. Особенно его возмущает известная композиция, посвященная «кровожадному помещику», с которой познакомились даже за рубежом: «Разве можно назвать произведением искусства откровенную ложь?»

Однако официальные органы страны, конечно, не могли поддерживать такую деятельность Лю Сяофэя, а потому ему не удавалось получить архивные документы в подтверждение своей позиции. Оставалось лишь ездить по местам, связанным с деятельностью деда, собирать устные свидетельства тех людей, которые помнили Лю Вэньцай.

В 2016 г. Лю Сяофэю исполнилось 70 лет, более двадцати из них он взывает к справедливости, намереваясь восстановить не только доброе имя деда, но и всего клана Лю. Ни разу не обратившись с прошением в официальные органы, он избрал именно такой долгий путь личной борьбы: непосредственного общения с людьми через Интернет и на территории усадьбы. За это его прозвали «изолированной армией без подкрепления со стороны».

Бесчисленное количество раз Лю Сяофэй бывал в резиденции деда, превращенной в музей, и никогда не покупал входной билет. А сегодня он является добровольным работником музея и ежедневно проводит экскурсии, радуя посетителей своими пояснениями и эмоциями. Ныне музей-поместье клана Лю в Аньжэни уезда Даи объявлен важным культурным памятником, охраняемым государством.

С 2000 г., выйдя на пенсию, Лю Сяофэй ежедневно садится за старенький компьютер и, стуча по клавишам, без устали набирает текст книги, используя материалы и свидетельства более тысячи человек о печально известном дедушке, которые он скрупулезно собирал в течение 20 лет. Работу эту он начал в 1994 г., расспрашивая в родном Аньжэни и его окрестностях всех, кто каким-либо образом общался или работал у Лю Вэньцая: рабочих, крестьян, батраков. Собирал каждую крупницу, и в результате записал более тысячи бесед и диалогов.

«В течение многих лет я кланялся пожилым, уважаемым людям, бывшим батракам, крестьянам-арендаторам, с просьбой рассказать, как проходил процесс аренды, — делился с читателями Лю Сяофэй. — И все рассказывали примерно одно и то же. Придя во двор помещика, люди находили на столе две большие миски с жирными кусками мяса. Запускали по восемь человек, и все, прежде чем приступить к формальностям, наедались досыта, даже губы лоснились от жира. В моем блоге вы можете увидеть фотографию Лю Вэньцая с довольными крестьянами!» — заключал Лю Сяофэй.

Когда-то в молодости внук помещика, как и все, мечтал жениться, завести детей. Встретилась и любимая девушка, но, когда родственники невесты узнали, чей он внук, стали относиться к бедолаге враждебно, и свадьба, конечно, не состоялась. Вот и получилось, что обиженный потомок помещика вторую половину жизни посвятил тому, чтобы восстановить доброе имя предка, и вкладывал в это все силы, всю страсть, все деньги.

Надо отметить, что остальные потомки знаменитого клана не проявляли подобного рвения и интереса, никто не стремился помочь

Лю Сяофэю в «борьбе», в то время как он без конца мотался то в уезд Лунчан, то в поселок Аньжэнь, тратя на «исследования» свою ежемесячную пенсию в тысячу юаней.

«Все должно основываться на исторических фактах! — горячится Лю Сяофэй. — Я понимаю, что дело это непростое, и продвигается оно медленно. Но справедливость должна восторжествовать. Да, мой дед торговал опиумом, — это исторический факт. Но он никогда не вел себя, как кровопийца, обижавший крестьян!»

Разветвленный клан Лю насчитывал двух председателей правительства провинции Сычуань, трех командиров корпусов, восемь командиров дивизий, 15 командиров бригад. А внук Лю Сяофэй в течение нескольких лет с удовольствием встречает экскурсионные группы со всего Китая и знакомит их с музеем-усадьбой Лю Вэньцая. «Это гостиная в европейском стиле, а это — в традиционном китайском, — рассказывает он, — но оба помещения — подделка для надувательства людей. На самом деле комната в западном стиле служила спальней нашему счетоводу, а вторая гостиная принадлежала четвертой супруге дедушки, которую звали Лян Хуэйлин, здесь была ее спальня».

«А эта комната принадлежала мне и выглядела совершенно иначе, — с удовольствием рассказывает пожилой человек в очках. — Я стал любимым малышом моего дедушки, и никто не осмеливался мне перечить ни в чем! Эту пару изящных сосудов из красной глины мой дед украл и вывез из парка города Ибинь. Сыновья Лю Вэньцая рассказывали мне, что сосуды эти изначально не являлись нашей собственностью. А это «императорское ложе» тоже не принадлежало дедушке: в 60-х годах работники музея подыскали мастера, который изготовил данный предмет. Так что и он — фальшивка!»

«И еще, — разоблачает внук знаменитого Лю Вэньцая, — раньше у входа всегда стоял «Форд», и о нем тоже говорили, что он принадлежал дедушке, однако машину поставили относительно недавно, чтобы «лишить» дедушку справедливой заслуги, заставить забыть о том, что он на свои средства построил общественную дорогу».

В усадьбе сохранился колодец с табличкой: «Колодец для рабочих». То ли для разжигания классовой ненависти, то ли желая произвести впечатление, экскурсоводы рассказывали, что большое семейство ежедневно употребляло в пищу немало кур, уток и другой птицы, и в колодец сбрасывали перья, кровь и экскременты пернатых. Рабочих якобы заставляли пить воду именно из этого колодца.

Внук рассказывает много подробностей о знаменитом дедушке, на самом же деле Лю Сяофэй прожил рядом с ним только три месяца, потому что тот скончался от болезни в 1949 г. Когда родители привезли его из Чэнду в резиденцию в Аньжэнь, мальчику исполнилось лишь три года. Лю Вэньцай потрепал его за щеку и спросил: «Чей это ребенок?» Ему ответили: «Твоего второго сына, Юаньхуа». Через три месяца Лю Вэньцай скончался.

С тех пор в Китае «горы и реки поменяли окраску», — многое в стране изменилось. Победили коммунисты, и государство стало именоваться Китайской Народной Республикой. Члены большого клана Лю рассеялись по миру, а особняк оказался в руках местного правительства.

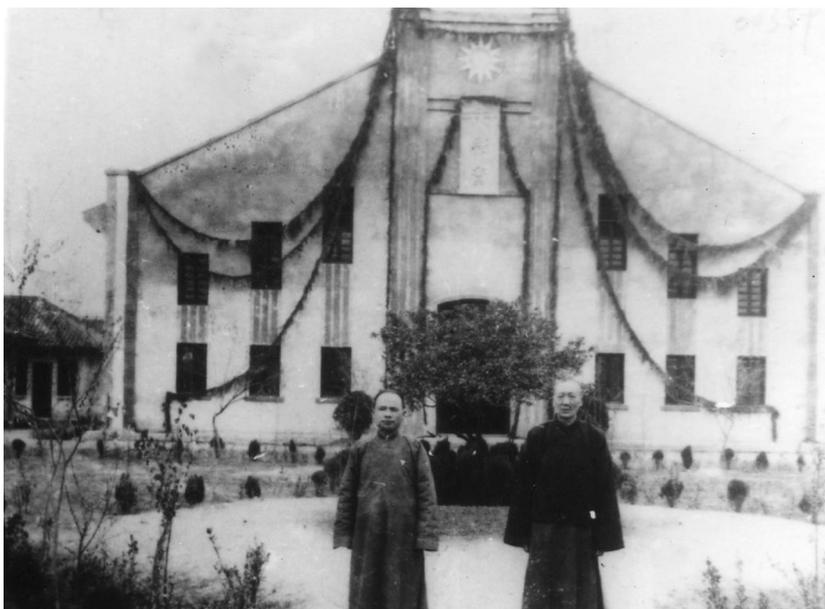
Со дня смерти Лю Вэньцай прошло так много лет, что сейчас лишь представители старшего поколения помнят о знаменитом «крестном отце» Западной Сычуани — высокопоставленном чиновнике, богатом предпринимателе, крупном помещике. Помнят и о его брате Лю Вэньхуэе, который поднял мятеж в борьбе за власть в гоминьдановском Китае и занял пост председателя местного правительства, а после образования КНР в 1949 г. сумел перебраться на сторону коммунистов и стать министром лесного хозяйства.

Помнят и его двоюродного племянника Лю Сяна, тоже крупного военачальника, генерал-полковника 1-го класса сухопутных войск, сначала боровшегося за власть в Сычуани, а потом участвовавшего в антияпонской войне.

Представители самого старшего поколения помнят и самого Лю Вэньцай, как личность.

Немало крестьян, жителей уезда Даи провинции Сычуань, откуда родом Лю Вэньцай, утверждали в воспоминаниях, что помещика Лю можно назвать великодушным, потому что тот нередко поддерживал земляков в трудные моменты, помогал в беде односельчанам, особенно — на склоне лет. Например, в 1942 г. он построил дорогу, соединившую административный центр провинции город Чэнду с уездным городом Даи. Он же построил плотину Ваньчэн, а также две электростанции.

Но наиболее известна возведенная Лю Вэньцаем в 1942 г. средняя школа, в которую он вложил практически все свои оставшиеся сбережения — 300 млн юаней (по тем временам — более 2 млн долларов). Она носила его имя и была украшена мемориальной доской, на которой указывалось, что все имущество должно принадлежать самой школе, и никто из его наследников — ни дети, ни внуки —

*Лю Вэньцай (справа) у школы,
построенной им в 1942 году*

не могут на него претендовать. Они имеют право лишь раз в году провести ревизию и навести порядок в финансовых делах. Вмешиваться в остальные сферы деятельности школы никто не имеет права. Школа занимает площадь более двух тысяч му.

«В этой школе Лю Вэньцай нередко освобождал от оплаты учебы бедных, но одаренных детей. Вот таким был всем известный «деспот» — рассказывали Лю Сяофэю местные жители и, зная, чей он внук, наперебой приглашали его отобедать.

Ныне школа является англо-американским частным заведением, где обучаются одаренные дети. Выпускники продолжают обучение в престижных европейских вузах. Школа считается одной из лучших в Китае.

Когда корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» расспрашивал местных жителей о Лю Вэньцае, один из них, 89-летний Дай Жуняо (戴荣耀), сказал следующее: «Если вы спросите у нас, считают ли местные Лю Вэньцай хорошим человеком, я отвечу: да, считаем его

очень хорошим!» А 86-летний Чэнь Фахун (陈发红), работавший у Лю Вэньцая, добавил: «Он кормил работников рисом и мясом. Вообще был добрым и мягким человеком. А когда пришли коммунисты, мы стали питаться травой и отрубями».

В 1992 г. в уезде Даи выбирали имена исторических личностей, внесших наибольший вклад в развитие их города, и большинство жителей, в первую очередь, назвали Лю Вэньцаю.

Делясь воспоминаниями, местные крестьяне рассказывали, что Лю Вэньцаю брал за аренду земли намного меньше, чем впоследствии приходилось платить зерном в виде налога при правлении коммунистов. Каждый раз во время празднования Нового года помещик Лю навещал крестьян, помогал решать проблемы наиболее бедным семьям. Обладая способностью решать дела по справедливости, Лю Вэньцаю всегда оказывался главным посредником, который разрешал междоусобные споры, за что крестьяне нередко называли его «великим благодетелем Лю».

Одна из гонконгских газет писала в 1949 г., что в Сычуани немало богатых помещиков, и Лю Вэньцаю занимает среди них 33 позицию. У него имелось немало земли и, конечно же, приходилось нанимать работников для ее обработки.

Как утверждали местные жители Лю Юаньфу (刘元富) и Лю Цзэгао (刘泽高), с которыми тоже беседовал внук Лю Сяофэй, помещик Лю Вэньцаю финансировал создание в Анжэни подпольного партизанского отряда численностью в 50 человек. Он снабжал их оружием и продовольствием, а также позволил партизанскому штабу разместиться у него в усадьбе, а на территории усадьбы своего троюродного племянника, который жил неподалеку, организовал для подпольщиков занятия по строевой подготовке и изучение документов компартии.

Правда, в официальных сведениях, описывающих уезд Даи, изданных в 1990 г., хотя и подтверждается факт финансирования Лю Вэньцаем партизанского отряда, однако акцент делается на том, что партизаны сами добыли оружие у классового врага-помещика.

Любопытно привести и воспоминания личного повара Лю Вэньцая. В 2008 г. тому исполнилось 90 лет. Звали его Лю Юйлинь (刘玉林) и проживал он в селении Ваяоцунь — «гонимая печь»⁷ (瓦窑村) — поселка Аньжэнь. «Я стал поваром известного человека

---

⁷ Ваяо (瓦窑) — дословно переводится «печь для обжига черепицы», но имеет и другой перевод: так презрительно говорят о женщине, производящей на свет лишь девочек.

в 1936 г., в период Китайской Республики, и проработал у него два года. Ему нравилось, как я готовлю сычуаньские острые блюда — «цыпленка со вкусом апельсина» (陈皮鸡), «курицу по-гуйчжоуски» (贵州鸡), «цыпленка рябой тетушки Ма» (麻子鸡). Еще он любил копченую солонину.

Пятый господин не был особо разборчивым, не гнался за изысками, не придирался. Мог довольствоваться постными блюдами из овощей и супом из соевого творога. Если подавали засоленное мясо, — мог и его немного съесть. Не любил карпа и толстолобика, зато любил маленьких карасей размером с ладонь, никакую другую рыбу не ел. Говорят, он часто употреблял абалонов и акулы плавники... У нас не было возможности добывать такую невидаль, никогда их не видел! Куриные и утиные лапки он тоже не особенно любил, хотя многие утверждают обратное; а если и ел иногда, то прежде замачивал их в соленом растворе и отбрасывал косточки.

Еще, я слышал, утверждают, что у него жило несколько кормилиц, и пятый господин якобы пил их молоко! Глупость все это! Из женщин в доме проживала лишь разведенная вторая сестрица Лю, которая управляла хозяйством. Еще были разнорабочие женщины, которые занимались уборкой, кипячением воды и пр., прислуги имелось немало. Гораздо позже возникли вдруг две женщины, которые стали лгать о пятом господине. Одна из них — Лэн Юэин, которая утверждала, что сидела в водяной темнице... У пятого господина такой отродясь не было! Не стоит верить ни единственному ее слову! Она — активистка и стремилась вскарабкаться вверх.

Еще одна, кажется, из рода Гун, говорит всем, что сдаивала у себя молоко, чтобы кормить пятого господина... Вранье все это! Еще говорят о маленьких и больших доу, с помощью которых пятый господин обманывал крестьян... И это — ложь! Не было такого! Еще придумывают, что он подыскивал молодых людей, чтобы переливать себе их молодую кровь? Не знаю, я о таком не слышал никогда. Я лишь готовил и подавал еду, а потом убирал посуду.

Ко мне пятый господин относился хорошо, я проработал у него два года, и он ни разу не накричал на меня, не бранился. Он вообще со всеми разговаривал спокойно и приветливо. Помню, я только пришел к нему, проработал совсем недолго, и вдруг к его усадьбе подошла моя жена; она ждала на улице, чтобы я дал ей немного зерна, а было это в феврале или марте — наши запасы заканчивались. Я побежал к пятому господину с просьбой дать мне 2 доу риса; он тут же согласился и дал мне 16 доу, — намного больше!»

Восковые фигуры трех известных мужчин клана Лю сидят и улыбаются у входа в музей, и пояснения экскурсоводов беспристрастны: Лю Сян — один из представителей командного состава времен войны сопротивления Японии, Лю Вэньхуэй — один из министров Республики Китай, Лю Вэньцай — владелец усадьбы.

Мелкие торговцы продают у входа в музей записи документального телевизионного фильма киноканала «Феникс» под названием «Вся правда о крупном помещике Лю Вэньцае», и в этой ленте имеется интервью с внуком помещика Лю Сяофэем.

За пределами усадьбы нигде не встретишь никаких политических лозунгов, а в музее висит огромный плакат с пояснением: «Фигуры, отлитые из металла, знакомят с традиционной жизнью в помещичьей усадьбе; мы можем перенестись сквозь годы, почувствовав аромат прекрасной старины, услышав мелодии, звучавшие 100 лет назад».

А еще можно увидеть вертикальные надписи: «Продолжаем писать легендарную историю семейства Лю, которое проживало в усадьбе 100 лет назад» и «Передаем потомкам квинтэссенцию человеческой культуры, знакомя со светом и тьмой».

Последняя часть экспозиции представляет собой комнату, где выставлены пустые гробы семейства Лю, красиво расписанные, покрытые лаком. В табличке указано, что они изготовлены по приказу Лю Вэньцай для него самого и членов его семьи. Один из гробов предназначен для сына помещика — Лю Юаньхуа, отца Лю Сяофэя.

Несчастный сын Лю Вэньцай — Лю Юаньхуа в возрасте 88 лет встретил «культурную революцию», в ходе которой неоднократно подвергался критике, политическому преследованию и побоям. Бедолага неоднократно пытался покончить с собой, но — неудачно: остался жив. В 2011 г. он еще здравствовал, правда, был лишен права воспользоваться гробом, заранее приготовленным для него отцом.

Когда посетители музея спрашивают у сына этого старца, пенсионера Лю Сяофэя, припасен ли в особой комнате гроб и для него, Сяофэй удивленно отвечает: «Для меня? Не знаю, честно говорю, — не знаю!»

Его цель — показать как можно большему количеству соотечественников истинное лицо своего деда и, в то же время, понять самому, каким образом представителям компартии удалось с помощью лжи породить политическое движение. В те времена, как утверждает Лю Сяофэй, члены его клана с недоверием относились к компартии, что — естественно для такой социальной среды.

«Хорошего человека представили, как дикого зверя! — возмущается внук. — Если я буду выступать за справедливость, то, надеюсь, в нашей стране больше не смогут совершать подобных ошибок!»

3.5. Можно ли вернуть доброе имя?

Спустя почти полвека после создания на территории усадьбы знаменитой композиции, иллюстрирующей страдания крестьян от помещика-мироеда, отношение людей к семье Лю изменилось. Один из посетителей музея, мототаксист по фамилии Ван заявил корреспонденту: «Лю Вэньчай построил в Аньжэни школу, она и по сей день действует; он построил плотину, — разве это плохие дела? Так что образ свирепого помещика, выведенный в скульптурной композиции, не очень-то вяжется с реальным человеком, который сделал немало добрых дел».

Гордясь тем фактом, что, по признанию горожан, его дед-помещик внес наибольший вклад в развитие города, Лю Сяофэй, общаясь с посетителями музея, горячится: «Так что дорогу он строил для людей, а не для «Форда», которого у него не имелось. Утверждаю: в музее нет ни одного подлинного экспоната!»

Внук Лю Сяофэй, вновь и вновь взывающий к справедливости, пишет: «Писатель Ху Пин (胡平) в произведении «В состоянии войны» (战争状态) утверждает, что мой дед первым в провинции Сикан начал выращивать опиум и в течение долгого периода продавал его. На юге Сычуани он на каждые 10 дворов открыл по одной опиекурильне, в результате каждый третий житель становился наркотически зависимым. Еще писатель утверждает, что мой дед придумал более 150 видов налогов, которые собирал с жителей юга Сычуани. Все видят лишь «плоды» деятельности моего деда, но никто не задумывается о причинах!»

Фрагмент скульптурной группы

Доцент Чунцинского педагогического университета по имени Тань Сун (谭松) оказался еще одним «человеком со стороны», проявившим сочувствие к исследованиям Лю Сяофэя. Пытаясь помочь родственнику знаменитого помещика, он, начиная с 2008 г., стал ежегодно ездить в Аньжэнь, опросив более 30 человек, знавших Лю Вэньцзя: батраков, арендаторов земли и соседей.

В результате он, в принципе, пришел к тому же выводу, что и Ху Пин, Янь Лешань (鄢烈山) и другие. Он также не одобрил методы, с помощью которых внук Лю Сяофэй отстаивает свою правду, выступая с речами: так можно легко испортить отношения с работниками музея. Особенно доцента отталкивает то, что, оценивая и яростно критикуя определенный исторический период, Лю Сяофэй употребляет нецензурную лексику.

Будучи исследователем в области литературы и истории, Тань Сун считает, что в таком вопросе не должно быть места эмоциям. В истории нет «плохого» и «хорошего», черного и белого. Нельзя осуждать «культурную революцию» языком «культурной революции», и негоже методами *хунвэйбинов* реагировать на тех же *хунвэйбинов*, как непозволительно «еще раз использовать гроб, которым когда-то уже пользовались по назначению».

Лю Вэньцзя довольно часто вспоминают в Китае по разным поводам и причинам, и многие в обществе пытаются высказать свое

мнение и отношение к нему. Некоторые пользователи Интернета даже страшное землетрясение в Сычуани 2008 г., которое привело к многочисленным жертвам и разрушениям, связали с именем известного «злодея». А есть и такие, кто пишет, что аренда, которую собирал Лю Вэньцай за пользование землей, гораздо меньше, чем тот налог, который вынуждены выплачивать государству нынешние крестьяне.

Кто-то на просторах всемирной паутины утверждает, что в ходе политики реформ и открытости многие получили свои первоначальные накопления, или, как выражаются китайцы, — «первую бочку золота», используя такие жульнические приемы, что в этом намного переплюнули известного «помещика-миродея».

Если говорить о его исторической роли, то Лю Вэньцай известен как старший брат и главный помощник Лю Вэньхуэя, занимавшего такие посты и должности, как командир 24-й дивизии, председатель правительства провинции Западная Сычуань. При этом в приоритете для братьев всегда оставались интересы их клана Лю. И если для семьи оказывалось выгодным совершать какие-то противоправные, преступные действия, братья их совершали; а если материальную пользу могли принести добрые поступки, братья поступали соответственно. Так что сложный образ Лю Вэньцая нелегко охарактеризовать однозначно.

Если говорить об официальной позиции, то следует отметить, что китайские сайты, на которых размещены записи внука знаменитого помещика Лю Сяофэя «Разоблачение: вся правда о поместье Лю Вэньцай» (揭秘：“刘文彩庄园”的真相!) и выдержки из книги Чэнь Миня «Подлинная история Лю Вэньцай», снабжены предупреждением «中国禁闻» — «государством запрещено к просмотру».

Глиняные фигуры во «дворе сбора аренды» по-прежнему являются смысловым центром экспозиции, демонстрируя различные сценки-истории с конкретными персонажами, хотя внук помещика Лю убеждает посетителей, что, согласно его исследованиям, ни одна история не является подлинной.

После экскурсии Лю Сяофэя и его пояснений посетители музея нередко задают вопросы:

— Может ли измениться отношение к Лю Вэньцаю?

— При нынешнем правительстве — нет, — отвечает внук помещика.

3.6. Итоги. Три Лю — три разных жизненных пути

Военачальник Лю Сян, с которым боролись за власть в Сычуани его дяди Лю Вэньхуэй и Лю Вэньцай, стал известным генералом, воевавшим против японских захватчиков (1937–1945); во время войны сопротивления Японии он погиб. Об этом уже говорилось вскользь, но о последних годах жизни героя стоит рассказать подробнее.

Если оглянуться на более раннюю историю, то Чан Кайши, возникнув на политической арене, неоднократно использовал Лю Сяна в борьбе против коммунистов. Но и между ними двумя — Чаном и Лю — происходила борьба за право контроля над Сычуанью. Едва Красная армия начала свой Великий поход (1934–1935), Чан Кайши приказал Лю Сяну отправиться в Нанкин для обсуждения вопроса «как истребить коммунистов».

Лю Сяна же обуревали сомнения, сердце подсказывало: если цель Красной армии — Сычуань, то мы с ней, конечно, не справимся. Если же коммунисты лишь пройдут через нашу территорию и двинутся дальше, — проблем не будет. А вот если Чан Кайши воспользуется этим случаем и направит войска в Сычуань для борьбы с коммунистами, мы вместе с ним одержим победу, и тогда... кому достанется Сычуань?

И действительно, в январе 1935 г. Чан Кайши направил в Чунцин группу советников в количестве более двух тысяч человек, номинально — для того, чтобы проводить инструктаж «по подавлению бандитизма», на самом же деле — чтобы прибрать к рукам военную администрацию провинции.

А в это время Красная армия центрального района как раз приготавлилась переправляться через Янцзы на участке между городскими округами Лучжоу и Ибинь, чтобы на севере или западе Сычуани соединиться с другими частями Красной армии. Лю Сян отдал приказ подчиненным: «Если Красная армия на севере провинции Гуйчжоу не станет подвергать опасности нашу политическую власть, то мы лишь будем делать вид, что сражаемся, чтобы сохранить свои силы. Ни в коем случае не станем сопротивляться». Красная армия из Гуйчжоу стремительно овладела мостом Лудинцяо и быстро продвинулась на северо-запад Сычуани, захватив этот район. Лю Сян вздохнул с облегчением.

В мае того же года Чан Кайши прибыл в Чунцин и собственноручно подписал указ о лишении Лю Сяна военной власти и права командования. Независимые вооруженные силы Чана очень быстро взяли Сычуань под контроль. Отношения между Чаном и Лю обострились до предела. К тому моменту большая часть вооруженных сил Сычуани сосредоточилась в районе города Чэнду, чтобы предотвратить удары извне.

Чан Кайши приказал Сычуаньской дивизии выдвинуться на разгром Красной армии, однако командиры тянули время, чтобы сохранить свои силы: на словах не возражали, а фактически, занимая выжидательную позицию, способствовали продвижению Красной армии на север провинции.

В противостоянии Чан Кайши генерал Лю Сян постепенно изменил свою позицию: полевой командир, который ранее поддерживал генералиссимуса и выступал против коммунистов, захотел принять участие в местной группировке, которая участвовала в войне против японских захватчиков. В 1937 г., после инцидента на мосту Лугоу, Лю Сян направил по телефону рапорт Чан Кайши о намерении направиться добровольцем на фронт для борьбы с японскими захватчиками.

7 августа он самолетом прибыл в Нанкин для участия в Совете национальной обороны. В выступлении он заявил, что Сычуань может направить 300 тыс. бойцов, а также мобилизовать 5 млн новобранцев для сражения с японцами, провианта может предоставить несколько десятков тысяч *даней*. Национальное правительство Гоминьдана назначило Лю Сяна командующим войсками на 7-м театре военных действий с командным пунктом в городе Чжэнчжоу (鄭州), что в провинции Хэнань, и Лю Сян тут же отправился в путь.

Отправляясь на фронт, Лю Сян был уже очень болен; из-за проблем с желудком он то и дело откашливался кровью. Подчиненные советовали ему отдохнуть, полечиться, однако тот неизменно отвечал: «Я столько лет вел войны в собственной стране, и это не сделало мне чести. А теперь представилась возможность отдать жизнь за Отечество, так как же я могу отсиживаться, занимаясь здоровьем?»

Историю сражения сычуаньцев с японцами можно назвать яркой и героической. Согласно историческим документам, за 8 лет войны сычуаньцы предоставили более 3 млн бойцов, при этом в боях погибло 264 тыс. человек, ранения получили 356 тыс., пропали без вести 26 тыс. военных, — т.е. больше, чем из других регионов страны.

В середине ноября 1937 г. «японские грабители» (日寇), как презрительно китайцы называли агрессора, пробились к пригороду Нанкина. Прослышав об этом, Лю Сян выделил две сычуаньские армии для защиты столицы и взял на себя обязанности командующего фронтовыми частями. В телеграмме, направленной Чан Кайши, он написал: «Будучи хворым физически, я готов жить или погибнуть вместе с Нанкином. Сознавая свою правоту, я умру счастливым».

К сожалению, вскоре язва желудка у Лю Сяна обострилась, и его срочно госпитализировали в больницу города Ханькоу. Едва наступил новый, 1938 год, как состояние стало критическим, и вечером 20 января Лю Сян скончался в возрасте 48 лет.

Младший брат помещика Лю Вэньцзя, Лю Вэньхуэй, будучи известным милитаристом, объединил свои войска с армией коммунистов, чтобы вместе выступить против Чан Кайши. Разве могли тогда члены семейства Лю предположить, что после установления власти коммунистов весь их клан в течение более десятка лет будет подвергаться гонениям, натерпится столько невзгод и горя, и четверть людей из их рода погибнет от репрессий?

Еще раз вкратце вспомним уже описанные события. В 1935 г. племянник Лю Сян выгнал из Чэнду 40-летнего Лю Вэньхуэя, и тот оказался в Яни, заняв должность председателя комитета провинции Сикан. 1 января 1939 г. Национальное правительство Гоминьдана уже официально назначило Лю Вэньхуэя Председателем провинциального правительства.

Лю Вэньхуэй давно поддерживал отношения с представителями компартии. В 1935 г. Чан Кайши приказал ему соорудить бастион на берегу реки Даду (大渡), чтобы удерживать позиции. Однако Лю, сломленному поражением в войне с племянником, уже не хотелось сражаться с Красной армией: свои силы он чувствовал подорванными, поэтому принял курс на «охрану, но не нападение», и вовсе не торопил подчиненных начать строительные работы.

Лишь когда бойцы Красной армии подошли к мосту, войска Лю Вэньхуэя, которые должны были защищать его, только прибыли и начали убирать сходни. Такое промедление со стороны «защитников» помогло Красной армии мгновенно захватить мост Лудинцяо.

В период антияпонской войны Лю Вэньхуэй неоднократно встречался и общался с высокопоставленными представителями компартии, такими как Чжоу Эньлай (周恩来), Дун Биу (董必武), Линь Бочюй (林伯渠), и, в конце концов, пошел по пути восстания (правда,

в самом начале он хотел оставить для себя путь к отступлению). В сентябре 1949 г. Лю Вэньхуэй получил телеграмму от Чжоу Эньлая, в которой говорилось, что армия коммунистов собирается двинуться на запад, и Чжоу надеется, что Лю хорошо к этому событию подготовится, уловив нужный момент.

Тщательно все обдумав и взвесив, Лю Вэньхуэй принял решение перейти на сторону коммунистов и поднял восстание. После такого предательства Чан Кайши велел произвести обыск в его домах, у членов его семьи.

Ради спасения жизни бывший генерал Вэньхуэй вытерпел немало унижений и отказался от всего имущества.

В конце 1948 г. он принял решение вступить в партию, однако вовсе не потому, что «войско стояло у стен города» (兵临城下), и у него не было иного выхода, как утверждали позже представители администрации Сычуани. Он более года обдумывал такой шаг и обращался в ЦК КПК с вопросом, как отнесутся к нему лично и его родне, если он вступит в ряды партии. Ему ответили: «Землю отдашь государству, а имущество оставишь себе». Лю Вэньхуэй решил на этот шаг, а также посоветовал госпоже Ян, супруге покойного брата, не эмигрировать, а остаться в стране и вместе с ним вступить в компартию. (Потомки милитариста сейчас утверждают, что в компартию он так и не вступил).

После вступления в компартию Лю Вэньхуэя пригласили на работу в город Чунцин, и его родня стала постепенно возвращаться в Чэнду. При этом все обнаружили, что их усадьбы и имущество захвачены посторонними людьми, которые не позволяли хозяевам заходить в свои дома. Пришлось возвратиться в Аньжэнь, на родину предков. Но и там все усадьбы клана Лю оказались захваченными расположившимися там бойцами освободительной армии КПК, недавно вернувшимися из военного округа Тибета.

Большая часть из них расквартировалась в поместье Лю Вэньхуэя, жилище Лю Вэньцая тоже оказалось заполненным до отказа. Это был период, когда войска Гоминьдана только-только покинули Сычуань, а бойцы освободительной армии только вошли туда, т.е. задолго до начала движения за аграрную реформу.

После проведения земельной реформы администрация компартии Сычуани получила информацию о том, что у Лю Вэньхуэя имеется определенная сумма денежных средств, и стали давить на супругу почившего Лю Вэньцая, а также на братьев Вэньхуэя, требуя заплатить «штраф» за нещадную эксплуатацию в прошлом. Лю Вэньхуэй,

будучи «понятливым» человеком, отдал все, что имел, ради спасения своих родственников.

Его, безусловно, можно назвать представителем *шэньши* (紳士), просвещенной деревенской интеллигенции, потому что бывший милитарист всегда проявлял относительно высокую политическую сознательность. В период земельной реформы он высказался на одном из собраний: «Раньше я являлся крупным землевладельцем, сейчас же, безусловно и безоговорочно, отдал всю землю крестьянам». Позиция Лю Вэньхуэя вызвала горячее одобрение со стороны присутствовавших на собрании сотрудников.

В период «культурной революции» на дверях жилища Лю Вэньхуэя наклеили *дацзыбао* со словами: «Младший брат Лю Вэньцяя все еще живет в этом доме!» Вскоре *хунвэйбины* конфисковали имущество бывшего милитариста, а председатель правительства Чжоу Эньлай, прослышав об этом, отправил Лю в госпиталь НОАК, пытаясь защитить его от расправы.

Представители главного управления ЦК компартии люто ненавидели и притесняли клан Лю. Одна из двух жен Лю Вэньхуэя — Ли Чжугань (李助干), проживавшая в Чэнду, чудом избежала смерти. В 1965 г. эту Ли, которой было уже за 60, отправили в деревню для перевоспитания, где ее водили по улицам, подвергая критике. Через несколько месяцев физических и моральных страданий она скончалась.

Оказавшись «пролетариатом», Лю Вэньхуэй поселился в казенном жилье, где ему не принадлежала даже мебель. Ежемесячно он получал чуть больше 400 юаней, и так — вплоть до своей кончины в 1976 г. В год смерти он сказал своим друзьям: «О деньгах я не жалею, и отдал их без остатка. Но все представители нашего рода — образованные люди, знающие классическую поэзию и этикет. И для нас очень важны престиж и доброе имя. И это я прошу вернуть мне».

В 1955 г. Центральное народное правительство вручило Лю Вэньхуэю орден «Освобождение» 1-й степени. Далее он занимал должности заместителя председателя Военно-политического совета юго-западной части Китая, заместителя председателя Народного политического консультативного совета провинции Сычуань. В 1959 г., когда бывшему милитаристу исполнилось уже 65 лет, его назначили министром лесного хозяйства. Он переехал в Пекин, где получил жилье в восточной части города, в Историческом переулке, в *сыхюане*, известном тем, что там в свое время проживал «красный капи-

талист» Жун Ижэнь⁸ (荣毅仁). С тех пор Лю Вэньхуэй часто посещал с инспекцией Цзянси и другие территории, изучая ситуацию с развитием лесных ресурсов, отдавая все силы развитию лесоводства в Китае.

Бывший милитарист являлся депутатом Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 1-го, 2-го и 3-го созывов, членом постоянного комитета ВСНП 4-го созыва, членом Всекитайского Народного политического консультативного совета (ВК НПКС) 1-го созыва, членом постоянного комитета НПКСК 2-го, 3-го и 4-го созывов. Он также избирался председателем ЦК РКГ (Революционный комитет Гоминьдана на стороне Революции) и председателем комиссии 2-го созыва провинциального партийного комитета РКГ.

На склоне лет Лю Вэньхуэй редко вспоминал прошлое, но часто повторял: «Занятие политикой — скучное и бессмысленное дело!»

В 1973 г. второй сын помещика Лю Вэньцяя по имени Лю Юаньхуа приехал в Пекин, чтобы повидаться с младшим братом отца Лю Вэньхуэем. Когда племянник вошел, дядюшка разрыдался и попросил своих внуков удалиться из комнаты. Рядом остались лишь три человека: Лю Юаньхуа, его супруга и его сын по имени Лю Сяофэй. Рыдая, дядюшка Лю Вэньхуэй, обратился к племяннику и сказал лишь одно слово: «Прости!»

В 1975 г. у Лю обнаружили онкологическое заболевание, и его вновь положили в больницу. В начале января 1976 г. Лю Вэньхуэй узнал о смерти Чжоу Эньлая, который в последнее время так заботился о нем, и очень горевал по этому поводу, даже попросил отнести его на носилках в городской морг, чтобы попрощаться с телом премьер-министра. А вскоре и сам Лю Вэньхуэй в очередной раз попал в больницу, где скончался 24 июня 1976 г. в возрасте 82 лет.

Этот яркий человек, полный великих устремлений, служил в армии, был и на государственной службе. Когда-то ему казалось, что он живет в атмосфере яростного сражения, а его последние годы можно назвать монотонными и бесцветными. На смертном одре он неоднократно повторил родственникам последние слова: «Так и быть... так и быть...».

---

⁸ Жун Ижэнь — китайский предприниматель, политический деятель, член Ассоциации демократического национального строительства Китая, член компартии. Занимал должность заместителя председателя КНР.

Еще одна известная личность из рода Лю — Лю Вэньцай (1888–1949). Люди узнали о нем лишь после освобождения благодаря глиняным изваяниям с громкими названиями, установленным в бывшей усадьбе помещика. В 50-60-х годах прошлого столетия фигуре помещика Лю придали политический характер, и в угоду официальной идеологии фабриковали фальшивые факты, измышляли не существовавшие эпизоды.

Наш современник, внук помещика Лю Сяофэй, в течение многих лет подвергался критике со стороны сотен людей; с ним «боролись» на многочисленных собраниях, его бранили, и ссоры нередко перерастали в драки, а однажды его едва не лишили жизни. В молодости ему помогала безрассудная удача, и лишь через много лет, вспоминая о ненависти земляков, он начинал испытывать запоздалый страх. Волна безумия по отношению к помещику и его родне стала спадать лишь в 1980-е годы.

23 марта 2010 г., в праздник поминовения усопших Цин-мин, в бывшей усадьбе Лю собрались практически все потомки знаменитой фамилии, которые приехали из разных уголков Китая и из-за границы, — более тысячи человек. Такого количества устроители не ожидали увидеть, поэтому для 200 человек не хватило даже стульев. Встретившись в уезде Даи, многие из родственников, пережившие в свое время травлю и несправедливое отношение, высказались о том, что хотели бы вернуть доброе имя себе и предкам.

Музей-усадьба до сих пор содержится в безупречном состоянии и внесена в список наиболее важных охраняемых культурных памятников страны.

Заключение

Работа посвящена одной из самых известных личностей в Китае, начиная с 1966 г. по настоящее время. Чем же «прославился» обычный помещик из провинции Сычуань? В начальный период «культурной революции» один из высоких чиновников этой провинции, стремясь выслужиться перед руководством страны, представил местного помещика Лю Вэньцая как образец самого страшного мироеда-эксплуататора в Китае «за последние 3000 лет». В результате по всей стране развернулась пропагандистская кампания против классовых врагов, символом которых стал помещик Лю.

В рамках этой кампании на территории бывшей усадьбы клана Лю создали т.н. «музей страданий», центром которого явилась скульптурная композиция, иллюстрирующая реальные и вымышленные эпизоды злодеяний «мироеда». Ансамбль постоянно обновляли и расширяли, благодаря чему он сохранился по сегодняшний день. Композиция представляет собой жанровые сцены, иллюстрирующие деспотизм Лю Вэньцая. Скульптурные группы пользовались таким успехом, что их возили по всей стране и даже представляли за рубежом, а позже сделали копии для экспозиций в крупнейших городах Китая, чтобы и их жители могли «наглядно» убедиться в реальности жесточайшей эксплуатации крестьян со стороны китайских феодалов.

Кроме того, сформировалась целая группа «пострадавших» от свирепого помещика мужчин и женщин, которые в течение многих лет гастролировали, как настоящие звезды, по всей стране и за рубежом, рассказывали сочувствующим слушателям слезливые истории о своих страданиях и увечьях, полученных от Лю Вэньцая.

Информационная кампания вокруг Лю Вэньцая и противоречивая оценка его деятельности сопровождалась подтасовкой исторических фактов, организацией лжесвидетельств, созданием книг, кинофильмов, альбомов и даже изданием учебников для учеников младших классов с разоблачением и осуждением одиозного помещика.

Использование в официальной пропаганде личности Лю Вэньцзя дает представление о формах и методах работы информационных служб КНР в те далекие годы. Данное исследование является важным для понимания того, как в современных условиях формируется информационная политика Пекина, а также для осознания форм и методов деятельности новых медиа не только Китая, но и других стран, использующих в информационной работе ложь и подтасовки, что позволяет манипулировать общественным сознанием в интересах тех или иных политических сил, формировать искаженное общественное мнение с целью реализации политических задач внутри страны и на международной арене.

Кроме того, работа станет полезной для историков, которые занимаются исследованием процессов, происходивших в Китае в 20–30-е годы прошлого столетия, когда в условиях хаоса и разваливающейся центральной власти, противостояния компартии и Гоминьдана ситуацию осложняли междоусобные войны милитаристских группировок.

Тема жизни и деятельности помещика Лю, а также использование его личности в различных пропагандистских целях в угоду текущим на тот момент лозунгам КПК в отечественном китаеведении поднимается впервые, поэтому данная работа будет интересна востоковедам, занимающимся изучением проблем социального развития Китая.

Summary

This work is dedicated to one of the most famous personalities in China. The author shows the story of Liu Wen-cai, a landowner from Sichuan, who became popular in 1966 and up to the present day his name is still widely known. Why is he so famous? In the early period of the “cultural revolution”, one of the high-ranking officials of this province, in his attempt to gain favor with the country’s leaders, introduced the local landowner Liu Wen-cai as an example of the most terrible exploiter in China over the past 3,000 years. As a result, a propaganda campaign was launched across the country against class enemies, the symbol of which became the landowner Liu.

As part of this campaign, officials built the so-called “museum of suffering”, the center of which was a sculptural composition illustrating real and fictional episodes of the Liu’s atrocities. The composition was constantly updated and expanded, and thanks to this fact it has been preserved until present. The composition consists of genre scenes illustrating the despotism of Liu Wen-cai. The sculptures were so successful and widely known that they were transported throughout the country and even presented abroad. Later different local officials made copies for exhibitions in the largest cities of China, so that their residents could “clearly” see the reality of the brutal exploitation of peasants by the Chinese feudal lords.

Moreover, a whole group of “victims” that suffered from the ferocious landowner was formed in order to confirm that all these atrocities happened in reality and to intensify emotive effect. Men and women, who for many years toured like real stars throughout the country and abroad, told tearful stories about their sufferings and injuries received from landowner Liu Wen-cai.

The information campaign around Liu Wen-cai and the contractive nature of his activities were accompanied by fabrication of historical facts, organization of perjury, books writing, movie-making, and even the publication of albums and textbooks for elementary school students exposing and condemning the atrocities of this landowner.

The use of Liu Wen-cai's personality in official propaganda gives an idea of the forms and methods of work in information services of the PRC at that time. This thorough study of L. Isaeva is important for understanding how the information policy of Beijing is being shaped in modern conditions, as well as for understanding the forms and methods of new media activity not only in China, but also in other countries that use fake news in information activities, which allow to manipulate public consciousness in the interests of certain political forces, to form a distorted public opinion in order to fulfil political tasks within the country and in the international arena.

In addition, the work will be useful for historians who study the processes that took place in China in the 20–30s of the last century. That period was marked by chaos as a result of the collapsing central authority, the confrontation of the Communist Party of China and the Guomindang and internecine wars of militarist groups.

The topic of life and work of landowner Liu, as well as the use of his personality for various propaganda purposes in order to please the Chinese Communist Party's current slogans, is raised for the first time in national sinology, so this work will be interesting to sinologists who specialize on social development of China.

Примечания

¹ Царство Шу занимало большую часть Сычуаньской котловины, окруженной со всех сторон горами. На востоке оно граничило с царством Ба, представлявшим собой конфедерацию племен. Из-за особенностей своего географического положения царство Шу существовало в значительной изоляции от северо-китайских царств, от которых оно было отрезано горами. Первое его упоминание относится к 1046 г. до н.э., когда шусцы участвовали в решающей битве между Шан и Чжоу при Му-е, на стороне последних.

Об этнической принадлежности населения Шу нет надежных сведений, однако известно, что оно не было китайским. Предполагается, что это были тибето-бирманские племена. Столица царства Шу находилась в открытом в 1986 г. археологическом районе Саньсиндуй. Это поселение в 40 км к северу от Чэнду, существовавшее примерно в 2050–1250 гг. до н.э., являлось политическим центром довольно обширного царства. Поселение располагалось на берегу реки Янцзы, огороженное рвами и земляными валами.

Во время археологических раскопок в Саньсиндуй на территории уезда Гуанхань провинции Сычуань в 1970-х годах обнаружили множество артефактов, которые специалисты относят к культуре царства Шу. Предметы из слоновой кости, нефрита, бронзы, золота и резьба по камню свидетельствуют об уникальной цивилизации, существовавшей в этих краях до циньского завоевания. В 1986 г. китайские археологи раскопали две большие ямы для жертвоприношений, в которых обнаружили более тысячи уникальных изделий шуских мастеров.

Среди находок имеется большое количество бронзовых предметов, что свидетельствует о высокоразвитом искусстве цветного литья в Шу. Китайские исследователи обратили особое внимание на бронзовые маски с густыми бровями и большими глазами, правильным носом, приплюснутыми губами и без подбородка. Чертами лица они сильно отличаются от этнического типа современного местного китайского населения Сычуани и больше напоминают антропологический тип людей ближневосточных цивилизаций.

В 311 г. до н.э. генералы империи Цинь пошли в поход на царство Шу, которое в результате было превращено в вассальное княжество. При этом циньцы установили жесткий военный контроль над Шу, создавая свои гарнизоны и активно заселяя шускую территорию десятками тысяч китайских крестьян.

После завоевания земель Шу и Ба территория Цинь увеличилась более чем вдвое. Циньцы стали реализовывать амбициозный и долгосрочный план освоения Сычуани, создав там военный округ, укрепив Чэнду мощной стеной, введя новую систему администрации. В конечном счете циньская политика заселения и ассимиляции оказалась очень успешной, древняя самобытная цивилизация Шу была буквально стерта с лица земли. По данным раскопок, прежняя археологическая культура в Сычуани с этого периода резко меняется, найденные предметы становятся практически идентичными тем, что находят в Северном Китае.

ⁱⁱ Ло Сяхун (落下閔) — астроном времен династии Западная Хань. Годы жизни: 156–87 гг. до н.э. Его родина — городской уезд Ланчжун (閔中) провинции Сычуань. На родине, на горе Свернувшийся Дракон (蟠龙山), ученый создал первую в Китае обсерваторию, усовершенствовал прибор для наблюдения за армиллярной сферой. Такие усилия дали астроному возможность создать модель небесной сферы и календарь Тай-чу (太初历), который решающим образом повлиял на структуру календарной системы в Китае в целом. Жители царства Шу называли земляка-астронома «совершенномудрым гением».

Ло Сяхун выдвинул теорию «всеобъемлющего неба» и создал теорию космического происхождения Древнего Китая. Седьмой император династии Хань У-ди (汉武帝) пригласил своего земляка астронома Ло Сяхуна в столицу Чань-ань для обновления календарной системы, и он занял должность придворного летописца и астронома.

В то время в Китае действовало 17 видов календарей, но жители, в основном, пользовались «календарем Чжуан Сюя» (颛顼历), и его особенностью являлось то, что октябрь считался первым, а сентябрь — последним месяцем в году, а последовательность сезонов ученый распределил так: зима, весна, лето, осень. Такой календарь оказался не очень удобным для сельскохозяйственного производства.

Астроном Ло Сяхун подтвердил очередность четырех сезонов (о которых впервые сказал ученый Чжуан Сюя), однако весенний месяц *чжэнь* (正月) он определил, как 1-й, а зимний месяц *ла* (腊月) — как последний в году. Благодаря этому последовательность сезонов стала соответствовать сельскохозяйственным работам. Новая календарная система, предложенная Ло Сяхуном, значительно превосходила остальные календари по точности.

Еще одна заслуга великого астронома в том, что он впервые включил в календарную систему 24 сельскохозяйственных сезона. Это и заложило основу главного праздника в Китае — Нового года по лунному календарю в первый день первого месяца, который позднее переименовали в праздник Весны. У китайцев существует пословица: «есть деньги или нет — возвращайся в родной дом на новогодний банкет» (有钱没钱, 回家过年).

Не только в астрономии, но и в математике и агрономии ученый сделал немало новаторских предложений, которые высоко оценили современные научные круги.

Во время празднования Нового года европейцы вспоминают Санта-Клауса или Деда Мороза, а земляки известного астронома в городском уезде Ланчжун

считают, что у них существует свой «дедушка» — «дедушка праздника Весны», т.е. Ло Сяхун. Поэтому в период праздника на древних улицах Ланчжуна проводятся фестивали, и в нарядной толпе жителей можно увидеть седобородого старца с добрым лицом, в старинной одежде красного цвета, с посохом в руке.

ⁱⁱⁱ В обиходе членов тайного общества называли *хай-ни* — «веселые», «радостные» (от английского слова *happy*), официально — Общество Старших братьев (哥老会), и они являлись важной ветвью тайного союза Хун-мэнь (洪门), или Хун-бан (洪帮), существовавшего в Китае с XVII в. В общество входили, в основном, крестьяне, кустари и ремесленники, моряки, носильщики *кули* и бродячие торговцы-лоточники, приказчики, курьеры и всякий сброд без определенного вида занятий, празднующиеся. В спокойные времена они вели обычный образ жизни и отличались от остального населения лишь тем, что всегда приходили друг другу на помощь в случае необходимости, однако в смутные времена, для которых характерны социальные потрясения, члены тайного общества поднимали восстания.

Как только набиралось сто с лишним новых членов, открывали очередную ячейку и избирали старшего, *да-е* (大爷), который назывался *тобацзы* (舵把子). В одном регионе могло образоваться несколько ячеек и, соответственно, старших, поэтому дополнительно избирали еще и *цзун тобацзы* (总舵把子), т.е. главного *тобацзы*, который обладал наивысшим авторитетом среди обычных *да-е*.

Лю Вэньцай довольно рано присоединился к «клятвенным братьям» (袍哥), — когда жил в Сюйфу, потому что местные отряды деревенской самообороны состояли, в основном, из «клятвенных братьев». Чтобы держать их под контролем, Лю Вэньцай, несмотря на статус государственного чиновника, тоже вступил в тайное общество, переформировав отряды «клятвенных братьев» изнутри.

В тот период члены Общества Старших братьев по всей провинции сливали свои отряды с войсками милитаристов, и с течением времени влияние «клятвенных братьев» на политической арене заметно возрастало. Не только милитаристы Сычуани и Сикана, но и партия Гоминьдан (Китайская Национальная Народная партия), а также коммунистическая партия Китая стали бороться за привлечение в свои ряды «клятвенных братьев».

Под личным руководством Чжоу Энляя бурно развернулось движение «клятвенных братьев» Сычуани, возникло довольно большое количество «красных клятвенных братьев». Чан Кайши также прилагал усилия, пытаясь взять под контроль членов тайного общества, однако результаты оказались ничтожными. Дело в том, что изначально, в своем корне, «клятвенные братья» возникли, как протестная оппозиция, отрицающая существующий общественный порядок и обладающая естественным бунтарским духом по отношению к проводимой политике, а потому они по определению не могли сотрудничать с центральным правительством.

Фактически члены тайного общества Сычуани превратились в местные группировки, своеобразный щит, противостоящий вторжению Чан Кайши, стали самой могущественной оппозиционной политической силой народа провинции по отношению к центральному правительству Чан Кайши. Генералиссимус настолько боялся «клятвоженных братьев», что стал указами запрещать их существование, однако «налагание запрета» — всего лишь пустая бумага, которая ничего не могла изменить.

Бунтарский дух и огромная энергия «клятвоженных братьев» чрезвычайно воодушевляли Лю Вэньхуэя. В тот период производство опиума в Сикане процветало; для его выращивания и транспортировки требовались охрана и сопровождение, и все уезды Сикана наводнили большие партии боеприпасов и оружия. Динамично развивались местные вооруженные силы, и все они оказались в руках «клятвоженных братьев», так что прибрать к рукам членов тайного общества оказалось делом невозможным.

Лю Вэньхуэю удавалось довольно успешно контролировать «клятвоженных братьев» Сикана и благодаря его тонкому политическому чутью, умелому манипулированию, и благодаря особой ситуации в новой провинции. Он и привлекал новых членов, и управлял ими, опираясь на свою политическую власть и особенно — на 24-ю дивизию.

^{iv} Все серебряные деньги, которые начали выпускать в конце династии Цин, упрощенно называли *даянами*. *Даян* (大洋) — серебряный юань, серебряный доллар, или китайский доллар. Поскольку в верхней части серебряной монеты изображен свернувшийся дракон, то его еще называли «монета с драконом», *лунъян* (龙洋). Имели хождение и мелкие серебряные монеты *сяоян* (小洋).

После установления Китайской Республики в 1914 г. выпустили серебряную монету в 1 *юань* с головным портретом Юань Шикая, первого президента Республики. Такую монету в народе упрощенно называли «большая голова Юаня» (袁大头).

После того как в 1928 г. правительство переехало в новую столицу Нанкин, был выпущен новый образец серебряных денег с головным портретом Сунь Ятсена, основателя партии Гоминьдан. Поскольку данная монета размером оказалась меньше предыдущей, то ее по-простому называли «маленькая голова Суня» (孙小头). Эти монеты стали постепенно вытеснять мексиканские доллары *иньян* (鹰洋) и серебряные доллары с драконом *лунъян* (龙洋).

В 1935 г. провели денежную реформу, и серебряные *юани* были изъяты из обращения и заменены бумажными — *фаби* (法币), что переводится как «законное платежное средство». При этом 3 млн *фаби* соответствовали 1 «золотому юаню».

В период междоусобных войн милитаристов в каждой провинции имела собственная валюта со своими названиями, а также имели хождение и другие деньги: *инъян* (鹰洋) — мексиканский доллар, *чжаньжэнь*, или *чжаньжэньян* (站人洋), — гонконгский серебряный доллар, *бэньян* (本洋) — испанский реал и др.

^v Государственные экзамены *кэцзюй* (科举) в императорском Китае — неотъемлемая часть системы конфуцианского образования, обеспечивавшая соискателям доступ в государственный бюрократический аппарат. Система *кэцзюй* состояла из трех ступеней.

1. *Шэньюань* (生员), более широко известный как *сюцай* (秀才) — обладатель диплома первой степени. Экзамен проводился в региональных центрах ежегодно.

2. *Цзюйжэнь* (举人) — обладатель второй степени, присуждаемой на провинциальном уровне один раз в три года.

3. *Цзиньши* (进士) — обладатель высшей степени на экзамене, проводившемся в столице один раз в три года.

Начиная с XVI в. представители китайского чиновнического класса, сформированного при помощи этой экзаменационной системы, стали известны европейцам как *мандарины*. Необычное название не имеет ничего общего с ароматным апельсиновым плодом. Слово пришло из португальского языка (*mandarin* — министр, чиновник), а в португальский — из санскрита (*mandari* — командир, советник).

^{vi} Сикан (西康省) — провинция в юго-западной части Китайской Республики, на территории тибетской области Кам. Она имеет самую короткую историю в административном делении Китая, просуществовав всего лишь 16 лет (1939–1955). К ней относились территории, которые ныне в провинции Сычуань являются Гардзе-Тибетским (甘孜藏族自治州) и Ляншань-Ийским (凉山彝族自治州) автономными округами, а также городским округом Паньчжихуа (攀枝花市), городским округом Янь, районом Чамдо (昌都地区) в восточной части Тибетского автономного района и округом Ньингчи (林芝地区) Тибетского автономного района. На данной территории преобладают тибетская письменность и культура. Столицей провинции являлся город Кандин (康定), по-тибетски — Дарцедо, а в 1951–1955 гг. — город Янь.

Провинцию Сикан впервые было предложено создать в 1911 г., во время правления малолетнего императора Пу И. Она представляла собой территорию, заселенную, в основном, тибетцами. Эти западные места издавна считались полезными для здоровья, потому провинция и получила такое название: *си* — «западный», *кан* — «здоровый».

1 января 1939 г., наконец-то, было официально объявлено об учреждении провинции Сикан. Идея эта вынашивалась долгих четыре года до ее воплощения в жизнь. В своем ведении провинция имела 33 уезда и три временных управы в пограничной полосе. Площадь ее составляла 535 тысяч квадратных километров с населением более двух миллионов человек.

Западная часть провинции Сычуань — Специальный административный район Чуаньбянь была выделена в отдельную провинцию Сикан, западную часть которой в 1950 г. передали в состав Тибетского автономного района. В 1955 г. провинцию Сикан упразднили, а ее территория вновь вошла в состав Сычуани.

^{vii} В период Китайской Республики (1912–1949) в телеграфных текстах месяц обозначали с помощью знаков земного зодиакального цикла (12 Земных вет-

вей): 子、丑、寅、卯、辰、巳、午、未、申、酉、戌、亥. В то же время дату принято было обозначать названиями определенных разделов рифм в специальных «рифмовниках», например, 东, 冬, 江, 支 («Рифмический словарь» для написания стихов был выпущен в период династии Сун).

Телеграфная коммуникация появилась в Китае во времена династии Цин и поскольку отправление телеграфных сообщений стоило баснословно дорого, когда каждый иероглиф считался «золотым», в целях экономии изобрели такой способ исчисления дней. Например, «马日事变» («переворот в день Лошад») — «Переворот 21 мая», контрреволюционное восстание в Чанша в 1927 г.

Из «рифмовника» выбрали 30 разделов и ими обозначили 30 дней месяца, ибо в китайском традиционном «лунном» календаре всего 30 дней. Первые 15 дней получили названия разделов с «ровными тонами» (1-й и 2-й тоны в *путунхуа*). Следующие 10 дней — названия разделов с «нисходяще-восходящим» тоном (3-й тон в *путунхуа*), и 5 дней — названия разделов с «падающим» тоном (4-й тон).

Когда в Китае перешли на григорианский календарь, пришлось добавить еще один день, 31-й, и обозначили его иероглифом «世» — «мир», «вселенная» либо «引» — «вести». Впрочем, значение этих иероглифов не столь важно, потому что в «рифмовнике» их нет, а подобрали их по той причине, что «引» условно напоминает написание арабскими цифрами «31», а «世» — китайское написание «тридцатки» (卅) и «единицы» (一), соединенных вместе.

Просуществовал такой способ вплоть до образования КНР, т.е. более 70 лет. Впрочем, этот «шифр» используется и в иных областях и сферах по сей день, например, в личных дневниках.

^{viii} Коммунистическая партия Китая была создана в 1921 г. при содействии Коминтерна. В 1923 г. Гоминьдан и КПК заключили соглашение о формировании союза, вошедшего в историю как «Первый объединенный фронт». Благодаря тому, что Сунь Ятсену удалось договориться с правительством Советской России, на юг Китая прибыли советские военные советники, стало поступать оружие. При помощи советских военных советников Чан Кайши, возглавивший Гоминьдан после смерти Сунь Ятсена в 1924 г., разработал план объединения страны военным путем и в 1926–1927 г. организовал Северный поход, в ходе которого ему удалось разбить войска одних милитаристов и достичь соглашения с другими. В 1928 г. Китай формально вновь стал единым; столицей Китайской Республики был объявлен Нанкин.

Начало Японо-китайской войны привело к сближению между Гоминьданом и коммунистической партией Китая ради создания единого фронта борьбы против японской агрессии. 17 июля 1937 г. Чан Кайши выступил с заявлением о необходимости общенациональной борьбы сопротивления. 22 августа, сразу же по завершении советско-китайских переговоров и подписания договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой, гоминьдановское правительство издало приказ о преобразовании вооруженных сил КПК в 8-ю армию НРА. Уже 25 сентября 8-я армия нанесла поражение японцам в ходе Пинсингуаньского сражения.

^{ix} Пань Вэньхуа (潘文华) — генерал-полковник в то время являлся начальником по «умиротворению» пограничного района Сычуань — Хубэй — Шэньси. Его близость к Лю Сяну и преданность последнему являлись источником авторитета Паня среди старых сычуаньских заправил и местного населения. В провинции его называли «отцом общества». Он возглавлял «Общество поощрения нравственности среди военных» (武德励进会), хотя сам вел разгульный образ жизни, к тому же был абсолютно безграмотным в военном отношении.

Чан Кайши давно был недоволен действиями Паня, и после победы над Японией он лишил того всех должностей, оставив лишь одну — командира 56-го корпуса объединенной армии. В 1946 г. в Чунцин для переговоров прибыли представители Гоминьдана и компартии во главе с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. Чан Кайши подослал тайного агента с заданием вызвать скандал и беспорядки. Пань же, в свою очередь, тоже подослал человека с целью защитить Мао Цзэдуна. Чан Кайши не смог простить такое.

Позже, когда Пань Вэньхуа занял должность помощника главы администрации Юго-Западного Китая, он никогда не выполнял поручений и приказов Чан Кайши. В этот период его связь с КПК стала еще прочнее. Радиостанции городов Яньань (延安) и Ланчжун (阆中) провинции Сикан постоянно обменивались между собой полученной информацией.

В конце 1947 г. министерство национальной обороны второй раз провело реформирование войск. 56-й корпус был преобразован в дивизию, которую возглавил сын Паня — Пань Цинчжоу (潘清洲), и дивизию передислоцировали в Ичан (宜昌). Но вскоре дивизия была разъединена, и в подчинении Паня остался лишь охранный полк.

Отца Паня это возмутило, и Пань Цинчжоу, сказавшись больным, вернулся в Сычуань, где вскоре был назначен заместителем начальника полевого штаба в городе Чунцин. Должность получилась номинальной: обязанности были, а права отсутствовали.

Воспользовавшись тем, что власть Чан Кайши рухнула, Пань Цинчжоу в районе озера Хунху (洪湖) провинции Хубэй собрал ранее подчинявшиеся ему войска и сформировал дивизию под номером 235, назначив себя командиром, а затем через ущелье Куймэнь (夔门) направился в Сычуань.

Проигрыш Чан Кайши был окончательно предрешен, и отец Пань стал метаться в поисках выхода. Он направил своего человека для связи с революционным комитетом Гоминьдана (выступавшего на стороне Революции). В сентябре бывший подчиненный Паня Го Сюньци (郭勋祺) предложил поднять восстание в Чунцине, однако сил у обоих оказалось недостаточно, и идею так и не реализовали.

Источники

URL: <https://www.bannedbook.org/bnews/cbnews/20170327/736589.html>

Лю Сяофэй. Лю Вэньцай чжуанюаньдэ чжэньсян. [Лю Сяофэй. Правда об усадьбе Лю Вэньцай]. (На кит.). Дата публикации 27.03.2017

URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%88%98%E6%96%87%E5%BD%A9>
Энциклопедия поисковика Байдю. (На кит.).

URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4ccc25d30102ef8h.html Информация о фигурах композиции «Двор сбора аренды» в музее-усадьбе клана Лю. (На кит.). Дата публикации 07.02.2014

URL: http://news.ifeng.com/history/zhongguoxiandaishi/detail_2012_10/24/18530681_1.shtml Да дичжу Лю Вэньцай. [Крупный помещик Лю Вэньцай]. Текстовая информация и документальные фильмы. (На кит.). Дата публикации 24.10.2012

URL: <http://w1.mingjingnews.com/index.php/%E6%96%B0%E8%81%9E/%E6%AD%B7%E5%8F%B2%E6%88%91%E7%88%B6%E4%BA%B2%E8%A2%AB%E6%97%A0%E7%AB%AF%E6%89%AF%E8%BF%9B%E4%BA%86%E6%94%B6%E7%A7%9F%E9%99%A2%E9%80%A0%E5%81%87%E6%B3%A5%E5%A1%91>

«Воспоминания невинно отсидевшего 14 лет». Дата публикации 17.10. 2018

URL: <http://www.people.com.cn/GB/wenhua/1088/2789055.html> Дата публикации 16.09.2004

URL: <https://kknews.cc/zh-my/news/p29vvnvz.html> Сычуань цзюньфа Лю Вэньхуэй юй Лю Сян дэ эр Лю чжи чжань. [«Война двух Лю — сычуаньских милитаристов Лю Вэньхуэй и Лю Сяна»]. (На кит.). Дата публикации 28.09.2018

URL: <http://history.news.163.com/special/00011HJ4/dizhushi03.html> Сяо Шу. Лю Вэньцай чжэньсян. Шэньси шифань дасюэ чубаньшэ. [Правда о Лю Вэньцае. Издательство Педагогического университета провинции Шэньси]. (На кит.). Дата публикации 10.12.2009

URL: http://www.meilicdw.com/wsbl/201612/27/t20161227_4689427_2.shtml
Дата публикации 27.12.2016

URL: <https://www.zhihu.com/question/23513566/answer/133233441> Жухэ пин-цзя Лю Вэньцай ци жэнь ци ши? [Как оценивать жизнь и деятельность Лю Вэньцай?]. (На кит.). Дата публикации 27. 11. 2016

URL: https://boxun.com/news/gb/z_special/2016/03/201603160910.shtml Лю Сяофэй. Сюэсэ хуанхунь — чжэнчжи сюаньво чжундэ Лю Вэньцай хоужэнь. [Лю Сяофэй. Красные сумерки — потомки Лю Вэньцай в водвороте политических событий]. (На кит.). Дата публикации 16.03.2016

URL: <http://biweeklyarchive.hrchina.org/article/535.html> Лю Вэньцай цзясян цайфан лу. [Интервью с земляками Лю Вэньцай]. (На кит.). Дата публикации 07.06. 2008

URL: http://k.sina.com.cn/article_6427824166_17f20d02600100d47q.html?cre=tianyi&mod=pcpager_focus&loc=39&r=9&doct=0&rfunc=100&tj=none&tr=9

Да дичжу Лю Вэньцай ши хао жэнь ма? Ци сунь-цзы хэ и-тайтай ши чжэян шодэ, чжэньсян ши шэньмо? [Хороший ли человек крупный помещик Лю Вэньцай? Правда ли то, что говорят о нем внук и наложница?]. (На кит.). Дата публикации 22.11.2018

URL: <http://wdjf.blog.sohu.com/196986446.html> Цаньгуань Даи Лю ши боугуань. [Посещение музея клана Лю в Даи]. (На кит.). Дата публикации 07.12.2011

URL: <https://www.wenxuecity.com/book/?act=view&chapterID=5989103&bookID=60492001> Чжан Юнцзю. Минго Сычуань ди-и цзя — Лю Сян цзяцзу. [Чжан Юнцзю. Самый известный в Сычуани клан Лю Сяна в период Китайской Республики]. (На кит.)

URL: <https://www.zhihu.com/question/23513566/answer/73457138> Жухэ пин-цзя Лю Вэньцай ци жэнь ци ши? [Как оценивать жизнь и деятельность Лю Вэньцай?]. (На кит.). Дата публикации 23.11. 2015

URL: http://news.ifeng.com/a/20150201/43070247_0.shtml Дата публикации 10.02.2015

URL: https://chinanews.co/cgi-bin/news/gb_display/print_versiOn.cgi?art=gb/z_special/2018/01&link=201801040551.shtml Лю Вэньцай дэ пяолян санитай, ваньянь цзин луньлодао као май шэнь дужи. [Красавица третья наложница Лю Вэньцай вынуждена была торговать телом в последние годы жизни]. (На кит.). Дата публикации 04.01.2018

URL: <https://psyfactor.org/lib/zln1.htm>

С.А. Зелинский. «Манипулирование массовым сознанием с помощью СМИ» (Современные психотехнологии манипулирования), «Глубинная психология масс» (Современные психотехнологии манипулирования)

Дата публикации 2010 г.

URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/1360-1380/Ustan_soli_cae/text4.htm

Сун Инсин. «О вещах, созданных Небом и трудом человека», глава пятая, «О соли». Дата публикации 2006

URL: <https://biography.wikireading.ru/150937>

«Миссия в Китае», Чуйков Василий Иванович

URL: <http://www.pseudology.org/Pobeda/ChanKaySchec.pdf>

Владилен Воронцов «Судьба китайского Бонапарта», все о Чан Кайши,
о сестрах Сун, о сыне Чан Кайши.

URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2070180 А.Г. Юркевич «Китайские
милитаристские группировки».

Научно-художественное издание

Исаева Людмила Ивановна

**Помещик Лю Вэньцай:
исторический пример манипулирования
общественным сознанием в Китае**

Редакторы *А.С. Давыдов, Л.С. Лаврова*

Идея дизайна обложки *А.С. Исаев*

Оформление *О.В. Волкова*

Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова*

Подписано в печать 21.03.2022
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 11,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод – 200 экз.)
Заказ №

ФГБУН Институт Дальнего Востока РАН
117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
тел.: +7(499) 124 02 17
e-mail: ifes@ifes-ras.ru
<http://www.ifes-ras.ru>

Электронная библиотека ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел.: 8 499-322-38-30